

Меродий Отсюдов

ПУТЕШЕСТВИЕ
В МОЛОДОСТЬ

Попаданство нынче в моде. Вот и я решил рвануть из города. Но не далеко, а в совсем не далекое прошлое. Машины времени и прочие порталы еще не изобрели, но для меня это был такой себе аргумент.

Собрал рюкзак и в путь. А чего в городе делать? Кредит погашен, начальник послан в пешее эротическое, а подруга сама ушла. Вот и топаю я по пыльной дороге в родную деревеньку, подарившую мне столько приятных воспоминаний и душевных моментов с целью своего обнуления и разбавления монотонных и серых будней яркими приключениями. Да непременно такими, чтобы рейтинг восемнадцать плюс был. Не меньше.

Внукам о таком не расскажешь, а вот друзьям — завсегда пожалуйста.

Глава 1. Салют, свобода

Я брёл по дороге
Осенним днем, мои ноги стонали
Я одолел крутой подъём
Это было ненастным
Октябрьским днём.
“ЧиЖ и Ко”

Напевал я, бодро шагая по обочине дороги. И хотя на дворе был совершенно не октябрь, а конец мая, в остальном совпадений с моей нынешней действительностью и блюзовым настроением хватало.

Позади десять лет ежедневного труда на благо компании. Десятка строгого режима. Да за убийство меньше дают! Причем, с отягчающими.

Проводя такие параллели я улыбался, ведь впереди маячил долгожданный отпуск. Даже не отпуск, а самые настоящие каникулы, которые я намеревался насытить незабываемыми и горячими событиями. Один в один, как тогда. Если не круче.

— Никакого отпуска, никаких отгулов. Чистый оклад за этот месяц тебе обеспечен. А не успеешь доделать отчёт, жди штраф, — иронично повторял я слова шефа. — Да вот вам, вдоль хари, Валерий Геннадьевич! — проорал я, показав луне два средних пальца. — Не хотели хлеб с маслицем, жуйте хер с рассолом! А я... Всё! Добби теперь свободен!

Последние слова прозвучали уже с восторгом. Пьяным восторгом юнца, залудившего пару банок Балтики "девятки". И хотя юнец на днях отметил тридцатипятилетие, а в руке была уже третья жестянка, все это делалось не пьянства ради, а чисто для ощущения важности момента.

И никак иначе.

Сегодня утром я наконец-то решился “выйти из зоны комфорта”. Проснулся, встал с дивана и с этого момента всё пошло, как по нотам. Не в ту степь, правда, но зато теперь я совершенно свободен. Причем от всего и всех.

Долбаный кредит погашен, начальник послан, а подруга сама ушла. Не модный я, видите ли, оказался. Да и плевать.

Я хлебал паршивое пойло, искренне улыбался и шёл к своей мечте. К веселой и беззаботной жизни, в которой нет места для осточертевшей политики и информационного мусора, внедряемого в перегруженный мозг из каждого уголка. И до этого тихого места, где я давно хотел отдохнуть от задолбавшего меня мира, оставалось чуть меньше пяти километров.

Вон, с пригорка уже видны огни деревенской иллюминации, как описали ввод в эксплуатацию пару китайских фонарей в местной газете. И даже угадывается "курятник" клуба, который по какому-то глупому стечению событий деревенские звали домом культуры.

Душа рвалась в родные пенаты, а ноги резво несли пьяное тело. Вдохнув полной грудью пьянящий воздух свободы я застыл, наслаждаясь моментом.

— Зацени, чувак, как на улице то ..., - ни к кому не обращаясь протянул я и снова набрал полную грудь воздуха, сносящего башню похлеще тёплой “Балтики”.

Момент единения с природой прервал, появившийся из-за поворота свет фар.

— Подвезет или нет? — всплыли в голове строчки чижовской песни.

Топать оставшиеся километры на своих двоих было лень. Да и учитывая образ жизни,

который я вел последние годы...

Пивная диета с частыми никотиновыми перекусами, бич-пакеты и лечебное голодание, вызванное хотелками очередной подруги здоровья мне явно не прибавили.

— И от этого тоже устал и убегаю, — подбодрил я себя.

Вздохнув, я подумал, что намного приятнее было бы завершить первую часть своего путешествия в молодость, водрузив свою задницу на пассажирское сиденье авто. Вдвойне приятнее было бы, если бы за рулем оказался старый знакомый. Теплая встреча, разговоры, посиделки. Но все это были мечты, совершенно отрезавшие меня от реальности.

И пока я слегка пошатываясь предавался мечтам, пытаюсь скинуть к своим ногам рюкзак со стандартным джентльменским набором, машина стремительно приближалась.

Боли я не почувствовал. Так, толчок в задницу, хоть и весьма чувствительный. Хруст ломающегося пластика и скрежет железа я услышал, когда моё брэнное тело, получив, хоть и вскользь, а хорошего пинка, воспарило над обочиной дороги и устремилось в густые заросли кустарника.

Мне показалось, что время замерло. Как будто в слоумо всё было. Моё тело медленно летело в кювет, а мозг молниеносно анализировал сразу миллион деталей.

Я видел, как внедорожник, слегка вильнув, вернулся на середину просёлка. Заметил след от падающей звезды, расчертившей ночное небо. Обратил внимание на приближающийся столб и обычный, средних размеров, камень, валявшийся в заросшей травой канаве, что была метрах в трёх от столба.

— Есть пробитие, — отметил пьяный мозг, когда я впечатался головой в холмик кротовой норы. — Экипаж контужен.

И наступила тьма.

В сознание меня вернул треск мотоциклетного двигателя и скрежет металла. Открыв глаза, я увидел перед собой заросший травой обрыв. Чистой воды, старый окоп. Треск усилился, а потом внезапно стих.

— Ёпт, прям как в фильмах про войну, — прошептал я, боясь пошевелиться и пытаюсь понять, где я и кто я.

Эффект полного погружения добавляла ноющая задница, раскалывающаяся от боли голова и следы гусениц в метре от моих глаз. Лежа в траве я пытался осмыслить и разобраться, попадос или попаданец.

И пока я ломал голову, отчасти радуясь приключениям, на дороге, аккурат напротив меня, послышалась возня и мат.

— Сукаааа. Да чтоб тебя, — прервал размышления вопль.

Я насторожился.

— А вот это в корне меняет ситуацию, — резюмировал я. — Если даже и перенёсся во времени, то попал к своим. Ща, оценим обстановку и как и полагается лихом попаданцу, начнем вершить судьбы.

Я привстал, стараясь не шуметь и пополз в сторону тусовки. Все тело нестерпимо ныло, но то, что я увидел в просвете кустарника, затмило всё. На обочине дороги стоял он! Спортивный «Чезет». Розовая, вернее оранжевая мечта моей бурной юности. Лицо моментально озарила улыбка, а перед глазами поплыли картины далекой и беззаботной юности. Дорога на дискотеку, самогон, деревенские подруги, решившие в этот вечер, во что бы то ни стало, стать взрослыми...

— Да чтоб тебя, дерьмо ты раритетное, — прервал нахлынувшие флешбеки

подростковый вопль.

Вмешиваться не хотелось, да и смешно было наблюдать, как вокруг мотоцикла нарезает круги длинноволосый парнишка, на вид лет шестнадцати.

— Да какого чёрта тебе ещё надо то? — возбужденно орал юный байкер.

А вот это уже становилось интересным. По крайней мере, даже если меня и перенесло во времени, как это описывают в книгах, то не так уж и далеко. В любом случае, прикид у меня не провокационный. Косуха, рубашка, грязные джинсы да кросы, облепленные грязью так, что хер поймешь, во что я обут.

— А чего это мы тут делаем, а? — максимально вежливым, даже слегка театральным голосом процитировал я героиню черно-белого детского кино, вылезая из кювета на дорогу.

Патлатый насторожился.

— А разве не видно? Этот музейный экспонат, дерьмо раритетное, мне уже весь мозг вынес, — поведал он, снисходительно осмотрев меня и пнув мотик.

— Опа-на. Перенос во времени, если он и есть, минимален, — уточнил мозг.

— Ииии? — требуя продолжения, протянул я.

— Чего и? Помоги толкнуть что ли! — огрызнулся мелкий. — Все пацаны, блин, на нормальной технике гоняют. Плевать, что голимые китайцы, а не фирма, но они хотя бы работают. Один я, как лошара, на батином призраке коммунизма.

— Какого коммунизма? Это же Чезет! Мейд ин Чехословакия. Ааа, — огорченно махнул я рукой. — Ты, наверное, и про страну то такую и не слышал, — сплюнул я. — Ладно, чего там у тебя? Говоришь, заглох? Ща.

В голове моментально родился план обучения и разведки. Или наоборот.

— Искру проверял?

— В смысле? — протянул парень.

По ходу путешествие во времени отменилось. Произошел сбой, — внёс коррективы мозг. А так хотелось, если честно. Ну, если и тут облом, то это не повод отменять веселье.

— Эх, молодо-зелено, — продолжал я сыпать любимыми цитатами. — Ты что никогда пьезозажигалку не разбирал? Палец, сюда вот сунь. Защекочет — есть искра, — напутствовал я малого, доставая из-под бензобака свечной наконечник.

— Ууууйййййй, — взвыл юноша, отлетев от “Чезетки” минимум на метр, как только я пнул ногой кикстартер.

— Работает, — резюмировал я. — Не очкуй малой, Искра есть, значит будет и пламя! Ща всё починим. Или доломаем.

Трогая и шевеля пальцами все, до чего они дотягивались, я всё глубже и глубже погружался не только в недра любимой техники, но и в воспоминания. По-хорошему, нужно было вспоминать техничку, а память, как назло, подкидывала совершенно другие образы.

— У Серого такой же был, — вздохнув, пробормотал я. — Один в один.

Наблюдая за моими потугами малой потирая пострадавшую руку, постепенно подходил всё ближе и ближе. А когда я сдернул с бака шланг подачи топлива и начал дуть в него, замер в недоумении.

— Давай, заводи, — скомандовал я через пару минут. — Дело было не в бобине.

— А не шибанет? — все ещё потирая пострадавшую конечность поинтересовался юный байкер.

— Не боись. Давай уже смелее.

— А что было то? — не унимался мелкий.

— Да фильтр, по ходу, забился. Продувка ненадолго поможет, но до дома доедешь. Надо открутить вот эту хреновинку, промыть сеточку и всё будет норм. Если обратно собрать.

Но вместо ожидаемой радости, юный байкер насупился.

— А оно мне надо.

— Заводи давай, — прикрикнул я, не обращая внимания на его выкрутасы.

Всё ещё опасаясь строптивной техники, юноша аккуратно повернул ключ и осторожно нажал на кикстартер.

— Да что ты его как... — не выдержал я. — Дай сюда.

Оттолкнув малого я победно улыбаясь и слегка наклонив мотик, воплотил в жизнь слова популярной песни моей мото-юности: с пинка заехал в заводной рычаг. И, о чудо. “Чезетка” ожила. Да еще как ожила.

— Садись, прокачу, — проорал я ошалевшему от удивления юноше. — Рюкзак только мой прихвати.

Тот испуганно кивнул, подхватил с обочины мои вещи, запрыгнул в седло и намертво вцепился в мое пузо.

Я усмехнулся. А потом... А потом я оторвал душу. Вспомнил июльский ветер в лицо и кураж, ожидания посиделок с песнями под гитару и портвейн. Ночные полевые дороги. Визжащую от восторга Наташку, вцепившуюся в меня. Как она на кочках и поворотах, как бы нечаянно трогала мой молодой и радующийся таким робким девичьим рукам, орган, рвавшийся из штанов.

Это меня и подвело. До села мы не доехали метров сто. Заднее колесо влетело в яму и жёсткие амортизаторы запустили моего юного пассажира к звездам. Один он лететь не пожелал. Уцепившись одной рукой за мою подмышку, а второй за мою роцкерскую шевелюру, пацан буквально вытянул меня из мотоциклетного седла и я второй раз за вечер на своей заднице испытал мягкость и приветливость сельских обочин.

— А в отсутствии цивилизации и асфальта определенно есть свои плюсы, — резюмировал я лежа в канаве и борясь с навязчивым ощущением дежавю.

— Мужик, ты где? Эй, — прервал мои размышления голос юнца.

— Да тут я, чего вопишь, — обозначил я свое присутствие и здравие.

Говорить не очень то и хотелось, рот был полон придорожной пыли. Да и после таких покатушек весь хмель от “Балтики” как рукой сняло. Я сел и задумчиво почесал затылок.

— Ааа, гулять, так гулять. Вспомним молодость, — махнув рукой постановил я. — Эй, малой, самогоном в деревне торгуют?

— У Бычихи, говорят, есть.

Услышав знакомое имя я заулыбался. У этой самой бабки-бутлегерши, интересно, а сколько ей вообще лет? Короче, у неё “горючку” покупали и мой дед, и отец, и я. Все с него начинали. А кто-то им и заканчивал свое брэнное существование. А потом её же ядрёный самогон и накрывали черствой краюхой хлеба.

— Ну и какого мы тогда сидим? Гони за пузырьём. Знакомиться будем, — смачно сплюнув себе под ноги, постановил я. — Только попроси бабку сделать два больших пшика и один маленький, — прокричал я вслед гонцу.

— Чего? — не понял парень.

— Передай так, на словах. Она поймет, — заржал я.

Но тот, видимо, не поняв в чём мулька и подвох, радостно закивал. Я же, поставив “Чезетку” на подножку, уселся на мотик и, закурив мятую сигарету, опять погрузился в

воспоминания.

Запыхавшийся гонец вернулся, когда в кусты летел уже третий бычок.

— Чего так долго? — недовольно буркнул я.

— Так это. Два часа ночи же. Спят все, — попытался оправдаться абориген, размахивая перед моим носом мятой полторашкой с мутной жидкостью.

— Спят они. Время детское ещё, — продолжал ворчать я. — Хорош свистеть, фару давай откручивай.

— Зачем? — растерялся парень.

— Вот молодо-зелено, — повторно процитировал я опытного персонажа из любимой компьютерной игры.

Смерив нового знакомого пристальным взглядом и поняв, что тот не шутит и реально надеется, что я достану из своего рюкзака пластиковые стаканчики, снова сплюнул под ноги.

— Отвёртка есть? — поинтересовался я.

— В бардачке была, кажется.

— Доставай.

Озадаченный парень извлек из мотоциклетного бардачка выдавшую виды отвертку и с непонимающим видом протянул её мне.

— Учись, пока я жив, — попытался схохмить я и принялся выкручивать болты, удерживающие плафоны поворотников.

— А что так можно было? — удивленно протянул парень, когда я протер желтые плафоны и плеснул в них по трети самогона.

— Ты, правда, не знал что ли? — натурально охренел я. Культурными словами тут, реально, не опишешь моё удивление.

— Неа. А запить есть чем? Я не могу без запивки.

Пришлось лезть в рюкзак и доставать бутылку тёплой минералки.

— Держи. Лечебная. Пагубный эффект самогона нейтрализует, — заговорщицки улыбнувшись заверил я. — Будем. Я, кстати, Санёк.

— Матвей, — представился собеседник и лихо запрокинув голову уверенно влил в себя жидкость из импровизированного стакана.

Наблюдая за дальнейшим видоизменением юношеского лица я испытал весь каскад ощущений и непрерывную череду флешбеков. Начавших уже надоедать.

— Да ты что творишь? Да кто ж так пьет, то? — возмущался я, когда Матвей принялся полоскал рот минералкой.

Малой с непонимающим видом и полным ртом воды в непонятках уставился на меня.

— Показываю в первый и в последний раз, — пафосно провозгласил я на всю округу. — Наливаем в походный стакан топливо марки “С”, и берём его в правую руку. В левой у нас бутылка с запивоном. Делаем маленький глоток запивки и держим это всё во рту. Потом резко вливаем в рот самогонку и только потом, насладившись гаммой вкусов, глотаем наш коктейль. Ведь только таким образом ты почувствуешь изысканные нотки дуба, которого можно дать, если перебрать с самогоном Бычихи, — переиначив любимый мем, напутствовал я. — Теория окончена, приступаем к практической части.

Матвей с неподдельным интересом наблюдал, как я, соблюдая весь описанный ритуал сельского алкогольного возлияния, совершенно не поморщившись влил в себя всё содержимое импровизированного стакана.

— Слабо? — поинтересовался я, шаря по карманам в поисках зажигалки.

— Н н не знаю, — проблеял юноша. — П п п попробуем.

Паренек тщательно повторил за мной все действия.

— Молодца, — резюмировал я, вырывая из рук Матвея бутылку с остатками минералки. — Но запивон экономить нужно!

— А так и вправду круче, — радостно улыбаясь заверил новый знакомый. — А ещё чемунибудь научишь?

Я затаился сигаретой и попытался скрыть улыбку.

— А тебе лет то сколько? — поинтересовался я.

— Семнадцать.

— А, ну тогда готовься Чижик. Нас ждет незабываемое лето, — обрадовал я юнца.

— Какой ещё Чижик? Я Матвей или Мэтью Вульф, — обиделся малой.

— Ты на Чезетке катаешь — значит Чижик. И пох. А свои эти Мэтью засуньте себе в задницу вместе со смузи вульфами и прочими новомодными пижонствами. Я отдыхать приехал. Утомил ты меня. До дому я потопал. Завтра свидимся, — бурчал я, засовывая мятые полторашки с остатками минералки и самогона в свой рюкзак.

Отступить от первоначального плана, провести это лето с огоньком, да в своей родной деревне, где жила моя бабка и прошла яркая юность, мне не хотелось. И чем меньше оставалось до бабкиного дома, тем сильнее я чувствовал дух приключений, витавший вокруг. А ещё жуткая ностальгия меня терзала.

— Надо будет дневник завести, что ли. А то опять половина лета в забвении останется, — пронеслась в голове шальная мысль.

Бабкин дом, всё так же стоял в окружении трех сосен, ставших ещё больше и пары высоченных берез. Подойдя к самому высокому дереву я с радостью отметил, что секретное дупло больше не стало и в нем даже лежат, когда то забытые мною зажигалка и мятая пачка с размокшей за два десятка лет сигаретой.

- “Жорик”, когда же я в последний раз такие курил? — пытался вспомнить я, бережно доставая из мятой пачки сигаретку.

Идея, скурить сигу времен моей юности, оказалась дрянной. От времени и постоянной влажности из пачки несло трухой, а не табаком. Повертев заветную пачку, когда то бывшую для меня целым состоянием, я с сожалением вытряхнул из неё содержимое, а упаковку положил в карман. На память.

Потоптавшись на крыльце я несмело стукнул в окно. Один в один как двадцать лет назад, когда возвращался домой после веселой дискотеки. Часто, чтобы не шокировать бабку своим состоянием, я просто укладывался на крыльце и дремал, пока утренний холод и сон хоть немного не выветрят хмель из молодой головы. Или зубы не начнут стучать с такой силой, что сказать ничего невозможно. И вот тогда можно было стучать в окно, оправдывая бессвязную речь погодными условиями или легкой одеждой. Тогда мне казалось, это беспроегрешный вариант. Амбре же, исходящее от меня, в расчет не брал.

Обычно, тихого стука хватало, чтобы разбудить древнюю родственницу. Сегодня же я еле-еле до неё достучался.

— Ой ли, Сашенька, — улыбалась бабка, открыв мне дверь. — Внучек. Ты ли это? Какими судьбами? А почему не позвонил?

— Сюрприз хотел сделать. Приятный, — пытаюсь унять дрожь в голосе, оправдывался я.

— Проходи! Проходи, родной. Чай будешь?

— Спасибо, я посплю, а чай пить мы утром будем. Устал, как собака. Поскользнулся и

упал еще, — врал я, пытаюсь оправдать свой вид.

Прошмыгнув мимо сердобольной бабки я, ощупывая стену рукой, аккуратно прошел в зал и охренел от накативших чувств. Диван, на котором я обычно спал, стоял там же, где и всегда. Только сейчас застелен он был и высилась на нём пирамида из подушек, бережно укрытых вязаной салфеткой.

Разбирать диван не стал. Сложил подушки в угол, скинул косуху прямо на пол и натурально рухнул в свое ложе. Древний диван, на котором, кажется, прошла первая брачная ночь моей бабки, жалобно скрипнул, но не сложился.

Глава 2. Бодун по деревенски

Все хорошо, все в деревне хорошо (хорошо)!

Все хорошо, все в деревне хорошо (хорошо)!

Все хорошо, все в деревне хорошо!

В деревне все нормально! В деревне хорошо!

«Сектор Газа»

А на утро началось похмелье. Нет, не легкий тремор в конечностях и сушняк. Башка трещала невероятно, тело ломало, руки тряслись, а внутренности натурально выворачивало наизнанку. Про кошек во рту — не было. Не гадили они мне туда, не знаю какво это.

Чёрт, а я ведь уже почти забыл, как жестока и беспощадна расплата за деревенское высокооктановое пойло!

— Да, не те уже у меня годы, чтобы пиво сэмом запивать, — прошептал я, еле двигая пересохшими губами, едва придя в себя.

— Тем более, если это Бычихин сэм, — подсказал разум.

Однако моего состояния это не облегчало. Проведя рукой по слипшимся волосам и вспомнив все свои вчерашние злоключения, постигшие и мою задницу и голову, я расстроился ещё больше.

— Так, боец, ты на кой хер сюда вернулся? — попытался я взбодрить себя. — А ну давай вставай и вперед, бороться с похмельем и вникать в курс дела.

Мотивация оказалась так себе. Еле передвигая гудящими после вчерашних приключений ногами я осторожно, словно в юности, когда боялся получить люлей за свое вчерашнее состояние, выглянул на кухню. Никого.

В уголке стояло оно, ведро полное живительной влаги с черпаком, а в углу — железный, ещё советский, умывальник. Первый ковш зашел на ура и на одном дыхании. Шумно выдохнув и стараясь не шевелить головой, на автомате приземлился на табуретку.

— Фууух, — только и смог произнести я. — Писец. Однако ж давненько мне так хреново не было, — бубнил я, когда взгляд упал на притаившуюся в углу флягу.

Видавший виды сосуд, а точнее его содержимое, как я надеялся, поможет мне не только пережить этот день, но и вдохновит на вечерние подвиги.

— Йес, — радостно завопил я, откинув крышку сорокалитровой фляги и с наслаждением вдыхая забытый дрожжевой запах. — Никогда бы не подумал, что он такой приятно-возбуждающий, — хмыкнул я и облизнув растянувшиеся в улыбке губы, горстью зацепил немного браги.

— У, паразит, куда грязными то руками! — раздалось сзади и в следующую секунду по спине прилетело полотенцем.

От неожиданности я присел, икнул и оглянулся. В дверях стояла бабка.

— Писец, подлечились, — буркнул я.

— Ковшик хотя бы взял, — поломала привычный ход событий старушка. — Тоже мне, городской вернулся. Грязными лапищами, да с немойтой рожей в бражку лезет. Скиснет же, — зывала к моей совести бабка, потчужа меня полотенцем, когда я вняв совету старших зачерпнул полный ковш сладковато-горькой и мутной субстанции. — Только zenки протер, как сразу же пьянствовать. Вырастила на свою шею помощничка, — беззлобно ворчала старушка.

— Ба, не ругайся а. Я сейчас посплю пару часиков и все, — заверил я и робко направился в сторону своего любимого ложа, — Отдохну немного и дров принесу, и воды нарублю, и курятник прополю...

Поспать вволю мне не дали.

— Вставай оболтус! Обед на дворе, — сквозь похмельный сон услышал я голос бабки.

А спустя пару мгновений чувствительный удар полотенцем по моей многострадальной голове убедил меня, что с родственницей лучше не спорить.

— Давай, вставай, внучок, — явно издеваясь, елейным голосом протянула бабуля. — Я тебе чаю навела. Помощь мне твоя нужна. Грядочку небольшую вскопать нужно. Подсоби бабуле.

Делать было нечего. Наскоро хлебнув крепкого чая я отправился на свершение трудовых подвигов, рассчитывая управиться минут за пятнадцать, а потом продолжить неравный бой с подушкой. Но когда я увидел “грядочку”, я охренел. По другому и не скажешь.

— Да тут как бы не целая сотка! — сокрушался я, оглядывая бабкино позьмо.

— А хоть бы и так, что с того? Бабушке любимой откажешь? Мне тут сегодня нужно обязательно помидорку высадить. Луна в нужном цикле.

— А не легче купить?

— Иш чего удумал. Купить, — словно пробуя на вкус это противное для неё слово, протянула бабка. — Свое вкуснее, — поставила она точку в споре. — Лопата в сарае.

Поняв, что препираться и взывать к логике и разуму бесполезно, пришлось смириться и отрабатывать трудовую повинность.

— Всё, с обеда — не пью. А вечером найду тетрадку буду записи вести. Нафиг — нафиг. Плавали — знаем, как лето профукать. Точнее, не вспомнить даже части той дичи, что творил, — мотивировал я себя, орудуя лопатой.

Спустя десять минут напряженного труда с меня текло так, что после высадки помидорки, её можно было и не поливать. Благо в огороде летняя колонка была и запас жидкости в организме можно было пополнять неограниченное число раз.

Трудотерапия пошла на пользу. Вместе с потом вышел и хмель. А потом и в животе заурчало. А когда закончил огородничать, о похмелье забыл напрочь.

Аграрная физкультура пошла мне явно на пользу. Как огромная тарелка шей со сметанкой поместилась в моем, привыкшим к фастфуду желудке, я не заметил.

— Спасибо, ба, — поблагодарил я старушку, чмокнув ее в морщинистую щеку. — Я во двор. Посмотрю, что и как.

После сытного обеда меня вновь потянуло в сон. Прихватив косуху, я решил незаметно улизнуть в сарай и подремать на полке, которую соорудил себе во времена бурной юности. Каково же было мое удивление, когда открыв подгнившую дверь я увидел ее...

— Ява... — улыбаясь и разглядывая технику, покрытую огромным слоем пыли, бубнил я. — Моя ты красавица. А я думал, продали тебя.

Глава 3. Собрались старые друзья

Яву, яву, взял я на халяву.

«Сектор газа»

Подпевал я смартфону, радуясь удачной находке.

Выгнать любимую технику из гаража труда не составило. Но вид и состояние, в котором пребывала моя красавица делал глазкам больно.

— Дело было вечером, делать было нечего, — подбодрил я себя оглядывая бабкины владения в поисках ведра и тряпки.

Фронт работ предстоял немалый. Во первых, нужно было раскидать хлам, скопившийся в коляске моего мотомонстра.

Первое, что обнаружил в коляске — гнездо. Судя по размерам и помету крысиное. Потом на землю полетели старое одеяло, фуфайка, погрызенный крысами резиновый сапог, оказавшийся подозрительно тяжелым. Опасаясь заглядывать внутрь, а ну как там затаился хвостатый и весьма мерзкий, для уже городского жителя, длиннохвостый грызун, я перевернул сапог и потряс его.

Опасения не подтвердились. На землю брякнулся мятый бутыль с яркой надписью на этикетке “Блейзер”. Внутри даже еще что-то плескалось. Я смачно облизнулся, а потом скривился, вспомнив этот незабываемый вкус деревенского детства. Почуввав неладное, печень предательски ёкнула.

Чтобы успокоить впечатлительный орган пришлось брезгливо пнуть початый флакон с элитным пойлом нцатилетней выдержки в разрастающуюся кучу мусора. Следом в эту же кучу полетел гандон, судя по всему использованный. Возможно даже мною. Дырявый носок, три полупустые пачки “Святого Жоры”. Вершину мусорной пирамиды украсил граненый стакан, покрытый какой-то коричневой дрянью.

Спустя пару часов, старушка юности моей, отмытая до состояния “ипать-привет, как чисто” сверкала в лучах заходящего солнца так, что одной рукой я полировал бензобак, а другой вытирал слезы счастья. На первый взгляд к покатушкам все было готово. Но...

— Обломинго, — констатировал я, разглядывая совершенно пустой бак, в котором не то что бензина, даже запаха его не было.

Вместо знакомого аромата разбодяженного семьдесят шестого из бака перло олифой.

Из размышлений о превратностях судьбы и летучести бензина меня вывел рев мотоциклетного мотора в равных пропорциях смешанный с мальчишескими воплями и треском ломающегося штaketника.

— Таран — оружие героев, а в нашем случае — дебилов, — провозгласил я и отправился на разведку.

Картина за воротами, что называется, была маслом. Любимый бабкин палисадник, который она берегла хлеще, чем кашей ту иглу, подвергся вероломному вторжению мотоциклетной братии в лице Чижика. Я по “Чезетке” его опознал.

— Видимость — ноль. Иду по приборам? — по приветствовал я пилота. — Ты, дебил или как? С закрытыми глазами катаешься?

Из куста пионов раздалась нечленораздельная речь замешанная на боли и непечатных словесных оборотах великого и могучего. Спустя несколько секунд из зарослей восстал и источник голоса.

— Ты шлем задом наперёд носишь? Или на ощупь катаешься? — наседали я. — А белая трость тогда где?

Окинув меня злобным взглядом, юный байкер вытаращил на меня глаза и замахал руками.

— Ты, пенсия, какого там вчера накрутил? — вопил Чижик. — Нубас, зашквар на изи подкинуть решил? Хочешь, чтобы я рипнулся? Точнее, чтобы батя меня рипнул за этот чермет, который ему дороже меня? — наступал Чижик.

— Стоять, миллениал. Я не понял. Нихрена. Голос на два тона пониже, когда со старшими разговариваешь. А потом внятно и по делу, — скорректировал я юнца.

— Пранкануть меня решил?

— Про русский язык слышал? В нём есть слова. Подлежащее там. Сказуемые. Если эти слова выставить в правильном порядке, получается предложение. А если поменять слова местами то рождается интонация. Например, наша Таня громко плачет. Или — плачет наша Таня, громко. Понимаешь? Это и есть великий и могучий русский язык. Напряги башку, тиктокар, и попробуй внятно изложить суть своих мыслей, — взывал я к разуму подрастающего поколения.

— Ты чего такой токсичный? Байтишь меня? — буркнул малой.

Я нихрена не понял. Но было видно, что парень разошелся. Кровь, сочившуюся из разбитого носа, не замечал. Да и джинсы разорванные по шву на заднице его по ходу волновали меньше, чем его драндулет.

— Сученьш, ты забыл что не в интернете? — уловив суть начал заводиться я. — Сюда иди. Будем учить тебя вежливости и русскому языку, если родители не научили, — проорал я, решив, что школьник меня недурственно так обложил на неизвестном мне наречии.

Словесная перепалка зашла в тупик. Решил действовать проверенным способом: привлечь в качестве аргумента штакетник. А там и поговорим на понятном языке. Дрын поддался легко. Малой завис, и, прикинув хер к носу, удрал в закат.

— Беги, Форест, беги, — проорал я вслед легкоатлету, помахивая дрынком. — А я пока тебе мотик до ума доведу, чтобы знал, как со старшими разговаривать.

Месть я решил сотворить донельзя примитивную, но действенную. Выкрученные ниппеля полетели в бензобак. А через минуту компанию им составили и бронепровода. Удовлетворившись, я вместо обломанной подножки подставил под мотик "терпилу" — пенёк, что валялся во дворе и присев на завалинку с наслаждением закурил.

— Да, а деревенька то изменилась. Раньше то дома досками подгнившими были обшиты, а сейчас сплошь китайским сайдингом, — подивился я, окидывая затуманенным ностальгией взором родные пенаты. — Как говорится, и до нашего захолустья тяга к дешевым понтам добралась. Не русская глубинка, а тexasский колхоз какой-то, — вздохнул я, делая финальную затяжку.

Не успел бычок отправиться в последний полет, как из-за поворота, ревя мотором выскочил внушительных размеров внедорожник. Красивый полицейский разворот и четырехколесный монстр застыл буквально в паре метров от бабкиного палисадника, едва не смяв "Чезетку". Стоило навороченной тачке замереть, как водительская дверь едва не слетела с петель от сильного удара.

— Это кто это тут такой бесстрашный? — проорал владелец внедорожника с видом хозяина вселенной вываливаясь из салона.

Я молчал, стараясь сохранить спокойствие. Хотя в присутствии тучного мужчины с

тяжелым взглядом злого начальника всего и вся, сделать это было непросто. Чтобы унять дрожащие руки я вновь вооружился оторванной шпакетинной.

— Штангисты и каратисты по одному. Остальные можно кучей! — подбодрил я себя, примеряясь к куску дряхлого дерева.

— О как, — отчего-то обрадовался мужик.

Я знал что внешность обманчива и уже прикидывал пути отхода, но толстячок с такой скоростью метнулся к багажнику и появится вновь поигрывая внушительных размеров бейсбольной битой. Запахло жареным, а в морду получать не хотелось совершенно.

— Бать, вломи ему, он твой мотик сломал и мне в ухо заехал, — подначивал мужика малолетний пилот “Чезетки”.

— Гы, — радостно воскликнул батя и замахнулся.

Помирать, так с музыкой, — подумал я встал в боевую стойку киношного ниндзя.

— Кууууяаяя, — предпринял я психологическую атаку. — От сейчас кто-то огребёт! Сейчас я этой палочкой буду дубасить двух урок, один из которых малолетний инвалид на всю голову, — подбадривал я себя, сыпля цитатами из любимого фильма юности в правильном переводе.

Психологическая атака принесла свои плоды. Мужик застыл с открытым ртом.

— Опа на... Санек, ты ли это? — опуская спортивный инвентарь поинтересовался мужик.

— Ну, — отозвался я.

— Не узнал что-ли?

— Эээ, — промямлил я, пока мозг анализировал вводные данные.

По виду передо мной стоял и лыбился типичный бандос из девяностых, или как сейчас говорят "индивидуальный предприниматель".

— Кандидат ты в депутаты. Друга не вспомнил, — расстроено протянул незнакомец.

— Серега? — удивился я. — Краб? А, блин, извиняй, Крабов.

Вот уж совсем этот боров не вязался с воспоминаниями поджарого "Депутата", что в юности в одиночку. Несмотря на свою неуклюжую фамилию, нагибал по три-четыре человека за драку.

— Вот он. Тоже мне, друг детства. Не узнал, сучёныш. Хотя ты на морду тоже сильно изменился. Да и не только на морду. Был же тощий как Кащей. А тут, смотрю, отожрался. Я тебя, считай, по выражениям и наглому профилю только и узнал, — сознался Серега.

— На себя посмотри, — Усмехнулся я. — Рожа шире газеты, — попытался отмазаться я. — Как говорится, богатым будешь!

Старый друг рассмеялся.

— Да я вроде и не бедствую, — кивнув в сторону джипа, усмехнулся Серега. — Колхоз после приватизации поднимаю.

— Оно, по подбородкам и мешкам под глазами хорошечно заметно, что не досыпаешь и не доедаешь, — подколот я друга.

— Бать, он мне в ухо двинул, — робко пискнул выглядывавший из-за салона авто мелкий подстрекатель.

Серега шумно вздохнул, повернулся и неспешно подошел к машине.

— Так говоришь, он тебя обидел? — указывая на меня битой, поинтересовался друг детства.

— Ага, — подтвердил подросток.

— Свистит Баклан, — парировал я.

Чтобы в красках описать ситуацию, мне потребовалась всего пара минут.

— Он вчера мне что-то там подкрутил, а сегодня у меня мотик с ума сошел. Я газ отпускаю, а он не сбрасывается, — отмазывался юный байкер. — Я с управлением не справился. Это он виноват. И вчера он еще катался на “Чезетке” и меня чуть не разбил, и бардачок поцарапал, — продолжал он гнуть свою линию.

— Держаться нужно было, — хмыкнул я.

— От жешь сучонок, — начал заводиться Серега. — Свистеть бате вздумал, значит, — грозно вопрошал главварь местных колхозников.

Почувяв неладное мелкий попытался ретироваться в направлении дома. Но Серега был быстрее.

— Свистеть, что пацаны пили, а на тебя дышали и потому от тебя пахнет моим вискарем, матери будешь, — орал на сына Серега, отвешивая ему звонких лещей. — Крысятничать удумал? Я из тебя эту дурь повыбью. Золотая молодежь, ёпрст. Все залеты его прикрываю, а он пользуется этим. Так ещё и уважаемых людей подставляет!

Экзекуция продолжалась недолго. Жертва Серегиного гнева извернулась и вырвалась на свободу.

— Дома разговор продолжим, — пригрозил фермер.

— Бать, ну не надо, — надавил на жалость малой. — А то я матери все расскажу.

— Нет, ты видал, — возмутился Серега. — Пригрел змееныша. Жируют на мои бабки и еще условия мне выдвигают.

— Серый, да забей ты на них, — вклинился я в семейные разборки. — Давай лучше выпьем, поговорим. А? Как раньше.

— Уболтал, чертяка языкастая, — кивнул Серега. — С меня магарыч, с тебя закусон и стол.

Закинув битую в машину Серега почесал затылок и подозвал сына.

— Иди сюда, засранец мелкий. Косяк свой будешь натурой отрабатывать. Притащи ка мне золотая рыбка бутылочку из шкафа моего волшебного.

Пока гонец метался кабанчиком, мы вытянули из палисадника пострадавшую технику.

— И чего малой развопился то? Тут всего то, тут подтянуть, фару поправить, тормоза проверить и разобраться, какого ляда газ запал, — резюмировал Серега. — Правда, колеса что-то спущены, броников не видно.

— Сорян, с этим я помог, — признался я.

— Да теперь то пофиг уже. Ты же починишь это, по старой дружбе, а? — похлопал меня по плечу Серега.

— Ты же знаешь мои расценки. Я как на заправке: меньше двух литров — даже не подходи.

— Хера се, — возмутился друг детства. Денег нет. Совсем нет. Мне тут школьному директору в доме окна поменять, а в школе шторы обновить, краску половую и айфон одиннадцатый учителке одной обещал, — начал клянчить Серый, как будто я прямиком из налоговой к нему явился.

— Совсем старый стал, да? Шуток не понимать? Загоняй свой дрышпак ко мне во двор, — заулыбался я. — Щас будем поглядеть, если компанию составишь.

Пока мы с другом детства, вспоминая чё и как, где и зачем, заталкивая многострадальный “Чезет” ко мне во двор, гонец принес радостную весть, объемом один литр. Лимонов не было. За закусью пришлось топать к бабуле, совершенно не довольной

развивающимися событиями. А чему радоваться то? Любимый палисадник затоптали, забор сломали, к внуку друг пришел, бухать будут.

— Мож вам самогонки плеснуть, а то опять напьетесь шмурдяка своего? — ворчала бабка, протягивая мне газетный сверток и подозрительно рассматривая Серегу, застывшего перед ней с литровой бутылкой в руках и выглядывающего из-за его спины подростка.

— Это чистокровный односолодовый шотландец, — попробовал оправдаться Серега.

— Ага, — усмехнулся я. — Это маркетинговый ход. Сам таким занимался и пил эту дрянь. После стакана во рту такое ощущение, что вместе с троллями на болотах торф жрете.

— На апельсиновых корках и недельных носках настоящая значит, — вынесла вердикт бабка. — Я тут вам сальца да хлеба серого порезала. Вы закусывайте там, а то опять мне весь двор заблюете.

— Ба, ну хорош, а. Когда это было то? — возмутился я, вспоминая многочисленные неловкие моменты, случившиеся во время дружеских посиделок и тяжелый бабкин взгляд поутру, мотивирующий меня идти бороться с последствиями вчерашнего веселья.

По сложившейся традиции банкет по случаю встречи старых друзей организовали у меня во дворе. Как и в старые добрые времена “Чезетка” стояла рядом с моей “Джавой”. Серега разливал, а я, засучив рукава, погрузился в недра карбюратора. Мелкий подстрекатель прикинулся шлангом и занялся в недрах отмытой люльки.

— Сам как? Какими судьбами в родные пенаты? — поинтересовался Серега, наливая по первой.

— Надоело все. Стукнуло мне тридцать пять вот и решил выбрать новый вектор развития, — попытался сумничать я.

— Понятно, а я вот фермерствую. Хера се, во у тебя бабка дает. Сала с чесночком на закуску к вискарю положила.

— Да не кипишуй ты. Сальцо мы так пожуюем, а если пойло достойное — мы и без закуски посмакуем, — успокоил я друга.

— И то правда, — согласился Серега. — После школы я в армию, потом институт. Батя так захотел, — продолжил он свой рассказ, закуривая ароматную сигару. — А когда я отучился, батя заболел. Пришлось возвращаться и хозяйство принимать. Туда-сюда вот и поднялся немного. Женился. Сын растет. Чего с ним делать, хрен его знает. Семнадцать лет оболтусу, а его кроме мобильного телефона и игрушек компьютерных ни хрена не интересуется, — кивнул в сторону люльки Серега. — Мы то с тобой в его годы, хотя ты сам тогда звездюком был.

Из мотоциклетной коляски презрительно хмыкнули.

— Ты на сколько меня младше то? — не обращая внимания на сына поинтересовался Серега.

— На семь лет, — с неохотой напомнил я.

В нашей компании я был самым младшим и очень не любил, когда мне на это указывали. Хотя с другой стороны, все прелести юношества я познал лет на пять раньше своих городских сверстников.

— Ага, — согласился Серега. — Помню, Мелкий.

От упоминания ненавистной юношеской клички я скривился.

— Вот не поверишь, я ему “Чезетку” свою подарил, так он нос воротит, — продолжал откровенничать Серега. — Говорит, какой мне этот хлам. Его любой мопед порвет. А то, что на этой “Чезетке” моя юность прошла, скольких девок она на сеновал отвезла... Можно

сказать, жизни меня научила и в большие люди вывела.

Было видно, что друг изливает мне душу. Мне оставалось только кивать и любовно перебирать чезетошный карбюратор да наслаждаться приятным времяпрепровождением компании старого друга.

— Нет, ты прикинь. Мопед какой-то китайский мою “Чезетку” сделает. Вот наглец. Да там рама из стали марки “пластилин 3”! Я себя в пример ставлю, вот мол, я вернулся на родину, батино дело принял. Преемственность поколений. То да сё. А он лыбится. Мол, чего в вашем колхозе делать. Я в тик-токе больше заработаю, чем ты на своих полях, — злился дружан опрокидывая один стакан за другим, а в перерывах смачно хрустя чесноком с салом.

Меня такие гастрономические изыски не впечатляли. Закусывал рукавом.

— Ну так пусть попробует, — С усмешкой ответил я другу. — Я же в рекламе варился. Его сто подписчиков сколько ему принесут? Копеек двадцать? На жвачку то хватит?

— И не говори, Мелкий. Я для него, видите ли, не авторитет. А какой-то хер патлатый в пидорской одежде — авторитет значит. Этот хер ролики тупорылые снимает. Подписчиков море у него. А то, что я хозяйством руковожу, живыми людьми управляю и мое слово для них закон, что спиться и с голоду сдохнуть им не даю, это все херня, — неподдельно возмутился Серега. — Да этого гандона модного щас в наше село привези и выпусти одного на улицу. Пиздец ему будет. Не избыют, так с голодухи сдохнет. Руки-то под хер заточены! — уже орал Серега.

— Да ладно тебе. Перебесится. Поймет, что ты ему добра желаешь, — уговаривал я товарища. — Себя вспомни. Помнишь когда твои мысли о том что “батя ни хрена не понимает” плавно трансформировались в “а ведь батя то всё хорошо понимал”.

— Да иди ты. Наливай лучше.

— Было бы чего, — протянул я, огорченно перевернув бутылку из которой в стакан друга упала всего пара капель.

Почесав затылок, Серега впилился в меня пьяными глазами.

— Ща я гонца зашлю. Пусть искупает косяки, работая во благо общества.

Услышав знакомую фразу, я лишь хмыкнул. В далекой деревенской юности именно меня, в силу возраста и статуса, меня практически всегда использовали, как гонца. Были в этом и свои плюсы.

— Матвей, — заорал Серега. — Мотя, мать твою. Ходи сюда. Дело есть!

Из коляски моей “Джавы” показалась всклокоченная голова.

— Чего тебе, — недовольно буркнула голова, окинув меня оценивающим взглядом.

— Сгоняй до Танюхи. Возьми портвейн три топора. Скажи, Саньчу берешь. Она даст, — тоном, не терпящим возражений, выдал Серега. — Батя молодость вспоминать изволит!

Голова кивнула и растворилась в вечерних сумерках.

— Это для тебя я Серега, а остальные меня теперь только как Сергея Александровича признают. Ну а для близких — Саньч. Статус ёпрст, — едва не наворачнувшись с пенька, заменявшего ему стул выдал друг.

Я лишь ухмыльнулся, в глубине души завидуя Сереге — Саньчу. О его судьбе я так или иначе знал. Я уехал из родного Бухарино, когда Серега уже учился в универе. Вроде ничем не примечательна его судьба, а меня начала глотать зависть. Я как был Санькой или Мелким, так им и остался. А Серега теперь Саньч. Статус.

— Дай угадаю, сидишь вот, завидуешь мне. Статусу моему завидуешь. Угадал? —

словно прочитав мои мысли, прервал паузу бухой дружан. — А я тебе так скажу. А я тебе завидую. Из-за этого долбанного статуса мне отдохнуть даже нормально нельзя. А знаешь, как хочется. Как раньше, — пустился в откровения друг.

Я хмыкнул.

— Так ты отбрось стереотипы и раздвинь рамки дозволенного, — состроив философскую морду, мотивировал я. — На один вечер отбрось всё, что тебе мешает и сделай то, что тебе не позволяет статус или воспитание. Ощути вкус жизни и сладость похмельного стыда, — разошелся я.

— Хера се ты задвинул, — удивился Саныч и разглядывая меня сквозь пустой стакан.

— Харе грустить, — продолжал я давить интеллектом. — Вся наша жизнь состоит из сиюминутных удовольствий. Посмотри на меня. Встал я утром, посмотрел в окно и так мне это все осточертело. И вот через пару “мгновений”, - я сделал характерный жест пальцами, — сижу в компании лучшего друга. И вообще все круто.

Саныч заулыбался. А в его глазах забегали озорные огоньки.

— Слушай, а погнали на дискач. Как раньше. В Любавино, — предложил фермер, пытаясь встать с пенька. — Драку не обещаю. Меня за неё мандата лишат, но хоть развлечемся.

— О, узнаю старого друга. А то захандрил он мне тут.

Запыхавшийся Матвей, он же Чижик, вернулся минут через пятнадцать, когда его отец пытался оседлать реанимированный “Чезет”.

— Саныч, да ты на ногах не стоишь. Давая я за руль сяду, — пытался я уразуметь друга.

— Ссышь?

— Я нет, а вот ты до дискача не доедешь. Максимум — до окраины деревни.

— Обломщик хренов. Сергеевич, кам цу мир. Сядай за руль. Батю повезешь, — изменил стратегию фермер.

А я? — неподдельно удивился я.

— А чего ты? У тя же вон, коняка запряженный.

— Горючку гони. У меня топлива голяк.

— Вот ты Мелкий. Ладно. Отсасывай сколько тебе нужно, — великодушно разрешил Саныч.

Чижик, услышав знакомую фразу, схватился за живот. По-видимому, представив что-то свое.

Минут через пять мы совместными усилиями смогли наполнить пятилитровку бензином и отцепили коляску. А то не комильфо как то было. В финале нашей эпопеи парой подзатыльников успокоили Чижика, беснующегося в истерике от нашего сленга.

Чтобы не беспокоить бабу, мотоциклы решили отогнать от дома подальше.

— Прям как раньше. Мелкий, помнишь, как ты отхватить боялся, — лыбился Саныч.

— Серег, хватит меня так называть! — разозлился я. — Во первых я вырос давно, а во вторых у меня имя есть!

— Мелкий, не ломай кайф, а, — с издевкой пробасил Саныч.

Кайф, как считал состоявшийся фермер, обломил бабкин пес Кабыздох. Дворовая скотина, всю попойку с интересом наблюдавшая за нами, решила проводить нас такой тирадой, как будто мы ему в кашу насрали.

Ночной забег завершился секунд через сорок, когда мы абсолютно выдохшиеся упали на траву метрах в ста от бабкиного дома. Отдышавшись и пополнив в организмах запас

портвейна и никотина, а также избавившись от давившего на мочево́й пузырь конденсата, стали готовиться к поездке: выпили на посошок, а потом на легкий ход поршней.

Но обряд должного эффекта не принес или кто-то филонил. Все мои старания были тщетны. “Старушка” не заводилась.

— Искру проверить надо. Там провод есть, снимаешь и палец туда суешь. А я дрынку, — оживился Чижик.

— Я те дрынку. Научил на свою голову, — огрызнулся я.

— Он чё, повелся? — оживился Саныч, кивая на сына.

— Было дело, — подтвердил я.

— Красава, — заржал Саныч. — А то я смотрю, сын на глаза умнеет.

— Угу.

— А у тебя аккумулятор то не сдох? — продолжал сыпать советами Чижик.

— Мля, — удивился я.

— Серега, он нормально говорить умеет, — завопил радостный Саныч. — Сына, иди сюда, обними батю.

Наблюдая, как Чижик пытается вырваться из объятий пьяного отца, я лишь умиленно вздохнул. Мотоцикл то не заводился. Да и про аккумулятор я не подумал.

— Остается толкать. Он свое отжил, — поставил диагноз товарищ, когда я извлек из мотоциклетных глубин покрытий окислами аккумулятор.

Наскоро заизолировав провода, во избежание замыкания, я встал в боевую стойку и под зазорный вопль Саныча “Погнали” стартанул в направлении Любавино. Метров через тридцать забега мотик, смачно стрельнув бензо-воздушной смесью, весело затарахтел.

— Есть контакт, — радовался Саныч. — Чижик, давай за руль. Надерешь задницу этому городскому пижону, я тебе новый айфон куплю, — вопил воодушевленный батя.

— Хер тебе, а не айфон, — осклабился я, прыгая в седло. — Молоко с губ сотри вначале.

С места мы рванули не сговариваясь. Ну как рванули. “Чезетка” резво прыгнула и заглохла. А я, забыв включить свет, влетел в канаву.

Глава 4. Наших бьют

Дискотека продолжалась, чьё-то тело понесли,
Моя тёлка зазевалась, ей табло ногой снесли,
И когда она упала, не спеша к моим ногам,
Я разбил кому-то фару, а кому, не знаю сам.
"Красная Плесень".

— Прямо как в старые добрые времена, — проорал мне на ухо радостный Саныч, когда наша троица ввалилась в полупустой зал Любавинского культурного центра.

Фермер, как и полагается большому начальнику, возглавлял нашу делегацию по обмену культурным опытом и звездюлями. Я прикрывал начальственный зад, а Чижи семенял сзади.

— Ага, прямо, как и не уходили, — поддакнул я, окинув скептическим взглядом танцпол и покосившуюся сцену.

Из нового в клубе были только патриотические баннеры, прикрывавшие недостающие куски шпукатурки на стенах.

В остальном всё осталось неизменным. Те же хриплые колонки, уже вросшие в сцену. Самодельный дискошар, свисавший с потолка и три, покрытые половой краской лампы, косящие под цветомузыку.

Из новшества — пара местных красавиц, лихо крутящие задницами в центре зала под бубнёж и завывание, льющееся из колонок.

Оставшаяся полупьяная публика, в большинстве своем состоявшая из старшеклассников и приехавших на выходные студентов, предпочитала тусить на скамейках, расставленных у стен.

Хотя тусить, это громко сказано. В мобилках они залипали.

— Мелкий, гадом буду, кроме публики тут ничего не поменялось! — заржал Саныч, в очередной раз отхлебывая пародию на легендарные «Три топора». — Чуешь дух эпохи? Музон нормальный поставит, народ подпойть и будет как тогда.

Я лишь усмехнулся. Радости фермера я не разделял от слова «совсем». На дискотеку мы летели, как на пожар. И пока Саныч, проявляя чудеса эквилибристики, с наглой мордой на ходу бухал портвейн и подгонял своего рулевого, я глотал слюну и пыль.

— А не легче было в наш «курятник» зарулить? — включил я заднюю. — А то тутошний репертуар и публика меня совершенно не вставляют.

Дружан аж портвейном поперхнулся, не ожидал он от меня такой подставы.

— Ты охренел? В моём колхозе меня каждая собака знает. Там ни по морде дать, ни с девчонкой оторваться. Только расслабляться начнёшь, достанут мобилки и амба! Проснись звездой интернета. А нафига мне такая популярность? А тут слегка похулиганить можно, — осклабился Саныч.

— А тут, как будто до интернета не доросли, — кивнул я в сторону пристенных обитателей. — Да и вон та компашка на нас как-то не по-доброму смотрит.

— Насчет гопоты не переживай. В Любавино за порядком мой мент следит. Пусть только рышнутся, все рога поотшибаю и мне за это ничего не будет, — ударив себя кулаком в грудь, заверил Саныч. — А с любителями поснимать, где не нать, мы найдем способ пободаться, — заржал дружан, выхватывая из кармана початый шкалик с портвейном. Тут не Бухарино, тут у меня руки развязаны, — размахивая шкаликом с остатками пойла, осклабился

друзжан.

Гопота в углу зала засуетилась, видимо приняв жест моего слегка не трезвого друга в свой адрес. Сельская дискотека — это штука такая. Тут, что пятьдесят, что двадцать лет назад, что сейчас, за любой неправильный тезис могут лицо так отфотошопить. Самое банальное — из-за того, что твой фейс местным не знаком.

Хотя потом-то, если не залупаться, всё выяснится, все друг другу проставятся, вусмерть нажрут и опять передерутся.

— Расступись молодежь, гусары в увольнительной! — выдернул меня из воспоминаний пьяный вопль Саныча.

Дернувшись пару раз под игравший хит, дружан плюнул на пол и растер харчок носком ботинка. Сфокусировав взор на сцене, где какой-то очкарик с оттопыренными ушами изображал диджея, Саныч ломанулся к нему.

Через минуту он, воодушевленно размахивая руками, уже что-то втирал пареньку. Судя по всему безрезультатно.

Ушастый диджей кивал на беснующихся девок и ярсотно жестикулировал руками.

— Срать, — умудрился переорать бумканье древних колонок Саныч.

Последующие аргументы вновь потонули в какофонии звуков, что тут музыкой именовались.

Точку в споре поставила синенькая купюра, впечатанная Санычем в школьную парту с такой силой, что стоявший на ней ноутбук, а по совместительству диджейский пульт, подпрыгнул.

Ушастый, увидев банкноту, часто закивал Санычу, и спрятался за монитором ноутбука. Через пару тактов лидер нашего коллектива спрыгнул со сцены и вальяжной походкой направился к центру зала.

Молодежный хит оборвался на полуслове. Публика замерла в недоумении. Все без исключения даже оторвались от своих телефонов, готовые в любой момент начать записывать очередной видео-шедевр для тик-тока.

— Диджей, фейдеры вверх и плей прожать не забудь, — оповестил публику о начале шоу Саныч. — А вы, мобилки в карманы засунули, а то ведь они и сломаться могут, — мотивировал он любителей тик-тока.

И пока местные въезжали, что сейчас за херня была, из колонок рывкнуло и забумкало что-то до боли знакомое. Но я никак не мог вспомнить, что это за трек.

— Смейк май бич ап, смейк май бич ап, — внезапно заорал Саныч, расходясь в деревенской импровизации стильного танца забугорный хит нашей юности.

Разогретый алкоголем и юношескими воспоминаниями мой высокопоставленный и предприимчивый друг забыл обо всем. Нахер стер все рамки и грани.

Из под выдавшей виды футболки вывалилось пивное пузо, на удивление весьма органично вписавшееся в импровизацию Саныча, состоящую из движения пьяного тектоника. Молодежь, охеревшая от такого шоу, застыла с открытыми ртами. Даже про мобильники забыла.

— Смейк май бич ап! Давай там, громкости навали, — вопил Саныч, воздев руки к небу и испытывая ногами прочность танцпола.

И хотя в юные годы я яро фанател от традиционного роцка, а не модной кислоты, но в лихом алкоугаре эта композиция тогда заходила на «Ура». И даже поутру мне не было стыдно.

Вот и сейчас ноги сами просились в пляс. Музон зашел и школоте.

— Чижик, видал, как батя отжигает, — пытаюсь переорать музыку, бросил я через правое плечо.

Ответа не последовало. В поисках юного рулевого я принялся обшаривать помещение взглядом. Чижика нигде не наблюдалось.

— Ты мелкого, который с нами приехал, не видела? — схватив за локоть пробегающую мимо малолетку, поинтересовался я.

— Это волосатый такой? — смерив мой пыльный прикид брезгливым взглядом поинтересовалась она.

— Ага.

— Да на улице он. Щас за базар отвечать будет.

Люля были предсказуемы. Но чтобы так быстро и на ровном месте...

Матюкаясь и расталкивая школоту, решившую переплюнуть пузатого танцора, я ломанул к выходу.

Чижик, понунив голову, стоял около наших мотоциклов, припаркованных почти в центре приклубной площадки. Вокруг него полукругом стояли местные.

— Слышь, зёма, ты вот скажи мне, тебе своего колхоза мало? Ты на кой хрен сюда-то припёрся? — провоцировал Чижика местный предводитель гопоты.

— Крепостное право в одна тысяча восемьсот шестьдесят первом году отменили, а колхозы в девяностые похерили. Так что хожу, где хочу и с кем хочу, — не растерялся Чижик. — Тем более часть ваших мужиков на моего батю батрачит. Так что офнись днина.

— Че бля? — потерялся гопник.

Я улыбнулся. А малой-то не промах, оказался. По ходу для бати ботаном шифруется, а по факту — местная золотая молодежь.

— Мажорик что-ли? — обрадовался гопник. — Ну, тогда лови, — радостно выдохнул он и с размаху зарядил Чижик в ухо. — Пацаны, мочи мажора.

Медлить было нельзя. Окинув взглядом окрестности в поисках забора, из которого можно было извлечь внушительный аргумент, а по-другому вразумлять местный пролетариат было бесполезно, я огорчился.

От штакетника, понатыканного по периметру покосившегося клуба, остались лишь гнилушки да поперечины между столбиками.

— А, и это пойдет, — отмахнулся от здравого смысла и попытался вырвать первую попавшуюся слегу. — Вперёд гусары! Ебать и резать! - воодушевленно заорал я, со всей силы дергая за приколоченный к столбику дрын.

— Вали козла, — несло с места побоища.

Доза адреналина, выброшенная в кровь, сделала свое дело. Голова прояснилась, а руки обрели силу. Херак и у меня в руках уже увесистый такой контраргумент, способный успокоить и воззвать к здравому смыслу всех и вся.

— А ну разошлись, суки, — орал я, врываясь на поле брани и размахивая внушительным дрынком. — Ну ладно, сами напросились, — успокоил я себя, поняв, что призыв не услышан.

Хрясть, и первый противник, завывая от боли, валится на землю. Бабах — второй.

Упс, и в руках у меня остается ровно половина аргумента. Но меня было уже не остановить.

— Завалю, суки. А ну разошлись, я сказал! — завопил я, яростно размахивая обломком забора.

— Э э э. Полегче, дядя, — попыталась утихомирить меня охеревшая от такого развития событий толпа.

— От Чижика отошли!

К моему удивлению, гопота смирилась. Местные пацаны, превышающие нас и по числу, и по трезвости просто отошли подальше, достав мобильники, направили их на меня.

— Чижик, вставай. Валим, — потряс за плечо малого, смекнув, что бить не будут, но дело запахло жареным.

Чижик, корчась от боли, поднялся и испуганно озираясь, спрятался за мою спину.

— Ты дурак? Мотик заводи, — подбодрил я мальчика.

И кто бы что не говорил, а советская техника по любому чувствует обстановку и ситуацию. Ибо, как объяснить то, что капризная «Чезетка» в этот раз завелась с полтычка.

Поняв, что развлечения не будет, а халява решила помахать им хвостом, часть местных, спрятав мобильники, направилась в нашу сторону.

— А ну отвалили, нах, — попросил я, вежливо улыбаясь. — Панкс нот дэд, он так пахнет, — заверил я пацанов. — Могу показать.

Деревенские опешили. Но мне этих секунд и не хватало.

Воспользовавшись замешательством, я снял с подножки свою старушку и тихим ходом направился в сторону родного села.

— Кабан, они сваливают, — услышал я за спиной.

— А, мля. Вали козлов, — завопил Кабан.

Выжав сцепление и включив передачу, я с места рванул так, что мне бы позавидовал любой легкоатлет.

— Бля, новый аккумулятор завтра же поставлю, только заведись! Ну, милая, давай! — умолял я свою старушку, бросая сцепление.

Верная «Ява» меня не подвела. Чихнув на догоняющих нас шалопаев сизым облаком, старушка радостно тархтя, повезла меня вслед за Чижиком. Догнал я его километров через пять.

— Спасибо, что спас, — вытирая слезы и кровь, сочившуюся из разбитого носа, пробубнил малой.

— Было бы за что, — напустив на себя важности, расплылся я. — Ты-то тоже молодец. Не зассал. Вот только батей зря прикрывался. Потому и огрёб.

— В смысле?

— За базар самому отвечать нужно, а тех, кто косячит и потом за чужой жопой прячется, обычно кулаками воспитывают, — чиркая зажигалкой, уточнил я. — В деревне всегда так было. А ты как не местный.

— Я в лицее престижном учусь. А летом мать меня постоянно в специальные лагеря для талантливых детей отправляла. А там морды не бьют, — шмыгнув носом Чижик. — Я на деревенской-то дискотеке и не был никогда. У меня в деревне даже друзей-то нет. Так. Знакомые, которые только из-за батиного вискаря со мной общаются.

— А в этом году чего не поехал? — неподдельно удивился я.

— Батя не пустил. Сказал, что характер нужно вырабатывать, а не с дебилами якшаться. Вручил ключи от мотоцикла и велел взрослеть.

— Узнаю Саныча, — улыбнулся я.

— Гад он, Бросил, как кутенка в водоворот событий, а дальше сам, — взвизгнул Чижик и из глаз его нескончаемым потоком полились слёзы.

Он плакал, словно первоклассник, выучивший урок, но из-за плохого настроения учителя, получивший двойку.

— Ты чего реवेशь то? — не въехал я.

— Тебе не понять, ты вон какой крутой, — всхлипывая, протянул Чижик.

— Нормальный я. Понимаешь...

Я задумчиво тер подбородок, подбирая слова, которые кратко и ёмко опишут мое взросление и подбодрят юнца.

— Я знаешь, что сейчас понял? У нас с тобой, если откинуть материальные аспекты, так-то, много общего, — огорошил я Чижика. — Это я уже в городе научился не стрематься от любого кипиша и понял, когда нужно брать ситуацию в свои руки, а когда лучше валить лесом. Когда мы с твоим батей отжигали, я ж младше тебя был. И все было совсем не так радужно, как ты себе это представляешь.

Я улыбнулся, показывая мальцу свое расположение и соучастие.

— Меня пацаны никогда как равного не воспринимали. Ты пойми, это нормально всё. Сыкотно тебе, ситуация стремная или ещё что. Это у всех было. Это опыт. И без него никак. Если тебе сейчас всё на блюдечке подавать, ты потом сам ни хрена не сможешь, — философствовал я. — Получил по мордасам, в следующий раз по-другому поступишь. А если тебя отмазали, ты со временем берега перестанешь видеть, вместо кулака, прилетевшего по морде, в тебе пару лишних дырок могут наделать. Батя твой потом конечно разберётся, но тебе это уже не поможет.

Я смачно затыкнулся и втоптал бычок в придорожную пыль. Взглянув на приободрившегося товарища я понял, что с этой ситуации я кайфанул. Бурчу себе за жизнь, а мне внемлют.

В этот момент я понял, что вот он, тот самый дружан, которого мне не хватало. И разница в возрасте тут только приятным бонусом была.

— Не грусти, Чижик. Прорвемся. Поверь, у нас впереди не одна сотня приключений, — похлопал я по плечу малого. — Всё это не правильно, конечно. Но как говорят в американских фильмах, мне нравится это дерьмо и запах напалма по утрам.

— Кого?

— Во-первых, не кого, а чего! А во-вторых, на видаке кино такое было, мы с батей твоим его смотрели, — совсем погряз я в воспоминаниях и огляделся. — Бля, Саныч, — заорал я, поняв, что в ходе перегруппировки нашей десантной группы, мы потеряли нашего идейного вдохновителя.

Возвращаться в совершенно не дружественное село не хотелось. Но бросать товарища — это то ещё запахло. Быстренько отогнав мою старушку в надежное место, малыми силами двинули в сторону Любавино на “Чезетке”.

Пропавшего друга и отца мы обнаружили на окраине деревни.

— Вернулись, суки, — поприветствовал нас Саныч. — Кидалы херовы. Что один, что второй, — радовался он встрече.

— Батя, — не обращая внимания на возмущение отца, бросился ему на шею Чижик.

— Саныч, ты как? — внес я свои пять копеек в заботу о друге.

— Вы куда пропали-то? Я только разошелся, как все посваливали куда-то. Говорят, драка знатная была. А я, прикинь, пропустил всё. А пока я вас искал, на меня школопет какой-то наехать пытался. Предъявлял мне что-то. Ментами грозил. Совсем берега попутал. Типа я ему угрожал глаз на жопу натянуть. Не, ты прикинь. А я ему и говорю, момента

такого я не помню, но если обещал, надо сделать. Саныч слов на ветер не бросает. Тот взвизгнул и испарился, — неподдельно расстроился наш лидер.

Мы с Чижиком переглянулись. Саныч тоже молчал и буравил нас взглядом.

— Так, признавайтесь, засранцы мелкие, куда вы меня втянули? — выдержав театральную паузу, уточнил он.

Рассказ и вопрос Саныча ввергли нас в ступор. А потом, когда мы представили, как наш разгорячённый лидер, жаждущий драки, рыщет по деревне, а её нигде нет, даже жалко его стало.

Первым не выдержал Чижик. Потом заржал и я.

— Идиоты, — махнул рукой Саныч. — Домой поехали. Мотя, ты за рулем. А я к дяде Саше сзади пристроюсь.

— Бать, хорош уже, а, — взмолился Чижик, сидя на корточках и пытаясь унять неконтролируемый смех. — Итак всё болит, ты еще со своими смехуёчками.

— О, слово новое выучил, — насторожился Саныч. — Поехали, мля. Дома разберёмся ху из ху. Такой вечер мне обломали, засранцы мелкие, — ворчал он, пристраиваясь третьим на выдавшее виды седло «Чезетки». — Вот, правда. Мелкий, ты вечно куда-то влипал и обламывал кайф, так и этот дебил патлатый по твоим стопам пошел. Домой приеду, с матери спрошу, какого хера мой сын на Мелкого похож.

— Это не я. Это всё пацаны. Я даже рядом не стоял, — вспомнил я юношескую отмазку.

Саныч насторожился, а потом вспомнил, как оно раньше было и заржал.

В родную деревню мы заехали с песнями.

Глава 5. Сюрприз с большого бодуна

Как нажрался я вчера
Пили с ночи до утра
А теперь башка трещит
Словно я в тисках
«Сектор Газа»

Стоило разуму пробудиться, как в голове всплыли именно эти строки.

— Бум, бум, бум, — отдавалось в ней гулким эхом.

Нет, это не похмелье так веселилось в моей черепушке и не глюки. Просто какой-то идиот с утра пораньше под бабкиными окнами что-то долбил или забивал. Вот этот размеренный бум, бум, бум и вырвал меня из бредового похмельного сна.

Я вздохнул и огляделся. В окна бил яркий солнечный свет, а на улице, параллельно стуку шла петушина перекличка. Утреннюю картину довершил нежный аромат, донесшийся с кухни.

— Ну нахер, больше не пью, — заявил я окну, сев на кровати. — До вечера — точно!

Через секунду я понял, это было огромной ошибкой. Голова закружилась, тело пробила дрожь, а в желудке...

Желудок просто выворачивало наизнанку. Не хотелось абсолютно ничего. Точнее организм требовал облегчения и покоя.

— Мда, зря вчера в гараже посиделки продолжили, — зародилась в похмельной голове здравая мысль. — А потом ещё и за моей старушкой, брошенной в полях, поехали. Кстати, где она? Как домой попал — ни хрена не помню.

Решил сходить облегчиться, разведать обстановку, водички испить, покурить и снова в кроватку.

— Сашенька, вставай охламон гулёный, — развеяла мечты об отдыхе подозрительно ласковая бабуля.

Ответ дался мне не сразу. Язык к небу прилип, в горле всё пересохло.

— Иду, — отозвался я, собравшись с силами.

Когда моё тело, держась за стену, вошло в кухню, бабка, оценив моё состояние опытным взглядом, лишь развела руками. Я приложил палец к пересохшим губам и, удерживая подкатившую рвоту, поковылял во двор к умывальнику.

Свежий деревенский воздух и прохладная вода бодрили. Пара глотков живительной влаги из стоявшего у умывальника ведра добавили ещё пару ХР к пошатнувшемуся здоровью. Окончательно же настроение улучшилось, когда я обнаружил в сарае свою старушку, а потом и источник стука нашёлся.

Какие-то незнакомые и судя по всему, как и я, уставшие после вчерашнего мужики, чинили бабкин палисадник.

— Вы кто? — уточнил я хриплым голосом.

— Саныч прислал. Забор чиним, — буркнул похмельный тип.

Решив, что это бригадир, я жестом подозвал его.

— А пивка нет? — озираясь по сторонам, поинтересовался я.

— В рабочее время ни-ни, — шумно сглотнув слюну, огорчил меня работяга.

Горестно вздохнув, я поплелся домой. На столе меня ждала стопка оладушек и

трехлитровая банка с молоком. Опохмелом в этот раз даже и не пахло.

Бросив беглый взгляд на притаившуюся в углу флягу, я расстроился ещё больше. Крышка была обмотана мощной цепью, концы которой были прикованы к ручке амбарным замком.

— Даже и не косись туда, — погрозила мне полотенцем бабка. — Предлагала же нормальной самогонки, так нет же, виску энту, на старых портках настоящую они пить изволят, — намеренно коверкая слова и рецептуру изготовления элитного алкоголя, ворчала старушка. — А теперь головка бо-бо? Так тебе и надо! Сиди, ешь оладушки и молоко, вон, пей.

В дебаты с бабкой решил не вступать. Морщась, словно это был чистый спирт, я залпом опрокинул в себя первый стакан натурального молочка. Прислушался к протестующему желудку. Через минуту решился и налив ещё, принялся через силу жевать оладушек. Есть не хотелось, но я понимал — надо.

— Ты бы хоть сегодня дома посидел, — запричитала бабка, наблюдая за моими потугами.

— Ба, да я уже понял, что мне давно не пятнадцать лет, — аргументировал я, стараясь протолкнуть жирный оладушек в желудок.

— Ну да, ну да, — хмыкнула бабка. — Вырос он, а культурно выпивать так и не научился. Колька вон, мужиками который командует, что полисадник мой чинят, норму знает. Вчера вечером в луже полежал и пузыри носом попускал, а с утра на работу пошёл. А знаешь почему? Потому что меру знает. А ты её не знаешь, а ещё и пьешь всякую дрянь, — назидательно жестикулируя, вразумляла меня старушка.

Я вздохнул. Хотел выдать бабке что-то на тему сына маминой подруги, но передумал. Не хотелось бабулю расстраивать. Она же не со зла. Наверное.

Справившись с очередным рвотным позывом, я вновь приложился к стакану с молоком. Натурпродукт, как оказалось, сушняк лучше минералки сбивает.

Спокойно поесть мне не дали.

— А дядь Санька дома? — прервал мои страдания бодрый голос Чижики. — Батя зовет. И участковый, — добавил юнец, ехидно улыбаясь.

Я аж закашлялся. Такое внимание к моей персоне совершенно не радовало.

— Подождут! Сейчас он поест и выйдет, — стуча мне по спине кулаком, огрызнулась бабуля. — А ты не спеши, не убежит от тебя улица эта, — это уже мне адресовалось.

После таких слов я очередной флешбэк словил. Хотя поначалу показалось, белочку. Глянул на засланаца исподтишка, вылитая копия юного Саньча в дверях мнётся, подмигивает мне и большой показывает. Мол, тема есть. Давай вкидывай калорию и погнали уже! Помотал головой — отпустило. Не Саньч, а Чижик в дверях тусил.

— Дядь Сань, давай быстрее. Петрович злой чего-то. И батя сильно не в духе, — проканючил засланец.

— Петрович — это кто?

— Говорю же, участковый. Требуется выдать ему вандалов, порушивших часть любавинского культурного учреждения, — ввёл меня в курс дела малой.

Мда, час от часа не легче. Но, то ли бодун на меня так повлиял, то ли эта морда, что вчера втихаря тырила у нас вискарь, а сегодня бодра и свежа, меня на троллинг спровоцировала...

— Ба, суши нам с Чижиком сухари. Чую, ждет нас с подельником дорога дальняя, дом казенный, — превозмогая страдания, подмигнул я засланцу.

— Типун тебе на язык, — всплеснула руками бабка.

Чижик, по-видимому, тоже восприняв мой похмельный юмор всерьез. Почесал затылок, буркнул, что на улице подождет и свалил.

Мучить страждущих я не стал. Тем более что еда не очень-то и лезла в меня. Через три минуты при полном параде вышел к оболтусу.

— Стук знакомый замка, снова будит меня. Вновь на сердце тоска заключённого дня, — жалостливым голосом напевал я, медленно шествуя по селу в сопровождении Чижика и подставляя солнечным лучам свою похмельную морду.

Засланец моей показной жизнерадостности не разделял. Но и следов волнения не было видно.

— Дядь Сань, хорош нагнетать! Батя щас поорёт, а потом отмажет. Ты же ничего такого не сделал? — самоуверенно прервал мой творческий порыв Чижик.

Меня от такой наглости аж зло взяло. Пришлось переходить к более действенным методам.

— Угу, отмажет. Он из-за пропущенной драки вчера вон как расстроился. А сейчас в дона Карлеоне играть будет, — начал я разогревать попугчика. — Я тут что прикинул. Бери всё на себя. Тебе восемнадцати нет, суд учтёт и срок скостят. А может, даже, условкой отделаешься, — обрисовывал я перспективу. — Так-то драку ты затеял.

— Тролишь? — насторожился малой.

— Подъебываю, — уточнил я, отвесив Чижика лёгкий подзатыльник.

— За что? — завопил обиженный попугчик.

— За вчера и за сейчас.

— Чегоооо?

— За базаром чтобы следил! — прояснил я ситуацию.

И пока Чижик в непонятках мотал головой, отвесил ему смачного пенделя.

— За базар отвечать нужно. Вчера огреб за свое языкастое мажорство, сегодня опять на те же грабли наступить хочешь. Иди, давай, — злился я. — Сам же вчера ныл, то батя тебя бросил как котёнка. Значит разруливай проблемы сам! А ты только жаренным запахло, сразу за родительской задницей сныкаться решил?

Так, коротая время за дружеской беседой и передачей бесценного жизненного опыта, мы добрались до фермерского дома.

Во дворе за круглым столом, стоявшим под внушительным навесом, нашу делегацию с запотевшей кружкой пива поджидал Саньч. Рядом с ним, играя пышными усами, сидел хмурый участковый.

— Здравия желаю, товарищ начальник, — обозначил я свое присутствие.

— Майор Забалуйко. Сергей Петрович, — не отрываясь от бумаг, представился мент.

Саньч, хитро лыбясь, салютовал мне пивом. Даже завидно стало. Уж больно вид у него бодрый был. Как будто спал всю ночь, а не с вискарем и портвейном боролся путем активного потребления.

— Куда малолетнего разорителя палисадников сдавать? Говорят, за них награда положена? — попробовал я разрядить обстановку.

Шутка юмора явно не удалась. Участковый и усом не повёл, Саньч пивом подавился, а Чижик сделал вид, что ему срочно нужно что-то в мобилке найти. И вообще он задание выполнил, дядю привёл, а теперь и в уголке затихариться можно.

— Кто такой? Зачем несовершеннолетним телесные повреждения нанес да еще

имуществом, признанным объектом культурного наследия? — оторвавшись от бумаг, поинтересовался участковый.

— Александр Филин. Приехал к бабушке в гости. А по поводу драки, так они первые начали. У нас самооборона. Честное слово, — состроив невинную морду, рапортовал я. — Эти несознательные элементы из села Любавино, находясь в состоянии сильного алкогольного опьянения, начали дружественного мне пилота мотоцикла марки “Чезет” пользоваться вместо боксерской груши. Меня это, как истинного борца за справедливость, возмутило. И мне пришлось внести поправки, скинув пелену с глаз тренирующихся. Доказательство правоты моих слов, как говорится, можно обнаружить на лице моего юного спутника.

Выслушав мои доводы с каменным лицом, Забалуйко снял фуражку, протер блестящую лысину платочком и вновь уставился на меня немигающим взглядом.

— Да хрен с ней, с дракой. Ты мне объясни, объект культурного наследия нахрена ломать нужно было? — вновь завел свою шарманку майор.

— Это вы про что? — затупил я.

— Забор, — скрипнул зубами усатый мент. — Забор у клуба нахрена разворотил? Он, между прочим, в прошлом веке построен и признан культурным наследием. А за разрушение таких объектов знаешь, что тебе светит?

Я натурально завис, не въезжая, стебётся майор или на полном серьезе вчехляет мне эту дичь.

— Так, это. Словесные доводы были исчерпаны, — развел я руками.

Итак башка болит, мент тут ещё со своими ребусами пристал.

Саныч с наслаждением потягивая пиво, за беседой наблюдал с интересом, но никаких сигналов мне не посылал. Чижик же со скучающим видом, прислонившись к стене, листал ленту новостей в своем мобильнике. Слово происхождение его абсолютно не касалось.

И это меня и добило.

— Ау, дятел малолетний. Я за тебя отвечать не собираюсь. А ну быстро дяде участковому прояснил ситуацию, как ты накосячил, а потом батиными связями прикрывался! — вспылал я.

От моих откровений Саныч подавился пивом.

— Дядь Саш, я не знаю, зачем вы пацанов избили. Я вчера весь вечер дома был, — состроив невинное выражение лица, выдал Чижик. — Бать, ведь так было?

Участковый перевел взгляд на Саныча.

— Не в то горло пошло, — отплеываясь, оправдывался фермер. — Участковый, сходи, покури, пожалуйста. У меня к этим двум дегенератам разговор есть.

Мент хмыкнув, взял лежавшую около хозяина здешних земель пачку дорогих сигарет и, насвистывая, вышел со двора. Видать Саныч до сих пор был не в курсе, из-за чего драка началась, а тут ещё и воспитательный процесс не в ту степь пошёл.

— Слышь, сына. Тебя вроде не Павликом звать, да и фамилия у тебя не Морозов. Так что же ты свистишь-то? — начал злиться Саныч. — Значит, тёлочку ты склеить хотел, а местным это не понравилось? Да? Или как было? И мобильник убери, а то кое у кого телесных повреждений-то прибавится, — уже орал мой недоопохмелённый дружан.

Глазки у малого забегали.

— Да ничего такого. Я там чиксу заприметил, а тут они. И давай до меня докапываться. Дай сигаретку, добавь на пузырь. Я их послал. Они привязались, чего я в их колхоз приехал.

Ну и им и объяснил, что колхоз, скорее не их, а мой, ведь им мой батя руководит. И потому, ходить могу, где хочу и когда хочу. И участковый друг бати моего хороший. Они с ним вместе водку пьют и на охоту в баню ездят.

Оправдания сына Саныч слушал скрипя зубами.

— От сучёныш. Теперь на каждом углу что ли орать, кто твой отец и с кем он в бане парится? — вопил фермер. — Я смотрю, не жизнь у тебя, а малина. Батя за него тут порешал, там поговорил или подмазал и все! Все двери перед ним открыты и везде ему улыбаются. Хозяином жизни себя почувал? А вот хер тебе! С сегодняшнего дня всё сам. Как хочешь! — орал Саныч.

Закончив тираду, красный как рак фермер, шумно глотал ртом воздух. Чижик водил носком кроссовка по плитке, а я, решив, что в ногах правды нет, шлепнулся рядом с другом детства.

— Довел ты батю, — назидательно изрек я, прерывая неловкую паузу.

— Я больше не буду, — пробубнил Чижик.

— А мне пох, — вновь обрел спокойствие Саныч. — Петрович, — заорал он, призывая службу. — Забирай этих мелких мозгоебов и делай с ними, что хочешь. Хоть на Колыму лес с насильниками валить отправляй. Мне пох.

— Э, Саныч, меня-то за что? — возмутился я.

— А за компанию. Считаю, что я самодур, — отмахнулся дружан и просто ушёл, оставив нас на растерзание местного Аниськина.

Такой подставы я не ожидал.

Разбирательство с представителем власти, получившим свободу действий, получилось нудным. Еле-еле удалось договориться порешать всё миром. Про забор, он всё-таки троллил.

— Значит по рукам. Вы новый забор у Дядькинского ДК ставите, кабинетик мой ремонтируете, а я дело закрываю за отсутствием состава правонарушения, — поставил точку в разговоре Петрович.

— Угу, — согласился я.

— Вот и ладненько. Можете приступать. Через неделю, все должно быть готово.

— Эй, дядь, а материал, когда привезёшь? — вклинился в разговор Чижик.

— А за дядю ещё и снаружи клуб покрасите, — назидательно произнес участковый.

Не успел Чижик раскрыть рот, как я тут же запечатал его своей ладонью.

— Товарищ майор, сделаем всё в лучшем виде. Не переживайте, — затараторил я, чухнув, что выпавший карт-бланш Петрович решил использовать по полной.

— Я и не сомневаюсь, — заржал участковый, укладывая бумаги в папку. — К шестнадцати нуль-нуль жду у себя. Фронт работ покажу.

Только за участковым закрылась калитка, я оторвал ладонь от рта Чижика и отвесил ему смачный подзатыльник.

— За что? — тут же заныл потерпевший.

— Чтоб не пиздел. Третий раз за день, на одни и те же грабли.

— Да иди ты, — огрызнулся юнец и, потирая ушибленный затылок, поковылял в дом.

Я, было, тоже стал собираться, как в дверях показался Саныч.

— Слушай, Мелкий, дело есть. Я смотрю ты с Матвеем вроде как задружился. Помоги по старой памяти.

Дружеская беседа затянулась почти на час. Если вкратце, то пару месяцев назад Саныч был на курсах, повышал свои управленческие навыки. И там ему бонусом прочитали

несколько лекций по воспитанию подростков. Решил он перевоспитать сына по передовым технологиям.

Не срослось. Позвонил профессору, благо статус позволял, тот и объяснил нерадивому и великовозрастному студенту, что чтобы заставить подростка жить по правилам взрослых и делать то, что требуется, нужно чтобы взрослый стал для подрастающего поколения непререкаемым авторитетом.

— Ты пойми. Матвей привык мной прикрываться и сам ни хрена не хочет и ни во что меня не ставит. Мать ещё с этими лицами и лагерями элитными. Упустил я его. А как он потом? Пропадёт же, — откровенничал Саньч. — А ты сейчас авторитет его завоеешь и научишь жизни. А не получится, так и шут с ним. Я в армию этого мажора тогда отправлю.

— Да я ж с детьми не умею. Я больше всякую херню продавать, — пытался отмазаться я.

— Да не очкуй. Просто присмотришь за моим дебилом и всё. Где что поможешь, подскажешь. Мне это не с руки. Статус. А ты и по возрасту не сильно далеко от них и по морде за своего сойдешь.

— Кто? — охерел я. — Я половину класса уже пережил. А ты меня в молодежь.

— Мелкий, ты современных подростков видел? Ему только семнадцать стукнуло, а он старше тебя выглядит. Сейчас молодежь — сплошные дегенераты.

— Ты хотел сказать "акселераты"?

— Во-во! Они самые! Выручи друга, а!? Да и сам отдохнешь. Вспомнишь молодость. Только теперь ты главным будешь, — подливал масла в огонь Саньч.

— Уболтал. Но за последствия я не отвечаю, — после недолгих раздумий согласился я.

Вот, правда, же говорят, мысли материальны. Ляпнул вчера по пьяни мальцу, что нас ждут великие дела и приключения. Но это же чисто, чтобы успокоить, а не нянькой становиться.

А с другой стороны, хотел как в юности? Получите и распишитесь. Через тернии и скуку, а через пару дней, чую, придем мы к веселью.

Глава 6. РПГ на максималках

*В трезвяке мы с корешем отдохнули весело,
И поэтому мы с ним зашептали песенку!...*

Ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла!

Ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла!

«Сектор газа»

Почему-то эти слова всплыли у меня в голове, когда мы остались с Чижиком вдвоем. К чему бы это?

Времени до часа X было внакат. Да и с уходом участкового нависшая над нами кара уже не казалась такой страшной. Довольный удачным стечением обстоятельств Саныч, ещё бы такую няньку оболтусу своему нашёл, уехал по делам.

Чижик, по привычке забив на всё, развалился в старом кресле, стоявшем в гараже, и рубился в телефон. Я же по старинной деревенской традиции решил переспать с проблемой на древнем диване, неподалеку от вверенного мне объекта. А ну как на свежую голову что придумаю.

— Ну что, Чиж? Как из положения то выкручиваться будем? — жмурясь от ласкового летнего солнышка, поинтересовался я через пару часов, потягиваясь на диване, выдавшем на своём веку не одну сотню разнокалиберных жоп.

Сон явно пошел на пользу. Головная боль отступила, желудок успокоился и потихоньку намекал, что он не против переварить пару кило гвоздей. Даже мои опасения, что деревенское молоко не приживется и мне выбьет клапан, не оправдались. И это не могло не радовать.

— Да никак. Батя перебесится да и отмажет, — отмахнулся малой, увлеченно играя в шумную мобильную игрушку.

— А если не отмажет?

— А куда он денется. Решил перед тобой, ой, вами понтануться. Вот и наорал для проформы, — хмыкнул юнец.

— Ты, это. Выкать кончай. То же мне, нашел ветерана-блокадника. А второе... — тут я задумался, пытаюсь спровоцировать самоуверенного мажорчика. — Так и будешь до пенсии за батей бегать, чтобы он тебе сопельки вытер?

Чижик насупился.

— Пап, надо мной мальчишки смеются. Пап, я бриться не умею. Пап, у меня не "встал", а она смеялась, — с издевкой в голосе перечислял я.

Я чувствовал, провокация, хоть и звучала смешно и слишком по-детски, но была верной. Зацепила она Чижика. Не зря все-таки на курсах рекламщика азы психологии преподавали. Пригодилось.

— А тебе-то, какая разница? — огрызнулся подросток.

Как он ни старался выглядеть взрослым, а выдержка приходит с опытом. И при регулярной половой жизни.

А если учесть, что при упоминании вредной девочки, не позволяющей подростку спустить на себя пару порций, с этим у парня точно были проблемы.

— А еще говорят, что современная молодежь ведет распутный образ жизни, — хмыкнул я. — Чижик, сгоняй за чаем. В горле пересохло. Чифирнем, покурим, а потом я тебе весь

расклад обрисую, и мы коллективным разумом найдем решение твоей проблемы, — похлопал я юнца по плечу. — Даже заспойлерю немного. Это лето ты запомнишь на всю жизнь! Обещаю!

Чижик насторожился, было видно, просчитывает перспективы. Покорчив для порядка морду лица, он все же соскочил с кресла и неспешной походкой свалил за чаем. Минут через пять, пока я прикидывал план действий, гонец вернулся с чаем и тарелкой, на которой лежал с десяток бутеров.

— Вот, мамка дала. Съесть велела, — хмуро протянул посланец.

— Мама это святое, — хмыкнул я и принял дары юного падавана.

Чижик сидел и терпеливо ждал, когда я доем и задвину перед ним речь.

— Значит так, — протолкнув остатки запоздалого и весьма скудного обеда чаем, уточнил я. — Начнём с меня. Потом перейдем на тебя и нас, — кивнул я, и вальяжно развалившись на диване, принялся философствовать. — Есть такая теория, что новое к тебе не придет, пока ты не завершишь старое.

— Типа на новый уровень не перейдешь, пока сюжетку не выполнишь? — уточнил Чижик.

— Ну, типа того, — согласился я. — Так вот. В твои годы передо мной были огромные перспективы, но за неимением опыта и желания восполнить пробелы, я их благополучно просрал. Когда до меня это дошло — было уже поздно. Решил начать все с нуля. И вот я тут.

Чижик, поначалу слушавший меня вполуха, моими откровениями заинтересовался. Даже телефон отложил.

— Короче, если по-простому, то остались у меня тут дела недоделанные, а значит отсюда и нужно начинать, — вздохнул я. — А ты, как важный квестовый персонаж, в этом мне поможешь.

— Жизнь — не игра, — хмыкнул Чижик, явно довольный собой, что наконец-то ему подвернулся случай, когда можно вернуть пафосную фразу, найденную в Интернете. — В игре всё в разы круче.

— Забьем на литр красного и огурец?

— В смысле?

— В прямом! Ты из-за своего мира виртуального настоящий кайф мира реального просираешь. Запомни, эти игры не для нас. Настоящие посоны играют на максималках. Режим "хардкор" и сложность на максимум! Только так становятся Папичами, которые с презрением смотрят на остальных казуальщиков! А не веришь, так я докажу и покажу белую пушистость бытия, — разошелся я.

— Во что гамать будем? — обрадовался падаван.

— В симулятор правильного деревенского пацана, ёпт, — я начал злиться на туповатого падавана. — Жить мы с тобой будем. В деревне. Выполнять квесты, если тебе так понятнее, наслаждаться всеми прелестями и возможностями юного организма, а не не теребонькать в кулаке писю, прокачивая навык одноручного оружия, пока упругие девичьи попки превращаются в обрюзгшие задницы, — пристально глядя в глаза начавшему краснеть Чижик, провозгласил я.

— А если они во мне только потенциальный мешок с деньгами видят, который вытрясти можно, — буркнул падаван, залившись краской.

— Не скажи. Есть одна краля. Дунька Кулакова. Она все понимает и всегда на все готова, — хмыкнул я.

— Фотка есть? Красивая? Познакомишь? — моментально возбудился Чижик.

— Легко, — едва не заржав, но моментально придав своей морде серьёзное выражение, заверил я. — Лапу давай.

Малой, ничего не подозревая, протянул мне правую руку. Я аккуратно ее взял и с легким усилием поднес ее к юношескому лицу.

— Знакомься.

Чижик смутился. Лицо было не то, что пунцовым. Любимые бабкины помидоры позавидовали бы такому наливу.

— Да ладно. Расслабься! Дрочат — все! А кто говорит, что не дрочит — дрочит в три раза больше! — воздев палец к небу, изрек я с нравоучительным тоном и моментально сменил тему. — Нам тут местный стражник квест подкинул, надо выполнять.

Чижик, по-видимому, ожидавший подколов или хотя бы нравоучений на тему “Облико морале”, натурально опешил. Стереотип правильного взрослого поведения был сломан.

— Да не скажу я никому. И вообще, я уже все забыл. У меня память с похмелья плохая, — успокоил я парня. — Завод мотик, пора квест проходить, а то через девяносто дней демо версия кончится и настанет платный период.

Чижик моего оптимистичного настроения явно не разделял. Но “Чезетку” завел, и мы двинули в путь.

Примерно на половине дороги, как раз у овражка, где я вчера ныкал свою «старушку», затребовал остановку.

— Перекур, — буркнул я, направляясь в сторону кустов.

По возвращению, закурил. То ли с чая меня так разморило, то ли ещё чего. Язык чесался, короче.

— Слушай, малой. А вот если по чесноку, девок-то катал на своем удалом коне? — подмигнул я, изображая недвусмысленный жест, чтобы даже особо одарённые поняли, про что я.

— Естественно. Целых два раза, — оглядевшись по сторонам, начал опять краснеть Чижик.

— А чего так? Не стоит что-ли? — продолжал допытываться я.

— Стоит. И ещё как. Подкатывать не умею. В роликах все легко, а в жизни, то стрёмно, то идет совсем не так, — сознался падаван.

— Ты ещё скажи, что подкатывал по типу «Вашей маме зять не нужен» или «А у тебя родители не ювелиры?» — еле сдерживая смех, уточнил я.

— И так тоже пробовал, — вздохнул дружан.

— Эко тут всё запущено, как тебе целых два раза-то дали? Расчехляй блокнотик и записывай! — обрадовался я.

И тут меня понесло. Раскрыл я Чижика все свои секреты и наблюдения. Ничего не утаил. Да и что там скрывать-то? Главное, мели языком и помни, что остроумный подыб всегда предпочтительнее банального комплимента, не форсируй события и всё в том же духе.

— А для ночных покатушек такой лайфхак есть. Едешь ты со своей спутницей ночью по полевой дороге. На небе звезды, в ноздри запах трав ломится. Голова кружится от восторга, хер из штанов выпрыгивает и по лбу бьет, — оглашал я вводную. — И чувствуешь, что подруга-то, в принципе сама уже хочет интима, но ей как бы и не полагается инициативу проявлять. Твои действия?

— Нуу, — протянул малой. — Остановлюсь, комплимент скажу, про звезды чего-нибудь задвину, поцеловать попробую.

— Молодежь, — хмыкнул я. — В цвет останавливаться — палево. Тёлочка насторожится и может обломить. Записывай, я тебе говорю. Примерно за пятьсот метров до выбранного места случки, аккуратненько перекрываешь крантик подачи топлива. Мотик через некоторое время заглохнет. Ты с умным видом пинаешь по колёсам, протираешь фары, плюёшь на движок и с умным видом говоришь: «Нагрелся, надо подождать, пока остынет». Подруга расслабляется и подвоха не чувствует. А дальше ты уже и про звезды задвигать, и про прочую ботанику.

Чижик сидел и смотрел на меня, раскрыв рот.

— Не веришь? А зря. Мне всегда помогало, — подмигнул я. — Ты главное, когда потом мотик заводить начнёшь, подсосать не забудь. И второе будь смелее. Просто расслабься и играй роль мачо. Как будто ты в театре! Только не копируй интернетных дебилов. Покоряй своей харизмой. Время будет, погугли чего это такое.

Малой почесал репу и задумался.

— Надо на практике попробовать, — скептически протянул Чижик. — Подгонишь парочку тёлочек?

— Сам ищи! — отрезал я. — Совет номер два. Молодые не соглашаются, штурмуй постарше. Пусть она на десять лет старше тебя будет, зато на покувыркаться легче подпишется. А в твоём случае ещё и такое тебе покажет. Особенно, если ты не про звёзды задвигать начнёшь, а про стеснительность и что девушки у тебя не было и из-за этого хоть в петлю лезь. Как и что, мол, не знаю ничего и никто совета даже не даст. Да, подло, но как говорится, для победы все средства хороши.

Чижик моими словами вдохновился. Улыбнулся хитро так, видать вспомнил, на ком потренироваться можно. Так мы и продолжили путь в приподнятом настроении. Я с чувством выполненного долга, а малой — с пополненным багажом знаний.

Правда, как в Любавино въехали, весь боевой настрой, как ветром сдуло. В негостеприимной деревне от меня он не отходил ни на шаг. И пока местные красавицы разглядывали нас сквозь дыры в заборах и выглядывали из калиток, балбес настороженно озирался и почесывал задницу, которую местные вчера знатно отбуцкали.

— Мдааа, — протянул я, разглядывая сгнивший забор, который даже на дрова не годился. — Реально, эта. Как её там. Культурное достояние, — вздохнул я. — Где стройматериал будем брать?

— У бати с базы можно взять. Наверное. Сказать, бригадиру, чтобы привёз и ещё рабочих чтобы дал, — не растерялся Чижик.

— Ну звони, — ухмыльнувшись, разрешил я.

Малой привычным движением достал телефон и, полистав ленту контактов, приложил мобильник к уху. Сказать он ничего не успел. Только слушал. А я с наслаждением наблюдал за Чижиком, отчего-то вставшим по стойке смирно.

— Он меня тупо послал, — протянул малой буквально через минуту. — Дармоедом и маменькиным сыночком еще обозвал.

— Кто? — уточнил я.

— Батя.

— Ну так он же утром тебе об этом говорил.

— А если бригадиру набрать? — не сдавался малой.

— Валяй, — разрешил я, плюхнувшись на землю и прислонившись спиной к остаткам забора.

Ждать просто так было скучно. Я закурил.

Разговор падавана с бригадиром закончился через три тяги.

— Чё ты молодец не весел? Хули голову повесил? — сострил я.

— Семёныч меня даже слушать не стал. Нахер послал и сказал, чтобы я не отвлекал его, — растерянно протянул Чижик.

— Гы. А ты ж говорил, батя все порешает. Отойдет через два часа, — подлил я масла в огонь.

— Да иди ты! Все равно мне этот лысый гандон в погонах ничего не сделает! — сорвался Чижик.

А вот это было зря. Орать на всю округу всем известные факты лучше не стоит. Тем более, если упоминаемый объект приближается к тебе сзади. Я пытался жестами остановить Чижика. Но было поздно.

— Ментеныш этот только и может, что школите по ушам ездить, а с серьезными людьми он ссыт связываться. Кишка у него тонка, — доказывал мне юнец. — Мне на него насрать. И вчера до меня местные докопались только потому, что пьяные были и не узнали.

— А вот это мы сейчас и проверим, — положив руку на плечо Чижика, улыбаясь, протянул участковый.

Чижик застыл по стойке смирно, а я вздохнул.

— Чиж, вот ты тупой или где? Два раза на одни и те же грабли, — сокрушался я, пока охреневший юнец пытался скосить глаза и разглядеть, что это за “Я” там сзади. — Привык в интернетах своих к безнаказанному кнопкотыкательству, а тут за базар отвечать нужно, — продолжал распинаться я, строя невинную рожу и прикидывая, как задобрить местного лысого Аниськина.

Участковый же без всяких прелюдий перешел сразу к делу. Схватил мелкого за ухо и потянул сначала в сторону неба, а потом к земле. Чижик вопя на всю округу даже и не пытался вырваться. Видно понял, что попал.

— Т т т товарищ участковый, Сергей Петрович, отпустите пожалуйста, — заблеял Чижик.

Участковый лишь хмыкнул, дирижировать головой юнца прекратил, но ухо не отпускал.

— Извините меня, пожалуйста, — продолжал выстраивать линию защиты малой. — Это я не про вас.

— Истину говорят, один раз втащить надежнее, чем язык обивать, — подивился я педагогическому мастерству служивого. — Вон как заговорил.

— А мы еще послушаем, что он завтра утром запоет, — хмыкнул участковый. — Отмазывать тебя, засранца мелкого, никто не будет. Вилкам ту кутузка.

Проникнувшийся Чижик начал бледнеть, а я ошарашено разглядывал мента.

— Чего увидел? — заметив нездоровое внимание к своей персоне, поинтересовался Петрович.

— Да разговор больно уж для человека в погонах непривычный, — уточнил я.

— Аааа. Так вы по-простому не хотите? По протокольному, официально надо? Так? — вздохнул погононоситедь.

Жопа, почуяв неприятные приключения, зачесалась. А что хочет услышать Петрович я даже и не догадывался.

— Не, не. Как вам будет угодно, — заверил я и замолчал.

— У меня есть право на один телефонный звонок, я в кино видел, — прервал неловкую паузу малой.

— Тебе баяну набрать? — услужливо предложил довольный собой Петрович и отпустил юношеское ухо.

— Набери... те, — отскочив от Петровича, буркнул Чижик. И немного подумав, потирая ухо, добавил: “Пожалуйста”.

— Макаренко отдыхает, — состроив авторитетную морду, я попытался отвесить комплимент участковому.

Звонок бате результата не дал. За все три минуты разговора на юношеском лице читался весь спектр обуявших его чувств. Разочарование сменило отчаяние, на смену которому пришло смирение, а потом отрицание.

— Спасибо. Возьмите. Я все понял. Извините меня, пожалуйста, — подавленно протянул Чижик, возвращая мобилку.

— Завтра утром извиним. А сейчас, пойдем отбывать наказание. По законам деревенского быта и моей прихоти приговариваю тебя к двенадцати часам ареста, — театральным голосом зачитал Петрович и заржал.

Чижик стоял, потупив взгляд.

— Да не очкуй. У меня сегодня проверка намечается, мне на участке до утра быть нужно. Одному скучно, посторонних — не положено. А так я тебе, как мелкому правонарушителю, попавшему в поле зрения органов впервые, учитывая положительную характеристику с места учебы и руководствуясь рекомендациями, с ночи до утра аки Шехеразада буду лекции воспитательные читать.

— Это пиздец, — блеснул интеллектом Чижик.

— А бонусом, еще часок о культуре русской речи поговорим, — оскланился Петрович.

— Я буду тебя ждать. Даже на улицу не пойду. Сегодня, — помахал я ручкой вслед удаляющееся парочке. И даже всхлипнул, для порядка и театральности.

Сцена явно удалась. За заборами послышался сдавленный девичий смех. И это было хорошим признаком. Студентки и прочие красавицы вернулись на лето на свежий воздух. А значит, хорош размышлений и нравочений! Пора расчехлять прибор и вспоминать картинки из камасутры.

Но сначала пожрать и отоспаться.

Глава 7. Первый квест

*Ты так хороша в своём нижнем белье,
Ты как богиня, ты нравишься мне...
«Сектор газа».*

Напевал я по пути в Любавино. Благодаря любавинскому стражнику, упёкшему Чижика, сегодня утром я в кое-то веки проснулся не то что не с похмелья, а даже в отличном расположении духа. Выспался, однако.

Обламывало одно... Избыточное давление в половых органах. И за решение этого вопроса я планировал взяться этим вечером. Сразу же после трудовых подвигов.

В условленное время я ждал проштрафившегося падавана неподалеку от логова обидчивого стражника. Ровно в десять на крыльце, во свет очей моих, явился Чижик. Хмурый и слегка помятый. А позади него в тусклом коридорчике мелькнула лакированная лысина Петровича.

— На свободу с чистой совестью? — бодро поприветствовал я падавана.

— Богатым опытом и обширным словарным запасом, — загоготал слугитель закона.

— Даже так? — удивился я.

— И никак иначе. Полиция она же как мамка родная: и выпорот и на путь правильный наставит, — буркнул Чижик, являя свою хмурую морду утреннему солнышку.

Майор Забалуйко, услышав последнюю фразу мальчика, хмыкнул и, важно покрутив ус, напомнил поставленную вчера задачу и скрылся в глубинах прокуренного кабинета.

— Дело было вечером, делать было нечего, — напевал я, рассматривая остатки забора. — Как ни крути, а со вчерашнего дня нихрена не поменялось.

— Срок на квест меньше стал, — вздохнул Чижик, переминаясь с ноги на ногу.

Я лишь присвистнул. Окинул беглым взглядом своего падавана и не нашел серьезных изменений. Хотя... Взгляд более осмысленный стал что ли.

Почесав репу, я решил притормозить с инициативой и закрепить воспитательные успехи местного Анилькина.

— Квест продолжается. Если считерить не получилось, а подсказок не видно, давай мыслить логически. Что нам нужно для крафта кошерного забора?

— Столбики. Штук двадцать. Слеги, штакетник, гвозди, инструмент там разный..., — почесывая, ещё не знакомый с бритвой подбородок, поразил меня малой.

— Хера се! Ты в кутузке сидел или на стройбате чалился? Вчера же дуб дубом был. Только и мог, что носом в телефон втыкать? Или я что-то о тебе не знаю? Может, ты по ночам еще и крестиком вышиваешь? — попробовал я подловить товарища.

— Ночка длинная была, да и разговор тоже... — хмыкнул Чижик. — А если серьезно, ближе к полуночи Михалыч, это трудовик местный, в гости к майору зашел. Пришлось рассказать, как получилось, что я вместо улицы менту вместо радио подрабатываю. Разговорились. Я для поддержания беседы и спросил, что и как с заборами обстоит. Ну, он сначала расчувствовался, скупую мужскую слезу смахнул, а потом прояснил мне ситуацию. От сих до сих.

Совершенно не типичный для юнца монолог я слушал не перебивая. Лишь "гривой" кивал. Да и что тут добавить, если Чиж, язык уже не поворачивался называть его Чижиком,

за одну ночь осознал то, что большинство его сверстников не хотят видеть даже в упор.

— А потом еще физрук с "пузырем" заглянул, — продолжил Чиж. — Вот они накидались и за жизнь тёрли, а я слушал. Слушал и запоминал. Мобилку-то у меня на время отсидки отобрали, — вздохнул малой. — А ты кстати знал, что все трое воевали, оказывается? Блин, как про другой мир рассказывали. И там совершенно все не так, как в книжках или играх. Да даже не как в кино. Представляешь.

Я хмыкнул.

— Не веришь? — насупился Чиж, неправильно восприняв мою реакцию. — Я вот вначале тоже не поверил. А потом мне популярно и в очень доходчивой форме все объяснили, — почесывая руки, смутился Чиж. — Ответил за базар. Отжиматься заставили.

— Гы, — ощерился я, поняв, что сейчас краеугольный момент в наших отношениях. — Отцу жаловаться будешь?

— Я? — не понял парень. — Так они всё правильно говорили, а я за свой язык и пострадал! Да и потом... Не по-пацански это.

— Слова не мальчика, но мужа! — хлопнув малого по плечу, одобрительно произнёс я. — Поздравляю, тиктокарь, вы переходите на новый уровень! Репутация со мной повышена до "дружелюбия" и с этого момента вы будете именоваться не Чижиком, а ЧИЖом! И к слову, кажись, не только со мной.

Незаметно для себя я перешел на понятный подростку язык. Я стоял и лыбился, а Чиж непонимающе разглядывал мою довольную рожу, ожидая продолжения.

— Ааа, это ты про мента что ли? — уточнил юнец после пары минут раздумий.

— Про физрука, — уточнил я.

Чиж соорудил такую морду, что я понял, он ни хрена не понял и факты не сопоставил.

— Первое — ты ответил за свой базар, выполнив испытание физрука. Второе — как я понял, потом не свистел лишнего. Третье — если мужики при тебе откровенничали меж собой, считай, приняли за своего. И потом, если они нормальные мужики, случись что, помогут.

— На пузырь сообразить? — хмыкнул Чиж. — Я и так, ток свистну, они из уважения к бате моему, всё, что нужно сделают.

— Ага. И вчера я стал свидетелем твоего свиста, — осклабился я.

Чиж насупился, а мне захотелось поумничать.

— Когда твоего отца уважают — одно, а вот когда и тебя еще во что-то ставят — реальная тема. Друзья, сплоченный коллектив, братство, единство — это все реальная сила и мощь.

Я аж сам собой загордился. Вон как задвинул. Чиж же, собака сутулая, важностью момента не проникся. Факты ему подавай. Ну, держи.

— Пример из жизни про взаимовыручку хочешь? — сощурился я, поинтересовался я. — Так сказать, словесное доказательство.

Юнец усмехнулся, мол, давай, жги пенсия, попробуй меня удивить нестандартной байкой времен эпохи неолита.

— Тусовал я одно время с байкерами. Ну и попал один товарищ наш в ситуацию нехорошую. В больничку загремел. Что у него было, я не уточнял. Да не суть. Врачи ему сказали, если бесплатной медициной лечиться, то лекарства есть, но шансов на нормальную жизнь мало. Но есть лекарство хорошее. И если он его купит, то девяносто девять процентов хэпи энда. Цена, правда, кусачая была. Таких денег у него не было, а просить у кого-то

стрёмно было. Хорошо о ситуации узнал кореш один. Клич кинул и ребята быстренько собрали сколько нужно. Даже чуть больше. Байкер тот, до последнего не верил. Вот что значит братство, — нравоучительно провозгласил я, закуривая очередную сигарету. — И все без помпы и громких слов. А инфоцыгане позорные, коим и ты до вчерашнего дня был, только и умеют, что понтоваться да беспонтовые лайки клянить.

— А почему беспонтовые? — неподдельно удивился Чиж.

— Так параллельно в интернетах сборы запустили. Лайков собрали до хера и больше. А полезного выхлопа было хер да маленько. И то, я так подозреваю, от иногородних рокерских тусовок, — подытожил я.

Чиж, выслушав мои доводы, лишь хмыкнул. И видно даже подкол в свой адрес не воспринял всерьез.

— Ну да. Историю эту я для красного словца рассказал, — сплюнув, продолжил я. — Где стройматериалы брать? Вот это вопрос.

— Вопрос — вопросов, — согласился Чиж.

— Погнали квестовых персов искать. А ну как фортанет и нам дадут наводку.

— Зачем нам водка? — затупил малой. — Напьемся, а там на авось?

— Да не На Водку, а наводку. Лог квеста, то есть.

— Аааа. Тогда понятно.

Бесцельное шатание по селу было самым наглým образом прервано на третьем круге. Наши изможденные тушки попали в поле зрения породистой девицы, слегка за тридцать. Это на наш первый спермотоксикозный взгляд. Коса толщиной в руку и фигурная талия на фактурном теле. А бюст...

Если бы в следующей жизни я бы мог выбрать, кем хочу стать, то не задумываясь, выбрал бы ее лифчик!

— Вы чего тут шляетесь? — поинтересовалась мечта Пьера Вудмана.

— Здравствуйте, — протянул Чиж не в силах поднять взгляд выше таких девичьих выпуклостей.

— Доброго вам дня, — поприветствовал я полюционную мечту сотен миллионов юнцов и наступил на ногу Чижа, что уже пускал слюни.

— А вы собственно кто? — явно заметив, куда мы оба пялимся, подпустила она строгости в голос.

— Я художник. Из города. Допишу и уеду. А это... А это мой последователь и по совместительству менеджер по пиару, — кивнул я в сторону Чижа, не отрывая взгляда от тела.

— Чего???

Вкратце рассказав фабулу и опустив неудобные моменты опиздюливания Чижа и нашего знакомства с участковым, популярно объяснил, что мы современные прототипы тимуровцев.

— Во исполнение государственной программы поддержки сельчан и принудительного насаждения культуры в массы решили мы с моим юным другом, — вещал я, пока малой заслышав, что говорят про него, исполнил пафосный реверанс. — Капитально обновить ограждение вашего дома культуры. А заодно прийти на помощь правоохранительной системе. К Забалуйко зашли, тот инициативу поддержал, добро дал и нахер нас послал, как про нашу скудную материальную базу услышал, — разошелся я.

Вторую часть моего монолога Чиж слушал с открытым ртом. Да и наша новая знакомая

видно прониклась. Облокотилась на хлипкую халитку, практически вывалив свой бюст перед нашими очами.

Оценив сокрытое потертой материей тело, я вздохнул, сглотнул слюну и продолжил.

— Вот подумали, может равнодушные жители придут нам на помощь, а мы потом, как про наш трудовой подвиг районная, а потом и региональная пресса раструбит, да до самого верха дойдет, мы о внесших свой скромный вклад в общее дело прямо там напомним, — разошелся я, многозначительно воздев палец к небу. — Может, даже с телевидения приедут.

Услышав о телевидении, сельчанка заулыбалась и возбужденно задвигала объемистым задом.

— Вот мы и ищем равнодушных и сознательных граждан, — еле выдавил я из себя.

Организм подвел меня в самый неподходящий момент. Мне бы петь соловьем, но подлые рефлексy и инстинкты внесли свои коррективы. Кровь из верхней головы перекечевала в нижнюю. Мозг обиделся. Мысли кончились. Повисла неловкая пауза. Я толкнул Чижу, но тот лишь ойкнул.

— Ой, а я смотрю, не местные вроде. Ходят, высматривают что-то. Думала или скупщики или спиздить что хотят, а вы с телевидения значит, — расплылась в улыбке милфа, игриво поведя плечиком.

Потертый халат такого испытания не выдержал. Пуговица с треском отлетела. Следом за пуговицей в придорожную пыль полетели наши челюсти. В интернете-то я видел и не такое, но когда сочная грудь выпадает из халата буквально в метре от твоего лица!

Аппетитная не растерялась и совершенно не стесняясь, как будто с ней такое раз по пять на дню случается, ловко запихала титьки под халат и скрестила на груди руки.

— С ютуба мы. Блогеры, — просипел Чиж. — Водички дайте. Пожалуйста. Пить охота, аж переночевать негде.

— А может лучше чаю? — подмигнула нам милфа. — Меня, кстати, Ксюшей зовут. Я местным ДК заведу. Заборчик и, правда, развалился весь, а третьего дня его ещё какие-то городские охламоны доломали. Проходите, гости дорогие. Ой, то есть блогеры.

— Да-да, — сглотнул я.

— Я не могу, у меня встал. Что делать? — прошипел мне на ухо Чиж.

— Даме нельзя отказывать. Тем более, если она настаивает, — отмахнулся я и ломанулся за удаляющейся мечтой.

Чиж, бурча что-то невразумительное, семенил сзади.

Пока хозяйка ставила чайник, мы с Чижом уселись за стол. Малой, стараясь скрыть выпирающий конфуз, сидел, словно первоклассник, и исподтишка ловил каждое движение новой знакомой.

— А что же это такая симпатичная девушка и одна живет? — попробовал я навести справки.

— С мужем. Он на работе. Придет ночью. Не переживайте, — прощепетала ответственная за любавинскую культуру, расставляя на столе чашки.

— Ага, — обломился я. — А вы значит за культурой следите и домохозяйничаете?

— Вроде того, — вздохнула милфа, разлив чай. — Готово. Угощайтесь.

Разговор не клеился. Пришлось налегать на чай и надеяться на авось.

— Я тут что подумала, — взяла инициативу в свои руки хозяйка. — Мне бы забор тоже подправить. Материал у меня есть, а за работу я с вами натурой расплачусь.

Такого поворота событий я не ожидал, хотя предложение было заманчивым. Чиж, судя по покрасневшему лицу, тоже был не против.

— А как же муж? — не веря своим ушам, решил уточнить я.

— А что муж? Пьет только. С прошлого лета обещает починить. Материал даже купил. И все. Так и гниет добро во дворе, — вздохнула дивчина.

— Это ладно. А.... Эм....

— Ах, вы об оплате натурой? — обрадовалась девушка.

— Нууууу, — задумался я.

Возбужденный мозг уже рисовал такие картины. Хотя предчувствие облома не покидало. Малому же от таких слов и вовсе башню снесло. Он лишь поскуливал.

— Да не переживайте. Я ему так и скажу, наняла мастеров, а чтобы деньги сэкономить, натурой расплатилась. Говорю же, все равно гниет без дела.

От такого заявления я натурально завис. Чиж же выпучил глаза так, что мне показалось, еще чуть-чуть и они выпадут из орбит.

— Что гниет? — деликатно уточнил я.

— Деревяшки, — с самым невинным лицом выдала милфа.

— Не понял.

— А вы точно строить умеете? — окинула нас подозрительным взглядом хозяйка. — Я ж говорю вам. Забор хреновый, доски мы купили. Даже с запасом. Вы мой забор отремонтируете, а что останется, я вам на ограду ДК жертвую. А вы про меня в газете расскажете, а потом и с телевидения ко мне приедут. Вдруг, наградят, а там карьера в гору пойдет. Вы же все как надо сделаете?

Так с небес на землю нас еще не опускали. Мы сидели и только хлопали глазами.

— А вы про что подумали? — уперевшись мощной грудью в стол, поинтересовалась милфа.

Выражение лица у нее в этот момент было один в один, как у киношных следаков.

— Про это и подумали, — шумно сглотнув слюну, пропищал малой.

— Ага. Как же. Знаю я вас. Вы городские все одинаковы. Лишь бы запудрить мозги, да наивную деревенскую дурочку раком поставить, — наехала на нас милфа. — Воспользуются, а потом ищи ветра в поле.

— Мы не такие, — попытался отмазаться я.

— Инструмент в сарае, доски за сараем, — бескомпромиссным тоном заявила хозяйка.

Решив не испытывать судьбу, мы с гордо поднятыми головами удалились в указанном направлении. На первый взгляд работы было немного.

— Я такого даже в интернете не видел, — облизывая губы, протянул Чиж. — Так и стоят перед глазами. Ой. Бате ток не говори, а?

— Базара ноль. Давай круши гнилушки через одну. Дай волю чувствам, выпусти пар, — мотивировал я юнца.

Работали мы споро. Чиж крушил, я пилил и прикидывал. За пару часов управились. Оказывается, разговоров больше было...

— Слушай, а ты нафига женщину-то обманул? — озираясь по сторонам, поинтересовался Чиж.

Я, окинув удовлетворенным взглядом обновленное ограждение, усмехнулся.

— Совет. Бесплатный. Если хочешь регулярно изменять Дуньке Кулаковой, не обзывай девушек женщинами. Даже за глаза. Их это огорчает, и они перестают видеть в тебе

хорошего парня, — нравоучительно протянул я.

Чиж на секунду завис.

— Да какая она для меня девушка? Она старше меня лет на двадцать, как минимум. Ей до пенсии меньше, чем мне лет.

А вот про пенсию он зря завёл тему.

— А вот это даже для меня очень обидно было, — буркнул я. — Ты паспорт её видел? Да даже если и старше, то приласкает так, что всю жизнь помнить будешь. Забыл, что ли вчерашнюю лекцию? Молодняк о таком сексе только мечтать может. Даже на порнохабе нет такого, что может сотворить голодная девушка слегка за тридцать, — назидательно воздев палец к небу, заверил я. — И к слову, я её ни разу не обманул.

— А про волонтерство, про газету и телевидение с блогерами как же? — напомнил напарник.

— По первым пунктам я ей сказал то, что она хотела услышать. А насчет блогеров. А ну-ка давай вставай вот сюды! Будем брутальный видос снимать!

Установив юнца под нужным ракурсом и вручив ему молоток, через пень колоду, но все-таки отсняли сториз. Или как там, эта хрень на пятнадцать секунд в интернетах называется.

— На память, — заверил я, убирая мобилу. — И Санычу покажем. Порадуем батю.

Чиж хотел было запротестовать. Но мне уже было не до него. Из дома вышла наша нанимательница. В легком летнем сарафанчике.

— Амба, — облизнулся я. — Сегодня точно не усну.

Видно наговаривают на сельчанок, что они доступные. Эта вон как вырядилась, а все мои подкаты и деферамбы пропускала мимо ушей. Игриво улыбалась только, когда мы с Чижом таскали мимо нее стройматериал. Да ножку выставляла, явно наслаждаясь реакцией перевозбужденного юнца.

В конце концов, она доигралась. Этот засранец оступился, зацепил меня, и мы, вместе с кучей разнокалиберного шпакетника, рухнули в розовый куст. В смысле, растение такое. Колючее.

— Да чтоб тебя. Что же нам так на палисадники-то везет! — орал я, лежа в колючем кустарнике. — Хозяйка! Спасай нас.

В этот раз оно того стоило. Доставали нас хоть и со смехом, но горячее девичье тело, что я, что Чиж, таки мимолетом, но пощупали.

Нашу возню прервал стук калитки.

— Муж вернулся, — вскрикнула милфа и сквозанула в сторону дома. Нам ничего не оставалось, как степенно усесться на разбросанный шпакетник. Я даже закурил для пущего антуража.

Глава 8. Стройка, песни, самогон и Света

*Водка стоит сто рублей — это не беда!
Хоть вообще-то эт не водка, а одна вода!
Самый лучший вариант: всем глаза залить.
Спьяну жизнь херово видно — даже легче жить!
«Сектор газа».*

Почему-то именно это мне пришло на ум, когда я рассмотрел мужа милфы.

— Вы кто такие? — окинув нас осоловевшим взглядом, поинтересовался мужик, на вид, лет сорока.

Хотя на глаз тут возраст даже приблизительно не определишь. Видок у него был тот еще. Типичный деревенский пьянчужка, активно борющийся с алкоголем, путем его обильного поглощения. Тощее лицо, жёлтоватая кожа, сухое тело, болтающееся на тонких ногах. И на что купилась его аппетитная жена? Ну, совершенно они не сочетались. Одним словом — антиподы.

— Рабочие мы, — смачно затягиваясь сигаретным дымом, выдал я. — Колымим по деревням. Кому забор поправим, кому крыльцо воздвигнем.

— Ааа, — загадочно протянул борец с алкоголем.

И всё. Он тупо стоял и молчал, пытаясь сфокусировать на мне взгляд мутных глаз. Мне, даже показалось, как скрипят его извилины, переваривая полученную информацию.

— А тут чего делаете? — продолжал тупить кмс по литрболу.

— Забор чинили. Хозяйка попросила, — поражаясь скорости мысли синемора, уточнил я.

— А где материал взяли?

— Так, хозяйка дала.

— Чего она вам дала? — заскрипел зубами мужик, топнув тощей ножкой.

Ну точно, ему еще рогов не хватает и вылитый олень будет.

— Материал дала и бутылку сверху ещё обещала, — зашёл с козырей я.

Финт ушами для направления разговора в нужное мне русло оказался удачным.

— А бутылка где? — услышав вожделенное слово, облизнулся мужик.

— Дык, она за ней и побежала, — улыбнулся я.

— Мужики, не впадлу. Налъете сотку? А? А я её щас потороплю. Хотя не. Она ж дрянь купит. Давай лучше деньгами возьмем, а я тут такую точку знаю, — оживился местный кавист. — Там и возьмём.

Я задумался. Бухать с этим типом не хотелось от слова совсем. А что если направить энергию алконавта в нужное мне русло?

— Доски перетащить поможешь, договоримся, — хмыкнул я.

— Дык, — разведя руки, выдала новоиспеченная рабсила. — Я мигом. Тут меня ждите.

— Вот что слово животворящее с людьми делает. Измождённое недополучением «Нарзана» тело вон как вдохновил, — философски произнес я, наблюдая за удаляющимся по загадочной траектории в сторону дома недоопохмельным типом.

Чиж лишь хмыкнул. Для него такая картина была привычна. Наверное, как оттирающиеся около мусорки бомжи для горожанина. И видишь их, а внимания стараешься не обращать. Они сделали свой выбор, идут своим путем. И пока ваши интересы не

пересекаются, они брезгают тобой, а ты ими.

— Мужики! Живем, — завопил через пару минут муж мечты сотен миллионов подростков, выбежав на крыльцо!

В этот раз я и Чиж хмыкнули одновременно. Малой, к слову, в перерыве, оказанное ему доверие не оправдал. Сидел и с загадочной улыбкой что-то тыкал в своем телефоне.

— Вы пока доски таскайте, а я за бутылкой побежал, — попытался перехватить инициативу кавист.

— Ага, щаз! Бежим и волосы назад, — огрызнулся я. — Лаве на базу, доски в зубы и в темпе второй арии Ивана со стратегическим грузом стартуешь в сторону ДК. И если через пятнадцать минут я наблюдаю эту кучу, аккуратно сложенной, у местного культурного центра, тогда и выпьем.

Как ни странно, но мои вопли возымели действие, придав мужичку моментальное ускорение. Колдырь спихнув возвышающегося на горе стройматериалов Чижа, сгреб часть кучи и натуральным галопом ломанул в сторону ДК.

— И раз, и два. Шире шаг, юниор.левой.левой. Три, два, раз, — подбодрил я спринтера.

Мой юный напарник, увидев скрытый потенциал алконавта, даже присвистнул.

— М — мотивация, — нравоучительно произнес я и побрел в сторону культурного центра любавинской волости.

Малой пожал плечами и опять ушёл в себя. По дороге к клубу он брёл позади, что-то бурча себе под нос, окидывая затуманенным взором окрестности, и снова утыкивался в мобилу. Меня раздирал интерес, чего он там такого нашел. Но вида я не подавал.

Куча досок у входа в ДК росла как на дрожжах. Я только дивился расторопности почитателя Бахуса.

— Готово, — практически синхронно заорали Чиж и алконавт.

Я аж подавился.

— Гони деньги, я за пузырем, а ты мути закусь, — пытаюсь отдышаться и утирая градом катившийся пот, раскомандовался мужик.

— Для начала литр возьми, — подумав, выдал я, протягивая гонцу мятые купюры.

Мужик кивнул и шумно дыша, поковылял за топливом.

— А у тебя-то, что готово? — поинтересовался я у лыбящегося падавана.

— Видос в сториз залил, как я забор делал, — подмигнул мне Чиж.

— Ты делал? — удивился я. — А ничего не напутал?

— Ну, приврал слегонца. Так в сети все врут. Сплошной фейк, — оправдывался малой. — И я там, кстати, и тебя упомянул. Профиль только твой не нашел. Добався в други я тебя отмечу. Мне не впдалу, — примирительно добавил Чиж.

Пока я вспоминал, как с пьяных глаз обозвал свой акаунт в «ВэКашке», в которую к слову заходил то пару раз, вернулся запыхавшийся и порозовевший гонец. Видно он уже успел в одну харю пополнить в своем организме запас горючего. Отмахнувшись от возмущенного страждущего, не обнаружившего на нашей поляне ни стакана, ни закуски, отправил его в пешее эротическое путешествие. Мятую полторашку, правда, я у него реквизировал.

Звёзды сошлись. И вместе с возвращением нашего синего гонца, все три моих сетевых друга уже знали, что я вместе с Чижом. Малой, в ознаменование нового витка в своей жизни, сменил ник: «Помогаем одиноким девушкам».

— Ну, такое не грех и обмыть, — подмигнул я облизывающемуся гонцу и достал из под куста сирени мятую полторашку.

Утончённо влив в себя содержимое замызганного граненого стакана, кавист протянул тару мне. Мол, твоя очередь. А потом, скосив глаза на малого, из стороны в сторону покачал указательным пальцем. Мол, он еще слишком юн для такого элитного пойла. Я плеснул себе совсем немного. Солнце клонилось к зениту. Ситуация устаканилась. Отчего бы и не вспрыснуть это дело парой глотков?

— Пей, не очкуй, горючка забористая. Натуральный первач, — гундел под руку кавист.

При слове первач, самогон встал в горле комом. Ни туда, ни сюда. От злости я запустил в гоцна стаканом. Благо он пуст был.

Вроде помогло. Провалилось.

— Ты чего? — надулся синемор.

— Дебил! Первак — самая отравка. Его пить ни в коем случае нельзя! Там голимый уксус напополам с ацетоном, — просипел я. — Отравить меня вздумал?

— Да ты чего? Нормальный у Натахи самогон. Они по семейному рецепту гонят. Дед мой у её бабки брал, батя у неё же. А как бабка дуба дала, так аппарат по наследству Натахе перешел. Как видишь, все пили. И ничего, — гордо ударив себя кулаком в грудь, выпалил продолжатель семейных традиций.

— А дед твой сейчас где? А батя? — ехидно протянул я.

— Померли. Дед в сугробе замерз, батя опился и в пашне уснул. Сенька его с пьяну не заметил и “Кировцем” то и переехал. Но самогон Наташки тут ни при чем. Отравленных наташкиным самогоном в нашем селе, по официальным данным, нету! Петрович так говорит, — упирался мужик. — Значит горючка у нее хорошая!

— Вот ты трудный, — буркнул я. — Ладно. Давай покурим и за работу.

Спокойного перекура не получилось. Мужик начал буровить, что мы городские совсем зажрались и херни всякой в своих интернетах начитались, вот на вождеденный первач и наговариваем. А свои слова он готов доказать практикой. А мы пиздаболы, по-русски говоря.

— Давай. Наливай мне прям под тещин поясок! — орал литерболист. — Я бахну и нихера мне не будет. Давай, проверим.

Достал он меня. Пришлось налить. Да и не жалко мне этой дряни мутной и вонючей. Жену его только жалко.

Мужик в три огромных глотка опрокинул полный граненый стакан. Икнул, сорвал травинку, закусил ей спустя пару минут опал, как листья с березы после первого мороза.

— А подмога не пришла, подкрепление не прислали. Нас осталось только два. Нас с тобою наебали, — затянул я одну из любимых песен своих студенческих лет.

Чиж согласно вздохнул. По исконно русской традиции, сокрушаться и ныть на всякое, можно было ещё долго. Но мы были не из таких. У нас был боевой настрой, поллитра мутного шмурдяка и пара редисок на закусь.

Как ни странно, но дело в неумелых руках спорилось, а душа требовала песню. И когда я затянул “В каморке, что за актовым залом репетировал школьный ансамбль”, Чиж застыл. С молотком в руках и гвоздем соткой в губах.

А я весело и задорно, в такт пению, отрывал гнилое, отмерял целое и пилил новое.

— Это ты что ли сочинил? — изумился Чиж, когда я кончил эксперименты со своей луженой глоткой.

— Не, эт тезка твой. Серега Чиж, — подмигнул я малому. — Тоже, кстати, патлатый,

как и ты.

— Круто, — выдал моментально загордившийся подросток. — Прямо, как будто про нашу школу. А меня в этот ансамбль не взяли. Сказали, медведь на ухо наступил. И даже батя не помог, — сокрушался малой.

— Фигня, — махнул я рукой. — А не спеть ли нам песню. А? О любви!

И работа вновь закипела, но уже в другом темпе, задаваемом молотком юного падавана. Финальный “бамс” и мы с Чижом сорвали реально бурные аплодисменты. Оказывается, мы так увлеклись, что не заметили, как вокруг нас собрался местный девичий бомонд в количестве четырёх человек. Пришлось смущенно раскланиваться.

— Тааак. Граждане. Что за несанкционированный митинг? — вернул нас в реальность рык участкового.

— Да вот, работники поют душевно так, — оправдывались из толпы. — Заслушались.

— Песни — это хорошо, — пробасил приближающийся к нам голос.

Едва я успел спрятать под кустом сирени бутылку с самогоном, как источник рыка появился перед нами. Благо пробка закрученная была.

Петрович бегло оглядел наше рукотворное извращенство, в нашем понимании бывшее первосортным забором, хмыкнул, снял фуражку, протер носовым платком лысину и крутанул будёновский ус.

— Продолжайте граждане, — разрешил представитель власти.

Но петь уже как-то расхотелось от слова совсем.

— Ну, спой еще, а. Ну пожалуйста, — канючила жиденская толпа новоявленных поклонниц.

— Если вы просите, — смутился я.

На публике я не выступал лет десять. Да и в юности орал под гитару только по-пьяни. А тут. Почти трезвый, без инструмента и настроя. Ловя кураж, передал привет печени и желудку, залихватски выхватил из под куста мятый пластик, смочил горло и, сморщившись от дикого аромата и послевкусия, закурил.

— Сигарета, мелькает во тьмеее, — дрогнувшим голосом затянул я. — Ветер пепел в лицо швырнул мнеее.

Толпа слушала мои жалостливые вопли, как мне казалось, похожие на бляение козла во время гона, раскрыв рты.

— А если покультурнее репертуар подобрать и инструмент тебе дать, честь нашего участкового пункта отстоишь? — ухмыльнувшись, поинтересовался Забалуйко, кутивший в сторонке.

— Нуууу, — смутился я.

— А ты подумай. Ты же на все лето к нам приехал, а оно длинное. Много чего напортачить можно, — начал гнуть свою линию участковый.

— Товарищ майор, — протянул я расстроенным голосом.

— И малого к делу пристрой. Дуэт он патриотическую песню задорнее исполняет, — пошел на уступки Забалуйко.

Чиж открыл рот, порываясь отмазаться. Но мельком глянув на меня, промолчал. Так мы сами того не желая влипли в сельскую самодеятельность. А если точнее — самонадеятельность.

Толпа наше мычание приняла за согласие и начала требовать продолжения концерта. Я попытался отмазаться, что куры не доены, заборы не достроены и вообще, я стесняюсь и

инструмента нет. А нужна, как минимум гитара марки “Мейд ин Бобруйск”. Но все было бесполезно.

Наш концерт привлек внимание вездесущих подростков. Так эти засраны, расценили мои отмазы по-своему. И через пять минут мне вручили замызганую гитару с выдавшее всякое струнами. Бабы одобрительно загудели, выкрикивая, что сейчас песни, а в субботу они запрягут своих мужиков поставить у ДК нормальный забор, взамен нашей порнографии. А в случае неповиновения введут против своих половин половые санкции.

Тройка мужиков, отиравшаяся неподалёку, погрозила мне кулаком.

— А и хер с вами, — сдался я. — Только маэстро на сухую более петть не согласен. Горло нужно промочить. И не абы чем. Как минимум, перцовкой.

Намек был распознан моментально. Не успел я докурить, как напротив меня уже была накрыта поляна. Страждущие рассаживались рядышком, передавая по кругу рюмки с самогоном. Причем женская половина общества участвовала в разогреве перед концертом, слегка активнее мужской. Пришлось смириться. Ибо пьяная, да ещё и неудовлетворенная баба — это тот ещё геморрой. Поддержки Чижа тоже ждать было бессмысленно. Тоже мне, друг называется. Взял и в самый ответственный момент по тихой грусти свалил в неизвестном направлении. Не иначе, как за очередной порцией люлей. А и пофиг на него.

С видом знатока я уселся на пенек, взглядом велел услужливому подростку наполнить для маэстро тару, а сам начал терзать гитару, пытаюсь понять, до какой степени можно тянуть струны. Ибо настойкой по музыкальным канонам это действие назвать было нельзя.

Взывать к тишине для настройки по тюнеру было бессмысленно. Да и не по-пацански это. Решил проверенным способом.

— Малой, подь сюды. Мобила есть? — поинтересовался я у подростка, смотревшего на меня с нескрываемым восторгом.

— Мобила старая. Денег на счету нет, — отмазывался школьник.

— Да пох. Ты мне номер свой продиктуй, я тебе позвоню. Ты только трубку не бери, — огласил я вводную.

Школьник удивился, но промолчал. Я набрал его со своего мобильного и приложил свой телефон к левому уху, зажав его плечом. Слушал гудки и аккуратно подтягивал пятую струну.

— Ровно на тон ниже стандарта, — резюмировал я, после второго дозвона и пары трямков.

Толпа нихрена не поняла, но впечатлѐнная моим познанием, замолчала и закивала.

— А зачем вы мне звонили? — растеряно протянул телефонный помогатор.

— Телефонный гудок чистую “Ля” выдает. Проверенный временем тюнер, а не эти ваши телефонные гаджеты, — ворчал я, продолжая аккуратно крутить колки.

Гитара трещала. Казалось, ещё чуть-чуть и дерево начнет ломаться. Или струна, звякнув, порвется в самом неподходящем месте. Но всё обошлось.

Через минуту, заинтригованная и возмущѐнная нерасторопностью маэстро, толпа начала недовольно гудеть. Легонько брынкнул, привлекая к себе внимание. Гомон утих. Сельчане шикали друг другу, ожидая шоу.

Мне даже протянули стакан с мутной жидкостью, пахнущую дрожжами с нотками меда. Мол, давай, для смелости.

Вздыхнув, ведь с утра не планировал же пить, а тут такое, опрокинул стакан и снова закурил. А когда самогонка освоилась в желудке, я запел. Ну как запел. Гнусавил, рычал,

ныл и дико фальшивил, пытаюсь скопировать артистов, исполнявших репертуар моей молодости.

Но деревенскому гитаристу так полагается.

Да и на лажу всем глубоко пофиг было. Люди просто кайфовали и вместе со мной веселыми голосами выводили “Я ядреный, как кабан и имею свой баян”, жалобно просили кольщика наколоть им маму и колокола.

— Да, в городе сейчас так уже не получится. Все на телефон снимать будут. Зачем, правда, совершенно непонятно, — пронеслось в моей голове.

Через полчаса после начала уличного концерта пальцы левой руки нестерпимо горели. Зато голос, разогретый самогоном, окреп.

— Перекур, — объявил я. — Желающие могут выпить, покурить и поублажать прекрасных дам.

Разновозрастная толпа, расположившаяся на полянке, захихикала. А я с наслаждением закурил, разглядывая позабытые сельские пейзажи.

— А как вас зовут? — прервал единение с природой женский голос.

— Санек, — представился я, без стеснения разглядывая заинтересовавшуюся мной девушку, на вид лет двадцати с небольшим хвостиком.

Ничего выдающегося я в ней не увидел. Приятная внешность. Белокурые волосы до плеч. Открытое лицо, густо размалеванное яркой косметикой. Да и с диетами, она, судя по всему, не заморачивалась: не толстая, но и не костлявая. Как говорится, самое то. А в любавинской волости она, была, скорее всего, первой красавицей.

— Света, — представилась девушка. — Может выпьем? — хищно облизнув ярко-алые губы, форсировала события местная красавица.

— Только если сразу на брудершафт, — согласился я.

Дальнейшие события развивались по банальному сценарию рядовой сельской пьянки. Солнце скрылось за горизонтом, а мы безудержно бухали самогон, орали песни, травили анекдоты, курили, пили и снова пели. Света с недвусмысленными намеками жалась ко мне. А после энного стакана я в отблесках зажигалки подивился ее красоте.

— Ты такая красивая, — еле ворочая языком, просипел я ей на ухо. — Настоящая звезда подиума.

Света смущенно икнула.

— Может прогуляемся? — предложил я, приобняв свою пассию за талию. — Ты мне местные достопримечательности покажешь. Природу там. Сеновалы, — недвусмысленно намекнул я. — Завершим этот вечер прекрасным романтиком.

Пассия на пару секунд зависла и томно задышала мне в ухо.

— Намек понял, — обрадовался я, запихивая в рукава выдавшей виды косухи, пластиковую полторашку с остатками первака. Я был в том состоянии, что мне уже было абсолютно пофиг, что бухать. Лишь бы шгырило.

Сборы были недолгими. В левый карман стакан, в правый закусь, что под руку попалась. И я готов. Гитару на левое плечо, правой рукой обнимаю Свету и мы, держась друг за друга, под пьяный галдеж отдыхающих отправляемся в веселое путешествие. Прямо как в старые, добрые времена.

Путешествие было хоть и приятным, но не долгим. Через пару сотен метров левая нога не найдя в очередной раз опоры, провалилась в пустоту, скрытую лопухами. Я вместе со Светой, рухнул в придорожную канаву.

Вот везет мне на кюветы и канавы придорожные. Благо гитару не поломали, бутылку не раздавили. Да и стакан выжил.

В этот раз падение было действительно приятным. Меня накрыло пьяной Светой. И то, что она не заморачивалась с диетами, оказалось существенным, хотя и не легким, но плюсом.

Подруга лежала на мне и томно улыбалась.

— Тут мы друг друга поняли без слов. Ведь у нас очень чистая любовь. На фиг слова нам, мы и так поймём, то, о чём думаем ночью мы вдвоём, — просипел я.

Зря я это сделал. Меня чуть не задушили. А потом попытались отгрызть мне губу. Я аж охренел.

— Ты чего? — удивилась пассия, когда я начал легонько отбрыкиваться от неё.

— Так не интересно, — буркнул я.

— Чего?

— Мне вот так больше нравится, — прошептал я и, обняв Свету, попытался перевернуть её на бок.

Девушка поддалась. Наши губы вновь слились в страстном пьяном поцелуе, а мои руки отправились исследовать пышный девичий зад, который так и норовил выскочить из тесных джинс.

В моей груди разгоралось уже совершенно позабытое чувство первозданного кайфа. Того самого, натурального кайфа. Как тогда.

И пока я барахтался в воспоминаниях, Света взяла инициативу в свои руки. Точнее попыталась, но поза была неудобной. Подруга недовольно засопела и толкнула меня. И вот я снова лежу на спине и с блаженной улыбкой разглядываю звёзды.

Деревенский самогон, соловьиное пение, горячая девка, пытающаяся победить пряжку моего роцкерского ремня и полная луна наполнили меня таким кайфом. Да ни одно из веществ на свете не сравнится по силе наслаждения с этим.

Пряжка ремня поддалась. Пуговица джинс отлетела в сторону. Ширинка вжикнула.

— О да, — просипел я, когда моё возбужденное эго ощутило жаркое девичье дыхание и прикосновение губ.

— Сааааань. Ты гдееее, — услышал я знакомый голос неподалеку от нашей лёжки.

Я насторожился. Хер тоже. Затаись мы, все бы было просто зашибись.

Но нас демаскировала эта распутница-Света, чьё задорное чавканье разносилось на всю округу.

— Сань, ты тут? — раздалось буквально надо мной.

— Чиж, сука, — скрипнув зубами, только и смог выдать я.

Поняв, что нас спалили и кина не будет, Света резко отстранилась от моего органа и грубым движением руки запихала мой срам в трусы.

— Бляяя, — скривился я от боли и сел.

Лопухи зашумели и с тихим писком пред мои очи рухнул Чиж.

— Ни черта не видно, — оправдывался подросток, с интересом рассматривая меня и мою новую знакомую.

Глава 9. Приключения “Великого обломщика”

*Вы слышали, как дают пизды?
Нет, не те пизды что с волосами,
А пизды, конкретные пизды, у-у-у-у!
Бьют когда руками и нога-а-ами.
«Сектор Газа».*

Пробурчал я, сквозь зубы. Другими словами моё состояние описать невозможно.

— Ты чего орёшь? — преодолев желание вмазать балбесу в ухо, проворчал я, пытаюсь принять горизонтальное положение.

Светка, смерив Чижа презрительным взглядом, достала сигареты, отвернулась к нам спиной и закурила. Малой, стоя в лунном свете, глупо улыбался и молчал. Почуял парень, что в неподходящий момент он тут материализовался.

— Ваш статус понижен до “Великого обломщика”, - пробурчал я, не дождавшись ответа и шаря по карманам косяка. — Чего вопил-то? Потерялся? По титьке соскучился? — злился я.

Зло разбирало. Курить хотелось невероятно, а зажигалку найти не получалось.

— Батя звонил. Обещал и тебе, и мне вломить, — вздохнул Чиж, осознав пикантность ситуации.

Я икнул, решив для себя, что как доберусь до Саньча, то в красках ему опишу, чего он меня лишил. И вообще. Какого лешего он лезет в мои дела и требует посреди ночи меня перед свои очи?

Передумал я в няньках ходить. Нас и тут нехило любят.

— А я причем? Иди, получай за свои полуночные прогулки, а я уже далеко не мальчик. Где хочу, там и гуляю! — возмутился я. — Да куда же ты делась-то? — психанул я, не обнаружив проклятую зажигалку.

Моя пассия, вздохнув и презрительно сплюнув в сторону Чижа, протянула мне свою. Закурив, я вновь плюхнулся на молодую травку, всем своим видом выражая нежелание переться в родные пенаты.

— Так батя сказал, без тебя не приходите.

— Вот деревня. А позвонить не судьба? — вспылит я. — Двадцать первый век на дворе!

— У тебя абонент не абонент, — парировал обломщик.

— И хули? — уточнил я.

Алкогольный дурман с головы выветривался, с половыми ласками облом вышел. И от этого я злился всё больше и больше.

— Горшок прозвенел для тебя, нахера я ему понадобился? — чеканя слова, выдал я. — Тебя за ручку домой вести что ли нужно?

Чиж насупился.

— Да пошли вы все, — махнул рукой обломщик. — Позвони и сам спроси. Нашли передаста.

Позвонить не получилось. Моя мобила действительно разрядилась в ноль, а на звонки с мобилы Чижа, Саньч отвечал воплями, матами и прочими непотребствами, даже не слушая, кто звонит.

Настроение было на нуле, яйца, не дождавшись разрядки, ныли. Светка, обломившись с

трахом, тоже дулась. Чиж замерз и хлюпал носом, но домой не собирался. Поняв, что даже если и получится спихнуть Чижа, на сегодня интимный момент утерян безвозвратно, махнул рукой.

— Ладно, пошли. Провожу тебя, если ты до сих пор всяких бабаек боишься, — бурчал я, вставая.

Чиж аж подпрыгнул от радости. Не нытьем, так катаньем, а добился, сука, своего.

— Сначала только Светочку домой проводим, — осадил я ретивый малолетний балласт.

Прогулка под луной, несмотря на пьяные вопли около ДК, получилась какой-то траурной. Из-за плетущегося позади нас Чижа, Светка меня постоянно отталкивала, шикала про ненужных свидетелей, девичью честь, стеснительность и косилась назад. Было такое ощущение, что давеча я в кустах валялся с её двойником, а не с ней.

Меня в конце прогулки даже поцелуем не вознаградили. Обидно, досадно, но ладно.

— Бегите к мамочкам, детишки! — хмыкнула Света на прощанье.

Мне даже обидно стало. Захотелось набить морду Чижу, Санычу и для полного комплекта зарядить в ухо Светке. А потом загнать ее в коленно-локтевую позу и показать, кто в доме хозяин.

— Айл би бэк, детка, — подмигнул я ей.

В ответ мне вновь презрительно хмыкнули.

— Только если сразу до утра отпросишься, — парировала она.

— Договорились. А ты завтра в баньку сходи и трусы чистые одень, — не остался я в долгу.

— Дебил, — взвизгнула Светка и, с силой хлопнув калиткой, зашагала в сторону дома.

— И тебе спокойной ночи, — прокричал я вслед.

Дорога в родные пенаты была длинной. Сначала, мы аки партизаны подкрались к ДК, где нас дожидался наш верный «Чезет». Потом, воспользовавшись очередным дружным тостом, откатали его в сторонку.

Подумав, решили от греха подальше, не тревожить местных мотоциклетным ревом и, толкая нашего коня, двинули в сторону дома. Пока мы не покинули пределы гостеприимного села, я лишь сердито сопел, совершенно не обращая внимания на обломщика и, игнорировал все его попытки начать разговор.

— А ты где пропал-то? — сжалился я, когда вопли пьяных любавинцев и нестройный собачий лай стихли за спиной, и мы остановились на перекур.

— А я к Ксюше в гости ходил. Пока ты самогонку пьянствовал и понтовался, она рядом крутилась. Я, как ты и учил, подошел к ней и рассказал, что мы про неё уже видео сняли и в «ВэКашку» выложили. Она удивилась. Мол, как так быстро? А я ей пару секретов показал и приложение одно очень полезное. А она мне сказала, что я очень умный, — улыбаясь во все тридцать два зуба, поведал мне Чиж. — На улице неудобно было рассказывать, и приложение долго качалось бы из-за плохого инета. Она меня домой пригласила.

— Ага, а там вы чай пили и пасьянс раскладывали, обсуждая влияние русской классики на мировое сообщество, — поддел я юнца. — Колись, давай или я Санычу такого про тебя наплету. Всё припомню. Давай, как на исповеди, ничего не тая от старшего товарища!

Обломщик кивнул и радостно затараторил, в красках описывая каждую минуту, проведённую в гостях у милфы. Меня после третьего предложения аж зависть взяла. Пришел прогу поставить, а его чуть ли не силой затащили в дом и ништяками накормили. Так потом и к интиму начали располагать.

— Слышь, Андерсен. Харош свистеть-то, — не выдержал я.

— Да честное слово, так всё и было! — бил себя кулаком в грудь Чиж.

— Она и так встанет, и эдак повернется. А джинсы такие обтягивающие, еще и стринги торчат. Глаза блестят, щёки горят. От неё так и пахло сексом, — разоткровенничался Чиж.

— Э, слышь, а ты откуда знаешь, как секс пахнет? — попытался я подловить юнца.

— Да это фигуральное выражение, — надавил на интеллект малой. — Я в роликах видел. Там бабы всегда так себя ведут, когда молодых совращают.

Я, аж закашлялся, представив себе, как пышногрудая и изголодавшаяся по сексу милфа, кадрит смущенного Чижа. Будоражит. Да так, что у меня аж дыхание участилось.

Но внешне я оставался сама уверенность.

— Не верю, — тоном Станиславского заявил я. — Заныкался поди под кустом около ДК и предавался до полуночи разным фантазиям. Потом замерз, домой ехать один зассал, а тут ещё и Саныч позвонил. А теперь и меня еще нае... Обмануть, то есть, хочешь.

— Не хочешь, не верь. А все так и было, — огрызнулся Чиж.

Я заинтересованно поглядел на спутника.

— И что? Хочешь сказать, ты ей вдул? — не поверил я.

— Всё к этому и шло. Говорю же, батя позвонил. Велел тебя найти и домой идти.

Переварив полученную информацию и прикинув, что если малой не свистит...

Да, удружил ему батя! Я представил себя на его месте. А когда в мыслях всё дошло до этого самого... А тут вместо сладкого — противный пилим-пилим и вопли Саныча. Да после такого всю охоту дня на два как минимум отобьет. Даже у молодого. Дополнив картину выражением лица сконфуженного Чижа, я не удержался и заржал.

— Вот Саныч. Вот чем он почуял, когда звонить нужно? — сквозь смех поинтересовался я у дружана. — Все, звание “Великого обломщика” я с тебя снимаю. Отныне им Саныч будет. А тебя я Андерсоном звать буду.

Чиж насупился. То ли на свое новое погоняло обиделся, то ли, что его баты в обломщики записали.

Пнул он заводной рычаг, подождал, пока я сзади размещусь, и потащились мы домой. Неспешно так.

Я вздыхал и смотрел по сторонам, вспоминая упругое молодое тело Светки, а Чиж...

А хрен его знает, о чем думал Чиж. Рулил себе и сопел, как лоханувшийся перед всем классом школьник.

— А спорим, что Ксюха меня хочет? — почти в лицо мне выпалил Чиж, резко затормозив у въезда в родные пенаты.

— Ииии? — попытался уточнить я. — Мне-то с этого, какой резон? У тебя мотивация будь здоров, а у меня что? И как ты свои фантазии мне докажешь? На мобилку что ли все снимешь? — взял я юнца на понт.

— Нет. Ты спрячешься на сеновале, а потом я с ней туда приду. И ты сам всё увидишь! И убедишься, что я не пиздабол, — принял вызов Чиж.

— А комментировать и советы давать можно будет? — уточнил я, представляя себя в режиссерском кресле в образе Тинто Брасса.

Чиж завис.

— Не, я так не смогу, — на полном серьезе пробормотал малой. — Да и Ксюха не согласится. Ты где-нибудь неподалеку лучше спрячешься и увидишь, как я с ней на сеновал иду.

Я еле сдержался, чтобы не заржать. Как ни старался Чиж выглядеть взрослым, а по факту он пока что подросток с кучей комплексов. Но мы это исправим.

— Да верю я тебе, верю, — заверил я малого, потрепав его по пышной шевелюре.

Жест Чижу пришелся явно не по душе.

— Ааааа, пришли гулёные! — разрушил нашу идиллию пьяный вопль Саныча. — А ну, ходите сюды, я вам щас люлей давать буду!

Не сговариваясь, мы с Чижом заулыбались.

— Я ж говорил. Великий обломщик, — прошептал я, склонившись к Чижу.

Малой прыснул. Саныч, явно не ожидавший такого развития событий, натурально опешил.

— У тебя пожрать есть? — поинтересовался я у охеревшего фермера.

— Там, — буркнул он, махнув рукой в сторону гаража.

— Ну вот. Сейчас мы покушаем, а потом и поговорим. Правда, Чиж? — полностью перехватил я инициативу.

Саныч стоял и лишь открывал рот, явно охеревая от моей наглости. И пох, что там и как. Будет знать, как моё приятное общение своими воплями обламывать.

С загадочными мордами мы проскочили в гараж. Судя по накрытому столу, Саныч ждал нас часов шесть. Как минимум. В углу валялась пара бутылок из-под вискаря. На столе среди остатков бутеров с красной икрой стоял початый флакон квадратных форм.

Фермер молчал, наблюдая за нами. Присаживаться не приглашал, чаем не потчевал. Ну да мы не гордые. Сами нальем и выпьем за здоровье хозяина.

Перехватив бутер, Чиж, знавший нрав своего отца явно лучше меня, не дожидаясь прояснения ситуации и знатного разбора полетов, свалил в закат.

— Давай выпьем, что ли? — предложил я недовольному Санычу.

Он уже отошел, но по выражению лица было видно, что поорать ему до сих пор хочется. Да после принятого на грудь он даже в морду мне мог легко дать. Но, как это ни странно, держался.

— Валяй, — сделал дружан разрешающий жест рукой. — Выпьем, а потом ты мне в деталях расскажешь, какого хера всё пошло не по плану! — командным тоном произнес фермер.

— По какому плану? — решил уточнить я, поднимая стакан с вискарем.

— По моему плану! — проорал мне в лицо фермер. — Я Забалуйко сказал, чтобы вам не помогал, а наехал на вас конкретно. На базе бы вам нихрена не дали, как бы вы не просили и чем бы не грозили. Местные тем более по доброй воле не подписались бы, а заинтересовать их вам было нечем. Всё было просчитано! Вам никто не должен был помогать! И вы, обосравшись по всем статьям, в конце концов, должны были прийти. Нет, приползти, виляя хвостиками ко мне!

— А зачем? А то я что-то не догоняю, — решил уточнить я. — Зачем нам было тащиться к тебе? Ты же установку совершенно другую давал, — хмыкнул я, вальяжно развалившись в кресле.

— Ты идиот? Обломившись, вы должны были приползти ко мне. Я после долгих уговоров и нытья, сжалился бы над двумя оболтусами и по щелчку пальцев решил бы все ваши проблемы. Этим самым этот балбес малолетний уяснил бы, что без меня он никто, а значит, нужно меня слушать и почитать, — раздухарился Саныч. — Будет себя хорошо вести, я ему ферму отдам, а сам на покой в теплые страны свалю. А сын в люди выйдет.

— Аааа! — ослабился я. — Теперь понял. Чиж тут значит в говне по уши для тебя бабки заколачивать будет, а ты жопастых девок под пальмами лапать? Хороший план. Но надо было меня в это посвятить. А я-то думал, надо помочь мальчику стать мужчиной. Дать ему волшебного пенделя, чтобы он сам из любого говна вылезти мог и нашел свой истинный путь. Вот мы и начали импровизировать. Причем удачно так, пока нам некоторые всю малину своими звонкам не обгадили.

Я ожидал, что после таких слов мне прилетит в морду. Но Саныч скрипнул зубами и только по столу кулаком стукнул.

— Суки, — буркнул он. — Малину я им обгадил, — уже более спокойным тоном произнес фермер, явно ожидая рассказа о наших приключениях.

Но я молчал. Тупо жрал и бухал.

— Мне Забалуйко звонил. Говорит, поломанное вы починили. Как? Объясни мне, как? — не выдержал Саныч.

— Чистой воды импровизация, нестандартное мышление и выход за рамки шаблона, — подмигнул я пьяному товарищу. — В рекламе, если ты помнишь, я там работал нцать лет, часто, нужно искать нестандартные пути решения поставленной задачи. И хороший пиарщик, часто придумывает новые ходы. Порой наглые, безбашенные и совершенно не поддающиеся логике. Хотя там есть холодный расчет. Не люблю я шаблонов, вот мы и пошли этим путем. Да и писатель один, Кастанеда, кажется, учил быть непредсказуемым. Хорошая, я тебе скажу, практика для будущего руководителя. А самое интересное, ты сыну сегодня так поднастрал. У него, если он конечно не свистит, такое и с такой тёлочкой наклеывалось... Я аж ему завидовать начал.

Саныч слушал меня не перебивая. Может и хотел испепелить меня взглядом, но получалось лишь играть желваками. Я словил кураж и вдарился в воспоминания и разъяснения.

— Жить по шаблону и плану — скучно. Я от этого сюда и сбежал. Вспомнил молодость, — делился я. — Вот ты помнишь, как мы чудили? Как мы с тобой в раздатку дядь Стёпиного трактора насрали. Угарно же было. Как он матерился, откуда в тракторе говном несёт.

Саныч гыкнул, вспомнив наше веселье.

— А по садам, помнишь, шерстили? В своем саду яблоч было завались нет, надо было обязательно в соседский залезть, — погрузился я в воспоминания.

— Так это же святое! Там же вкуснее в сотни раз, — протянул дружан.

— А помнишь, как ты Танюху пёр? Первая красавица нашего района была, а папа ее, кажется, начальник завода был. А девственности с таким оболтусом, как ты лишилась, — напомнил я товарищу то лето, когда он по селу с таким видом ходил, будто лям в лотерейке выиграл.

Саныч ошалело раскрыл глаза и, насторожившись, начал жестами показывать мне, чтобы я замолчал.

— Дебил. Там жена где-то ходит. Харош меня подставлять, — просипел он.

Я лишь хмыкнул.

— Я это к чему вспомнил то. Сын твой сегодня, считай, мужчиной почти стал. А ты о планах, схемах, — проигнорировав просьбу Саныча, продолжал я. — Такую женщину уговорил.

После моих слов, челюсть Саныча буквально рухнула на стол.

— В смысле он мне помогал формальные вопросы решать. Она нам доски дала. А еще он гвозди забивал, пилил, строгал, наливал, — затараторил я, отгоняя от Саныча нехорошие мысли. — А Ксюха эта, так это он сам. Я в это время вообще в другом месте был, — выставил я руки в примирительном жесте, поняв, что окончательно попалил всю контору и сейчас мне за недогляд могут сделать карачун.

Но Саныч молчал. Минут пять от него ни одного слова слышно не было. Я сожрал весь его стратегический запас и теперь с наслаждением снова закурил, прищурился одним глазом. Как там говорил Пятачок? А хули нам кабанам, нажрёмся и спим.

— Ты за Чижом приглядывай. Чтобы не бухали там херню всякую. И с бабами поаккуратнее, — огласил Саныч новую вводную. — Номер карты своей скажи, я подкину слегонца на пойло нормальное и гандоны, — ошарашил меня друг детства. — Только смотри мне! Головой думайте. И не той, что между ног! А то потом вези вас в КВД.

— Дык, мы на пол карасика, — заржал я и, опрокинув в себя остатки алкоголя, засобиравшись домой.

Глава 10. Реинкарнация колхозного панка

Я ядрёный как кабан, я имею свой баян.

Я на нём панк-рок пистоню, не найти во мне изъян.

Первый парень на весь край, на меня все бабки в лай.

Аааааай. Ну и няхай.

"Сектор газа."

Напевал я, сидя на крыльчке бабкиного дома, преисполненный чувством собственной важности. А что чего мне ещё оставалось делать?

Расплата за вчерашнее веселье, в виде бодуна средней степени тяжести, минула. Горло, раздражённое воплями песен, благодаря бабкиному чаю на травках, немного отпустило. Голос хриплый, правда, был. Но этот недуг мы в подвиг обратим.

Солнышко клонится к закату. Погода прекрасная, настроение тоже, жопа предвкушает увлекательные и весьма приятные приключения. Что может быть лучше? Если только состыковка с телесами любвеобильной подруги...

Тут я вздохнул. Даже напевать бросил. Давление семенного фонда сброшено не было, а коли уж обещали Светке горячую ночку, готовимся к поездке.

Картину испортил понурый Чиж, вырливший со стороны благоухающего, свежей краской, палисадника. Работнички Саныча поработали на славу.

— Ну что, падаван, готов к труду и обороне? — поприветствовал я малого весьма бодрым тоном, ибо грустный товарищ весь вечер мог заговнять своим настроением.

— И тебе не хворать, — огрызнулся тот.

Я даже слегка опешил, а потом решил тупо выждать. И как это принято говорить в интеллигентных обществах, выдержал театральную паузу. А если по-простому, с охеревшим выражением лица пару минут попялился на малого.

— А чего ты заладил, падаван, падаван. Кто это такой вообще? — не выдержал Чиж моего молчаливого укора.

— Тьфу ты, — выдохнул я. — А я думаю, чего насупился? — смакуя слова, протянул я. — Ты чего легендарный фильм про Звёздных воинов не смотрел что ли?

— А должен был? — удивился звездюк, порушив все мои представления о добром и вечном.

— Писец. Ушла эпоха! Вот молодёжь непросвещенная пошла, — заворчал я, копируя интонации своей бабки. — Запомни и детям передай! Падаван — ученик мудрого и отважного джедая. В данной ситуации джедай — это я. Видал, как я вчера пол села любавинцев, который, как ты помнишь, совершенно не отличаются гостеприимством, одной левой на проставу раскрутил? Учись, студент.

Чиж кивнул, переваривая полученные данные, но глаза понимания не отражали.

— Да блин, — не выдержал я. — В любимом фильме из моей юности так учеников называли! Сленг это. Дошло?

Вот ведь, правда же, припёрся балбес с грустной миной на лице, и мне всю малину изгадил.

— Ааа. Так ты вайб миллениалов скрафтить решил? — хлопнув себя по лбу, радостно завопил Чиж.

Настала моя очередь зависать, и в непонятках хмурить брови.

— Переведите, пожалуйста, — Ай донт спик ин это непонятное наречие, — завис я, пытаюсь понять, кто кого троллит.

— Нууу, — протянул Чиж и замолчал, явно подбирая понятные для меня слова. — Такими давно устаревшими и вышедшими из речи выражениями ты пытаешься создать вокруг себя атмосферу своей молодости, чтобы вновь ощутить себя в струе событий, — задвинул подросток.

Вот ведь морда протокольная. Подловил, что ли, получается? А ведь и крыть-то нечем. Если прикинуть, попал, чертяка, в самую точку. Хотя я и не задумывался вроде бы ни о чем таком. Говорил я так чисто на автомате. Ну а если покопаться, то вон оно что Михалыч. Как говорили в одной теле-передачке.

— Слышь, Фрейд недоделанный. Ты это, — пошевелил я губами, подбирая слова. — Бросай в моей черепушке своими грязными пальчиками шариться, — нашёлся я, шаря по карманам в поисках сигарет. — Новый блог в сети нашел? Решил милфу интеллектом покорить или подловить на чём?

— Да нет, — махнул рукой новоявленный психоаналитик. — Само как-то получилось.

— Ну да, ну да, — ворчал я, прикуривая.

— Слушай, а это правда, если умными фразами говорить, женщина охотнее на интим соглашается? — с неподдельным интересом поинтересовался Чиж, явно радуясь, что я сам поднял эту тему. — Я вчера вон про программу заикнулся, а Ксюша так отреагировала, — расплылся мой юный дружан в улыбке.

Я аж сигаретным дымом подавился от такой смены формата.

— Хреновый это вариант, — прокашлявшись, выдал я. — Вроде бы на эту тему общались, но... — задумался я. — Короче. Девка может шибко умная попасться, хотя с виду дура — душой. По-моему, рабочая схема такая. Первое — клёвый прикид. Но это не значит, что модный шмот нужен. Главное, чтобы ты один такой в округе был, а не как под копирку. Два — загадочный и отрешенный взгляд, типа тебе эти все обнимашки и поебушки совершенно не интересны. Ну и вишенка на торте.

Тут я даже почесал затылок, прикидывая, чем бы таким ошарашить падавана.

— Серенада! — важно воздев палец к небу, поделился я накопленным опытом.

Падаван хмыкнул и окинул меня недоверчивым взглядом. Не проникся. Или подвох почуял.

— Во времена мамонтов, схема может и рабочая была, а сейчас женщины хотят много денег, квартиру, крутую машину, модный шмот и просыпаться в бунгало на берегу океана, — заявил Чиж.

— Эээ, слышь, сам ты мамонт. Забьем на литр красного и огурец, что схема рабочая! — вспылал я. — Ты мне, кстати, за прошлый спор ещё не проставился. А если по фактам, у тебя из оприходованных, одна Дунька Кулакова. Так что молчи. Умник, блин. Понасмотрятся дерьма всякого, а потом создают себе проблемы на ровном месте.

— А у тебя прям миллионы отдавшихся! — нагло перебил меня малой. — А про бабки, хату и тачку, это я у популярного пикапера из ютуба видел. Он там опыт ставил. У него все сошлось. А твоя тема — отстой.

Ситуация накалилась. Появился интерес и стимул к действиям. Аж в паху зазудело.

Как там у Хоя то было то?

— Что-то чешется в мудях, не помру ли я на днях, — примирительным тоном, но с задумчивым видом процитировал я Хоя, почесывая район ширинки.

Малой шутку юмора не оценил. Стоял и злился, раздувая ноздри. Правда, через пару секунд, почему-то отошел от меня на пару шагов.

— Забьем? — с ухмылкой переспросил я, протягивая руку. — С проигравшего поляна.

— Легко, — нагло осклабился напарник, но руку жать отказался.

Я пожал плечами.

— Вчера в кустах с мутными бабами валялся, а сегодня у тебя там чешется. Подцепил теперь заразу. Без презика-то, — начал оправдываться малой и после секундного раздумья раскрыл источник своих знаний в этой области: — “Батя так говорит. А он точно знает!”.

Я аж завис.

— Слышь, ты, венеролог, блин. Харош каркать. Не было у нас ничего, а значит, мудя мои чисты, как у кота, — провозгласил я.

— Так ты же сам сказал, что чешется, — напомнил Чиж.

— Вот деревня. Это же из сказки про Кашея, — заржал я.

Ясности в молодой и, незамутненный цитатами великих отечественных музыкантов мозг, это не внесло нисколько. Чиж стоял и снова тупо пялился на меня непонимающим взглядом.

— Да, работы тут непочатый край, — вздохнул я и, махнув рукой, двинул в сторону сарая, бормоча под нос нетленные строки секторовской сказки.

Падаван за мной не пошел. Взбунтовался что ли. Стоял как столб и баста. Ну и пофиг.

— Ходи сюда, щас будем из тебя уникама делать, — кликнул я Чижа, выглянув через минуту из сарая и размахивая своей старой косухой.

Свою первую кожаную амуницию я обнаружил сегодня днём. На радостях аж прослезился. Попробовал влезть. А услышав, как жалобно трещат нитки и ссохшаяся кожа, снова прослезился, но в этот раз от досады.

Оказалось, не показалось. Разожрался я. Слегка так. Размеров так на шесть.

Хотел в деревне, работая на свежем воздухе, в форму прийти, а тут бабка ещё со своими наваристыми щами.

Короче, махнул я рукой на эту затею. А теперь с елейной улыбкой я водрузил свою родную косуху на попытавшегося оказать сопротивление Чижа.

Куртка сидела на малом, как будто по нему была сшита.

— Ну вот. Прикид обновили — образ "Колхозного панка" создали, — обрадовался я, нежно проводя рукой по любимой косухе, с которой было связано столько всего, что большую часть и рассказывать-то неудобно. — Носи. Она на девок, как афродизиак действует, — заверил я.

Чиж брезгливо оглядев панкерский прикид, попросил сфоткать его на мобилку.

— Чёт стремный шмот то, — бурчал он, разглядывая фото.

А я, не обращая внимания на его бубнёж, снова испытал чувство дежавю. Как будто себя, шестнадцатилетнего пацана со стороны увидел. Сходство было поразительное. Один в один.

В голове сами собой всплыли слова одного моего кореша. Ну как кореша. Работали вместе и выпивали иногда. А потом у него сын родился, и он прям примерным семьянином стал. Но раз в год настойчиво требовал встречи и поил меня беленькой, попутно изливая душу.

Как это ни странно в современном обществе, но со слов товарища, ребенок оказался точной копией отца.

— Прикинь, ему уже четыре года. Мы с ним во дворе гуляем, а я на него смотрю. И себя вижу, — радостно лыбясь рекламировал он мне плюсы отцовства.

Правда после следующей пары рюмок он начинал нудеть, что жена у него хоть и красивая, но тупая, что ее только селфи и треп в сети интересуют. А потом выяснилось, что ей вообще на всё похер. Традиционный домострой ей не в жилу, а вот тусить с подругами — самое то.

Банальная и никому не интересная ситуация. Выговорится кореш, полегчает ему и снова на год пропадает. А вот мне потом живи с этими мыслями. Запомнил вот. Может из-за этого кореша и не женился.

А тут, как Чижа в своей косухе увидел, себя вспомнил и всё. Проникся.

— Носи чувак и помни, в ней ты неотразим, — задвинул я отеческим тоном, ещё раз похлопав малого по плечу. — Щас ещё прическу тебе наведем.

Повторная попытка падавана избавиться от косухи, была пресечена на корню. И пока он нудел, что в этом только пенсионерок совращать, я реквизировал у бабки алюминиевый таз, налил в него воды, взболтал мыльную пену и слегка кунул балбеса хаером в мыльную воду.

— Слушай, а ведь с пенсионерками — это ты в самую точку попал. Они любят молоденьких, — подколот я Чижа, сооружая на его башке залихвацкий ирокез. — Сейчас это, кстати, очень модная и совершенно нормальная тема, — начал я развивать тему на серьезных щах.

— Иди ты, — встал в позу Чиж.

— А чего? Сплошные плюсы. Им пенсию платят. Всегда сыт, обстиран и обласкан будешь. На шмотки бабские тратиться не надо. Купил халат и няхай гоняет. А если не залезет, болячку скovyрнешь, по гною то, знаешь, как пойдет, — обрисовал я картину. — А самое главное — не залетит.

— По какому гною? — насторожился падаван, пропустив фразу про залет мимо ушей.

— Анекдот такой. Пошлый, — отмахнулся я. — Потом расскажу. Или сам загугли, если не втерпёж.

Ирокез получился знатный. Любо-дорого посмотреть. Дело было за малым — дать хаеру подсохнуть, обтереть косуху и можно покорять доверчивых сельчанок. Да и Чиж, оценив свой новый образ, приободрился.

У него в глазах даже озорные чертята пару раз мелькнули.

— Поздравляю. Теперь ты можешь именоваться “колхозным панком”. Не посрами этот почетный титул! — пафосным тоном провозгласил я.

Чиж, входя в роль, подзавис, а потом яро козырнул и заорал дурным тоном: “Сэр, так точно, сэр!”.

Я аж оглох слегка.

Не поняв, с какого бока панки переплелись с армейской тематикой и всякими забугорными сэрами, решил продолжить инструктаж.

— Амуниция подогнана, можно двигать навстречу приключениям, — обозначил я планы на сегодняшний вечер, ковыряя в ухе. — Водятел, как я понял, из тебя, как из говня пуля. Так что, сегодня едем на моем мотике.

— Так точно, сэр, — завопил Чиж.

— Чего орёшь то так? Аж в ухе зазвенело, — возмутился я.

— Сэр, это аплодисменты, сэр, — выдал Чиж, лихо тряхнув ирокезом.

— Слышь, кончай тут сэрить, — начал злиться я. — С тебя аккумулятор и бенз. Надоело мне

легкой атлетикой заниматься, — провозгласил тоном опытного начальника. — И вообще, откуда ты этого дерьма набрался? Заладил тут, сэр, сэр.

— Ролик в сети посмотрел, — с довольной лыбой на лице рапортовал Чиж. — “Построение в американской армии” называется. Там их командир дрючит, а они орут: “Сэр, так точно, сэр”.

— Тьфу ты... Теперь понятно откуда ноги растут, — усмехнулся я. — Хотя бы в правильном переводе смотрел! А теперь, слухай сюды! Налево и нахер с глаз моих исполнять приказ, пионер, бля, — гаркнул я.

Вопреки ожиданиям, малой, получив установку, исполнять её не метнулся.

— Я в таком виде один по селу не пойду, — запротестовал он. — Наряжайся тоже. Вдвоём не так стрёмно.

— Отставить нытьё и условия. Квест получен и подлежит исполнению незамедлительно, — отчеканил я, пытаюсь вспомнить, любую фразу злого морпеха из “Цельнометаллической оболочки”.

— Или ты пенделя для ускорения ждешь? — гаркнул я, ни хрена толкового не вспомнив.

Эх, пропал во мне, по ходу, наставник молодежи.

Новопреставленный колхозный панк, почесав репу, вздохнул и, возмущившись по типу, “а и пох”, ринулся исполнять установку с такой прытью, что олимпийский чемпион бы позавидовал. Ну а я, как и полагается настоящему лидеру, занялся самым ответственным делом. Выгнал яву и принялся прилаживать на место выдавшую виды мотоциклетную коляску.

Дело спорилось. Думал, до возвращения Чижа успею ещё и калориев закинуть. Но...

Как всегда, это долбанное но.

— Стоять, блять! — достиг моего острого слуха зычный вопль Саныча. — Стой, сукааа! Догоню, убью, — вопил на всю округу фермер.

Следом за воплями я услышал рёв мотоциклетного движка. Интерес пересилил чувство голода и я, вытирая руки ветошью, выперся со двора.

В клубах пыли на своем «Чезете», гордо рассекая воздух ирокезом, прямиком ко мне летел Чиж.

За ним на джипе гнался Саныч. Видок у фермера был тот еще.

— Стой, сука! — орал он, высунувшись в окно. — Стоять нах!

Я не знаю, что у них там произошло, но Чиж и не думал останавливаться. Он гнал свой мотик так, словно родился в седле.

Расстояние между байкером и мной стремительно сокращалось.

Натурально подлетев к многострадальному бабкиному палисаднику, Чиж лихо затормозил, бросил мотик на бок и со всех ног бросился ко мне во двор.

Манёвр Саныча был не таким лихим. Благо обошлось без последствий и обновлённая ограда бабкиного цветника не пострадала.

— Санёк, это ты? — выпалил фермер, вывалившись из джипа и злобно вращая глазами.

— С утра вроде был не я, а щас отживел вроде, — пожал я плечами. — Ты чего вопишь и по селу курей гоняешь?

— Каких курей, нах, — утирая пот со лба, пожаловался Саныч. — Прикинь, сижу, балдю и не бухаю даже. Слышу шум подозрительный. Глядь, а там какой-то пиздюк мотик Матвея к выходу катит. Я ему, стоять, кто такой? А он повернулся, и я аж перекрестился. Прикинь, мне показалось, это ты. Только молодой. И косуха твоя, и хаер также поставлен.

Думаю, все на. Завязываю с синим. Наглухо. До белочки допился. А потом, думаю, э-э-э не, что-то тут не так. Ну я битую и достал. Чтобы ситуацию прояснить. Хер его знает, что у этих глюков на уме. А этот засранец мотик завел и от меня. Я за ним. А тут ты. И нормальный. Старый, то есть.

Саньч снова оттер пот со лба и подозрительно меня оглядел.

— Слышь, вот сейчас обидно было. Нашли блин пенсионера. Что отец, что сын, — выразил я свою позицию, размахивая руками. — Семейка Озборнов, блин.

— Да эт херня, я вот теперь думаю, а гнался то я за кем? Если ты тут. И мотик вон валяется, — проигнорировал мои возмущения Саньч.

— Сын это твой был! — сплюнул я. — Косуху я свою старую нашел. Поприкалывались немного.

— Ага, — обрадовался фермер. — Значит, не допился. Хотя...

Фермер завис, что-то прокручивая в голове. Даже на пальцах что-то посчитал, но потом расслабился.

— А мы на блядки-то поедем? А? — выглянув из-за калитки, пропищал Чиж.

К таким перевоплощениям сына, хоть и был мною предупрежден и успокоен, Саньч был ещё явно не готов.

Как стоял, так и шлепнулся задницей на сыру землю. И чего его так поразило? Как по мне, так крутой перец из Чижа получается.

Глава 11. По дороге к бабам

В поле светит полная луна.
Сегодня всем девчонкам не до сна.
Мы с тобой на сеновале распевали трали-вали
И башка кружилась от вина.
"Игорь Куц".

Мне сильно хотелось воплотить эти слова в жизнь. Да и Чиж, ведомый половым инстинктом, а может и возвышенными чувствами, тоже рвался в гости. Но...

— Без меня не получится. Даже и не надейтесь, — хмыкнул Саныч, поигрывая мобильником. — Я сейчас позвоню, кому надо и за селом вас повяжут. И будет вам вместо самогона с бабами луна сквозь зарешеченное окно светить.

Раздосадованный Чиж от злости даже зубами скрипнул.

Ситуация развивалась следующим образом. Благодаря бабкиному самогону на апельсиновых корках и мочёным яблокам на закуску, у Саныча получилось справиться со стрессом и принять новый образ сына. Но, то ли с дозировкой лекарства я не рассчитал, то ли образ панковский у нас заразительный получился...

Короче. Саныч, как и я, решил скрафтить вайб нашей молодости. Это Чиж, постигший сетевой дзен, так выразился парой часов ранее.

Мне-то на это было абсолютно пофиг. В принципе, я где-то даже был «За». А вот новоявленный панк по этому поводу выразил категорический протест.

— Бать, ты же уважаемый человек. Авторитет! Пример для школьников, в конце концов, — сыпал он фактами. — Куда ты собрался? Ну не поймут тебя. Может тебе с Саньком в город потусить съездить? Оторветесь в закрытом заведении подальше от местных глаз, как ты любишь. А я в одну каску в Любавино съезжу. Так сказать, пройду боевое крещение. А огребу, за помощь не прибегу. Ты же этого хотел?

Фермер такие весомые аргументы вроде разделял и даже поддерживал. Но чёрт нас дёрнул за язык про вчерашнюю пьянку заговорить. И всё.

Идеалистические образы разнузданного веселья, да дополненные бабкиным самогоном, и разыгравшейся фантазией, перевесили весь здравый смысл, и окончательно затуманили расчетливый мозг, дорвавшегося до самогона Саныча.

— Ты же старый, чтобы по сельским дискотекам разъезжать, — выдал Чиж последний аргумент, совершенно не переживая за последствия.

— Короче так, — отрезал замотивированный самогоном, воспоминаниями и своими хотелками фермер, почесывая свое внушительное пузо, когда ситуация перестала его забавлять, а Чиж окончательно попутал берега. — Надоело мне примером быть. Авторитет в отрыв желает. Простой жизни хочу. Без пафоса и помпы! В краткосрочный запой. Мля! В отпуск ухожу! А колхозом пусть агроном рулит. Он любит понты кидать. В поля в пиджаке и галстук ездит. Дебил институтский. Вот пусть делом, а не прикидом и доказывает свою полезность.

Поняв, что все его доводы бессмысленны, Чиж горестно вздохнул.

— Бать, зря ты это делаешь, — буркнул он.

— Во! Вот именно с этих слов в моей бурной молодости и начинались все лучшие приключения, — пьяно жестикулируя руками и активно изображая на своем лице весь спектр радостных эмоций, выдал Саныч. — Задрали вы со своими нравоучениями. То нельзя, это нельзя. Так не делай, с тем не говори, — разошелся он. — Бабки есть, гуляй рванина, а на последствия насрать.

Глядя на распоясавшегося отца, Чиж чуть не плакал.

— Да не очкуй ты. Мамке ничего не расскажу, — подмигнул он сыну. — С нравоучениями приставать не буду. Да и интересно мне, чего там за Ксюха такая... И почему я её не знаю. А по логике, должен знать, если она наша ровесница.

После этих слов малой погрузнел ещё больше.

— Да не буду я вам мешать. Сказал же уже. Так, одним глазком гляну и всё, — скрестив руки в примирительном жесте, заверил Саныч. — Ну, подскажу, если что. Личным примером покажу. А то, поди куда вставляешь-то только на картинке и видел, — заржал местный олигарх, приобняв сына. — А там, глядишь, может и мачеха у тебя появится. Неофициальная, конечно.

Чижа перспектива не то что обломила, а натурально взбесила. В отличие от Саныча, не готов он был к такой резкой перемене семейных ценностей. А вот фермер от таких мыслей аж молодеть начал. Как говорится, прямо на глазах: в его взгляде появились огоньки, а с лица не сходила пошлая улыбка.

Или самогон бабкин на него так подействовал.

— Бать, а если тебя рабочие твои впалят? — выдал Чиж последний аргумент. — Ты ж со своими работягами то не пьешь, да и им запрещаешь квасить? А тут они увидят, как ты на лавочке самогонку киряешь, с кем попало, и всё. Весь авторитет, наработанный годами, накрылся.

— У меня из любавинских, на самом деле, никто не работает. Принципиально не беру. В сравнении с нашими, они ленивые, — пафосно провозгласил фермер. — По бумагам, для налоговой, они есть, а по факту — нет, — буркнул Саныч и осекся, оглядываясь по сторонам.

Видать, всё же несмотря на свой авторитет, не все ему были по барабану и не всё он мог разрулить.

— В жизни каждого из нас были моменты, за которые очень стыдно. А когда ты их потом вспоминаешь, кажется, что эту дичь творил не ты. Ну не мог ты такого сделать. Чисто физически. Однако ж, сделал, — с многозначительным видом изрек я. — Но именно эти моменты в припадке ностальгии вспоминают чаще всего. Так если ты взрослый и состоявшийся, а дичь не противоречит уголовному кодексу, то почему бы ее не учудить? — принял я сторону старого друга, чуя приятные бонусы.

— Во, — обрадовался поддержке Саныч. — Умные люди — умные вещи толкают!

Поняв, что переубедить двух ностальгирующих мужиков себе дороже, Чиж, как с недавнего времени стало модно говорить, отнесся к этому с пониманием.

Сборы были недолгими. Для удобства двигать решили на моей «Старушке».

А пока мы переливали бензин и перекидывали аккумулятор, благо на «Чезетке» он тоже шестивольтовым оказался, Саныч осчастливил телефонным звонком агронома и выпросил у моей бабки ещё полторашку её волшебной настойки.

— На легкий ход ноги нужно обязательно бахнуть, — бескомпромиссным тоном выдал Саныч, загребая с импровизированного стола, замаскированного под пенёк, граненый

стакан.

Опрокинув в себя желтоватую жидкость, он налил мне. Бабкина настойка влетела, как к себе домой. Даже закусывать не хотелось. Дальнейшее действие повергло меня в легкий ступор. Смерив Чижа пристальным взглядом, Саныч накапал на дно стакана и протянул его сыну.

— Водителю всегда треть дозы наливать нужно, — нравоучительным тоном произнес фермер. — Запомни, если выжить в этой круговерти хочешь.

Чиж от такого развития событий натурально охренел. Видно в первый раз батя ему официально налил.

— Да держи уже. Как будто я не видел, кто давеча в гараже мой вискарь прям из горла лакал, — хмыкнул фермер-отпускник.

Состроив для порядка морду по типу, я за последствия не ручаюсь, и вы сами настояли, юный панк колхоза имени Саныча, шумно выдохнув, с размаху закинул в рот настойку и закашлялся.

Фермер наблюдал за действиями сына с неподдельным интересом.

— Не в то горло пошла? — спросил он у Чижа, учтиво протягивая ему моченое яблоко.

— Угу, — выдал малой, пытаясь подавить рвотный позыв.

— Ибо нехер элитные напитки вкидывать, как уголь в топку, — изрек мудрость Саныч. — Бухать не умеет, а по бабам собрался, — надавил он на большое.

Но Чижа, с блаженным видом дожевывавшего вымоченное в бочке яблоко, видно уже начало накрывать. Или наоборот отпустить. Перестал он на подколы отца так эмоционально реагировать.

Саныч оценил. Мы с ним ещё по одной бахнули и раскрыли ворота.

— Трогай. Нас ждут вино и бабы, — распорядился фермер, втиснув свою задницу в мотоциклетную коляску. — Чиж за руль, Санёк страхует.

— Эээ. Ты забыл что ли, как он водит? — запротестовал я.

— Нормас. Все такими были, — отрезал Саныч.

Чиж, буркнув что-то нечленораздельное, явно довольный оказанным ему доверием, попытался завести мою старушку. С пятой попытки и третьего пенделя от меня, малой с задачей справился.

Со двора мы выехали с песнями. Репертуар у нас был конечно так себе. Но нам было глубоко фиолетово и весело. Даже Чиж приободрился и, трясая хаером в такт нашим воплям, гнал мою выдавшую виды «Яву» по улицам родного села.

— Бля, как охеренно-то! Реально, как тогда. Помнишь? — пытаюсь переорать ревущий двигатель, расчувствовался фермер, когда мы летели по полевой дороге навстречу закату.

Ноздри щекотал аромат зелени и свежести, а воздух реально пьянил похлеще бабкиного самогона.

— Злился подо мной, мотоцикл мой. Ночью, он вез меня домой, — орал я в ухо в край охеревшему от таких превращений Чижу. — Я гнал через поля, и не увидел я, что кто-то чешет прямо на меня, — вторил мне Саныч, коверкая слова Кишовского хита. — И раздался крик во мгле, кровь в лицо попала мне. Кто-то сзади голосил, а я гнал что было сил. Еее. Уее, — выводил Саныч, чуть ли не выпрыгивая от переполнявших его эмоций из коляски.

Эти-то телодвижения и сыграли с нами злую шутку. Перед поворотом распаленный Чиж не сбавил скорость, Саныч, пытаясь нивелировать действие центробежной силы и прочие физические законы, вылез из коляски больше чем на половину, вопя от удовольствия и

адреналина. Я тоже расслабился, за что и поплатился. На кочке меня с мотоцикла, как ветром сдуло.

— Вот дурак пьяный. Опять на те же грабли, — корил я себя, лежа на пыльной дороге и разглядывая первые звезды.

Пропажу ценного пассажира, я искренне надеялся на это, семейка мажоров, судя по реву моего мотика, заметила не сразу. Метров через пятьсот.

— Ты нахрена катапультировался то? — поприветствовал меня Саныч по возвращению.

— Ну вас нахер. Сам за руль сяду, — бросил я в ответ. — Ин-на с мопеда, — наехал я на водителя.

— Э, бычку то попридержи, — цыкнул на меня фермер. — Ошибся малой. С кем не бывает. А тебе держаться крепче нужно было.

Крыть мне было нечем.

— Ладно, не держи зла. Давай бахнем. А то я уже и забыл, как это в чистом поле бухать. Я ж тут по работе в основном. А я на работе не пью. Пример для подражания, мать его! — последнюю фразу фермер произнес со злостью и сквозь зубы.

— Как пиздюку, в машине или гараже приходится. Ну и в гостях ещё. А чтобы так вот, — вздохнул Саныч стоя на краю полевой дороги и разглядывая окрестности.

К кому он обращался я так и не понял.

Чиж, вальяжно развалившись на мотике, посасывал травинку. Я шарил в коляске в поисках стакана.

Сам с собой наверное. Мысли вслух излагает. Что ж, это тоже нужно.

— Держи, трудяга. Умаялся поди, руководить-то, — ухмыльнулся я, протягивая другу детства граник с бабкиным самогоном.

Саныч на подкол никак не отреагировал. Сгреб стакан, опрокинул в себя и вновь погрузился в наблюдение за окрестностями. Пожав плечами, я капнул Чижу и себя не обделил.

В голове шумело, но от бывшего веселья не осталось и следа. Было какое-то умиротворение. Хотелось молчать, любоваться природой. А в голове было пусто-пусто. Совершенно.

Смерив нас равнодушным взглядом, Чиж хмыкнул и погрузился в мобильник. То ли переписывался он там с кем, то ли посты разглядывал. Но нашего состояния он явно не разделял.

Медитировали мы минуты три. В реальность нас вернул восхищенный вопль Чижа.

— Эх, нихера се! — выдохнул он, разглядывая что-то в своем телефоне.

— Ты бы за языком то следил, — буркнул Саныч. — Выпил, веди себя прилично. Чего ты там нашел?

— Да я не специально, — засмутился подросток, судорожно пытаюсь выключить мобильник. — Ничего я там не нашел. Курс доллара увидел, — отмазался он, заблокировав телефон и убрав его в карман.

— Вот что за человек. Батя к нему со всей душой, а он картинки от него прячет, — сплюнул фермер. — Я не обиделся, я просто запомнил. Усёк?

— Ага. Мамке что ли пожалуешься или ремнем выпорешь, — съязвил малой.

— Не, ну ты видал? — толкнул меня Саныч. — Связался с шантарапой, отцу дерзить начал.

Я лишь ухмыльнулся. Ненастоящей какой-то казалась эта перепалка. Наигранной.

— Гены виноваты, — пожал плечами Чиж.

От этой фразы меня обуял приступ неудержимого смеха. Ржал я минут пять. Даже злой взгляд и тычки Саныча не могли привести меня в чувство.

— Молорик, — единственное, что я смог произнести, отсмеявшись. — Растёшь на глазах, — с довольной мордой выдал я, тряся Чижа за плечи.

Фермер отмалчивался, а Чиж, возомнив себя хозяином положения, натурально загордился собой.

— Погнали уже. А то кому-то еще и поляну накрывать, — явно намекая на меня, хмыкнул Чиж.

— Так, стопе! Чё за тема с поляной? — вмешался Саныч.

Яркий монолог подростка на тему охмурения девушек на основе советов из Интернета, поверг фермера в легкий ступор. Одна часть его пьяного мозга подсказывала, что смысл в этом есть. Но вот, чтобы сын в этом уверился и попал в цепкие лапы продуманной сельской шлюхи, которая, теоретически, может оттяпать у него через сына весомую часть казны, ему не хотелось. Совершенно.

— Так, стоять Сивка, — перебил он отпрыска. — Суть я уловил. Скажу так. Если решишь расположить к себе девушку пачкой денег, то ты дебил. Поначалу всё будет в шоколаде, а потом ты себе такой геморрой поимеешь. В такую задницу залезешь, — выкрутился Саныч.

— Так блогер же говорил, — вскрикнул Чиж. — И в книжках я читал. Сейчас время такое, — с жаром принялся отстаивать свою версию малой.

Фермер вздохнул и зарядил очередную лекцию. Минут на десять. Основной смысл был в том, что блогерам и прочим бездельникам — иждивенцам, по мнению Саныча, лишь бы хайп словить да денег на этом хайпе срубить. А на мораль и последствия им срать. В книжках же, особенно в современных, все через чур вышколено и идёт, как по маслу.

— Какое нахер долгосрочное планирование? Тут каждые пять минут ситуация меняется и требуется постоянная корректировка, — пытался он донести до сына свою истину. — Ты, блять, гвоздь решил забить, например. В теории — ёбс, ёбс и готово. А на практике? То в скрытый сучок попал, то молоток соскочил, то мошка в глаз залетела, и ты по пальцу вмазал. Планировал за минуту, а по факту — все пять промудохался.

Чиж, было, возмутился, что забор-то он у любавинского ДК чуть ли не один поставил, а что до меня, то я так, рядом постоял. Но справился, хотя там работы было, а опыта отродясь, не было.

— А сколько стройматериала испортили? А сколько времени ушло? Да и сдали вас. Петрович рассказал, чего вы налепили и кого местные бабы запрягли вашу порнографию исправлять, — вернул Саныч сына с небес на землю. — Суть проста. Жизнь — это жизнь. Приходит современный человек домой с работы, где у него не получилось что-то и лезет в сеть или книжку читает. Там все идёт, как по маслу и всё идеально. Человек соперничает, радуется, как будто это он молодец.

— Погружается в мир фантазий и черпает оттуда положительные эмоции, — вставил я свои пять копеек.

— Во-во, — поддакнул фермер. — Он это дело, то есть приключения и успехи главного героя, пытается спроецировать на себя. Но это всё в вымышленном мире, а в реале лишь звездёжь. Короче, теоретики так появляются. Рассуждают, вроде бы, здраво. А вот по факту, кучу существенных мелочей и случайностей упускают из вида. Опыта у них нет. И нихера

толком не получается, хотя со стороны всё легко и просто кажется, — нравоучительно закончил Саныч, бережно наливая себе очередную порцию самогонки. — Но заметь, у них своя правда, и их точку зрения я не оспариваю. Главное, чтобы они в мою жизнь не лезли со своим мнением, — подняв стакан, провозгласил Саныч и влил в себя очередную порцию бабкиной настойки.

Красиво у него это получилось. А на лице такое наслаждение отразилось.

— Хотя, справедливости ради отмечу, что встречаются и дельные блогеры, и толковые словосоставители. Но в твоей ситуации, сколько б ты видео не посмотрел или рассказов не прослушал, пока пяток девок, в образе бедного студента не склеишь, грош тебе цена, — резюмировал фермер, закусывая самогонку молодой травинкой. — А вот, как склеишь, поймёшь, чего и как, и куда, а потом и в советах этих начнешь интересное и полезное находить. Что-то переймешь, а над чем-то и посмеешься. Ты главное, между делом, там узнай, у подружки этой, как она такая фигуристая тут оказалась, чего алкаша своего терпит и чего это к тебе такая добрая.

После такой лекции Чиж даже погрустнел.

— Не ссы малой. Прокачаем мы твои навыки, поднимем скилху, — подбодрил я падавана. — Главное — всё трезво оценивать и признавать свои проколы. Понимая, что тут накосячил ты, а там батя тебя спас.

— Во-во, — довольно замычал Саныч. — Слушай, а на чем у тебя бабка самогон настаивает? — бросил он в мою сторону. — Меня поначалу морду кому-нибудь набить тянуло, а после пятого стакана о глобальном задумался.

— А хер её знает. На опыте и мышинном помёте, наверное, — отмазался я, подталкивая мелкого к мотоциклу. — Задрали вы лясы точить. С вами ток по бабам ездить. Пока доберешься, нахер ничего не нужно уже будет.

— Чё? Виагра отпустила уже? — заржал Саныч, залезая в коляску.

— Один — ноль в твою пользу, — отмахнулся я. — Погнали, юмористы.

Глава 12. Квест номер два

Говорят, что хорошо, когда выпьешь да еще.

Говорят, что хорошо трахать на природе.

«Сектор Газа».

Мурлыкал я себе под нос, надеясь на скорое воплощение этих строчек в жизнь.

— Куда поедет-то, — пытаюсь переорать рев мотоциклетного движка, поинтересовался

Чиж, когда взобравшись на пригорок, мы увидели крыши любавинских домов.

Вопрос, как оказалось, был спорным. Саньч, решивший забухать с мужиками, рвался к ДК, где правильные посоны испокон веков собирались на вечерние попойки и мордобитие.

Меня тянуло в сторону Светкиного дома, а Чиж, понятное дело, мечтал оказаться в объятиях местной милфы.

Истина была где-то рядом, а чего делать было непонятно. У меня с фермером даже жаркие дебаты случились.

Чтобы не потерять пассажиров, водятел тормознул у обочины.

Можно было бы разделиться, но все трое, несмотря на затуманенный настойкой мозг, понимали, что, несмотря на связи и крышу в лице местного Буденого, а по совместительству участкового, разделившись, мы с большими шансами могли огрести. И не хило так огрести.

— Предлагаю план “Капкан”, - выступил с инициативой Саньч. — Заедем в гости к Петровичу и поставим перед фактом, что мы с гостевым визитом прибыли на его территорию. В графе “Цель визита” укажем: “Исправление демографической ситуации”. А таким дорогим гостям бить морды — моветон. Значит нужно поспособствовать и провести предупредительные беседы с особо ретивым контингентом.

— Фигня, — сплюнул я на дорогу. — Весь шарм ситуации пропадает.

— Зато по морде не дадут, — встал на сторону отца юный водятел.

— А без связей — слабо? — взял я их на понт. — Я-то вчера расположил местное население к своей персоне. И теперь люля мне не светят.

— Свалил вовремя, вот по морде и не дали, — отмахнулся Саньч.

— Предлагаю бахнуть и обмозговать на трезвую голову, — пошел я на компромисс.

Возражений не было. Но даже после пары тостов к консенсусу мы прийти не смогли.

— С вами каши не сварить, — обозлился на нашу несговорчивость Саньч. — Погнали до ДК доедем и обстановку разведаем. А там видно будет.

Чиж усмехнулся и раздосадованный, что его мнение вообще ни во что не ставили, так пнул заводной рычаг, что я аж сигаретой подавился.

Пока мы охеревали и усаживались на мотик, согласно имеющимся билетам, этот мелкий засранец накручивал ручку газа, всем своим видом выражая несогласие и протест. А потом он поехал. Ну как поехал. На второй передаче на максимальных оборотах. Ревущий движок окончательно выбесил и меня, и фермера. Не могли мы перенести такого издевательства над техникой нашей молодости.

Слова должного действия не возымели. Балбес прикинулся глухим шлангом и, сжав зубы, гнал по пыльной дороге. Лишь чувствительный подзатыльник помог донести до зарвавшегося Чижа мысль, что технику беречь нужно.

К любавиноскому ДК мы подъехали чинно и вальяжно. По крайней мере Саньч такую морду соорудил. Я же скорее напоминал охотничьего кобеля, почувшего дичь.

К моему глубокому разочарованию, на импровизированной лавочке, в виде бревна, около ДК тусили с десятков подростков. Местный бомонд кучковался вокруг паренька, терзавшего раздолбанную акустику.

— Э, выруби дальний или следующие две недели своими фарами дорогу освещать будешь, — вежливо обратились они к нашему водятлу, когда Чиж остановил джаву в паре метров от компашки.

— А ты всегда такой борзый или только по праздникам? — приветствовал молодежь Саныч, вылезая из коляски.

Языкастый завис. Подвисли и его сотоварищи.

— Здорово парни. А Светку не видели? — вклинился я, выглядывая из-за чижовской спины.

— О, а я тебя по голосу узнал, — обрадовался тип с гитарой. — Это ты вчера лабал. Я Серёга, а тебя как зовут.

Паренек резво подскочил к мотоциклу и протянул мне руку.

— Санёк, — представился я, отвечая на рукопожатие. — Светку не видел?

— Да тут она где-то лазит, — отмахнулся новый знакомый. — Сыграй, а? Эту. Про вшей. Ты вчера её играл.

Толпа, предвкушая продолжение концерта, радостно загудела. А Саныч и Чиж, как два столба стояли и не понимали, им-то что делать. К столу не приглашают, но и по мордам пока не собираются давать.

— На сухую не поем, — авторитетно отрезал я.

— А кто сказал, что на сухую? — удивился Серёга.

“От жешь привязался то, — пронеслось в моей голове. И ведь хер избавишься от него”.

— А Светка скоро придет. Она всегда после десяти приходит, — заливал юный гитарист.

— Пару песен. Не больше, — согласился я. — Пальцы и горло после вчерашнего болят.

— Ага, держи стакан, я тебе налью, — обрадовался Серёга, достав из-за бревна “граник” и мятую полторашку.

Подлая Светка не пришла ни после первого стакана, ни после второго. Горло прошло, пальцы забегали по грифу, толпа подпевала и увеличивалась.

Саныч и Чиж тоже успешно влились в тусовку и даже закорешились с кем-то. А когда из мотоциклетной коляски была извлечена бутылка с остатками бабкиной настойкой стали вообще своими в доску.

Самогон, как и хиты моей молодости, лился рекой. Толпа страждущих алкоголя и развлечения росла. А чтобы источник вдохновения не иссякал, довольный Саныч, радостным воплем оповестил ровно половину села, что раз пошла такая пьянка, нужно резать последний огурец.

Что и было подтверждено делом. Всучил он пареньку пятитысячную купюру и велел купить на всё самого лучшего самогона.

Прикинув объемы и перспективы, я поначалу немного понервничал и даже попробовал по тихой грусти слинять. Не получилось. Бухие зрители, возглавляемые преобразившимся Санычем, требовали продолжения концерта. А через пару песен и гонец вернулся. Правда, принес он подозрительно мало: трехлитровую банку.

Вопросы возникли только у спонсора. Внятного ответа на них не последовало. Отмахнулся гонец, мол щас ещё будет, не очкуй.

Едва банка завершила первый круг, как сельскую идиллию прервал злой Петрович, вынырнувший из темноты, как лысый черт из табакерки.

— Это кто это тут такой горластый? Время видели? — поприветствовал он нас.

— Здравия желаем, — ответил я. — Готовимся к патриотическому смотру.

Охеревшего от такой наглости участкового добил Саныч.

— Петрович! — ослабил в пьяной лыбе фермер.

— Твою ж мать, — чуть не заплакал участковый. — Ты то, что тут забыл?

Пьяно пошатываясь, Саныч подошел к усатому блюстителю правопорядка и в красках описал, как его ностальгирующей душе важно общение с простым человеком да на свежем воздухе. И обламывать его ну никак нельзя. Иначе неурожай и как следствие благотворительность в сторону внутренних органов и прочей культуры придется сворачивать.

— Петрович, да чего ты заладил, расходитесь да расходитесь. Идём лучше с нами бахнем, — упирался Саныч.

— Я тебе щас бахну, — начал терять терпение представитель власти.

— И чего ты мне сделаешь? — продолжал нарываться Саныч.

— Домой отвезу и жене сдам, — огрызнулся участковый.

— А оно тебе надо?

— А тебе?

— А я отдыхаю. Отпуск взял. Имею право, — упирался фермер. — Мы с ребятами тут немного самогонки попьем потихоньку и всё. Чего ты заладил то, — канючил Саныч.

Дискуссию, за которой с интересом наблюдали все участники попойки, прервал противный скрип тележки. Вскоре нарисовался и источник звука. Им оказалась старушка божий одуванчик, тянувшая что-то, напоминавшее тачанку.

— Сынки, кудой флягу-то ставить? — прошипелявила гостья.

— Какую еще флягу? Михална, ты чего? Перегрелась? — в край охерел участковый, судорожно шаря по карманам.

— Ой. Никакую, — включила заднюю старушка. — За водой я пошла и заплутала.

— Стоять. Смирна! — гаркнул Петрович и таки нашел в кармане мобильник.

Картина, проявившаяся в свете мобильного, была та ещё. Древняя, как говно мамонта, старушка-божий одуванчик притараканила к нашему столу двадцатилитровую флягу. Судя по всему — не пустую. И даже не запыхалась.

— Что во фляге? — перешел на официальный тон местный Аниськин.

— Ничего, — огрызнулась Михална. — Так. Самогонка на доньшке плещется.

— Я те дам, ничего. На доньшке у нее плещется, — расвирипел участковый.

Во фляге оказалось действительно совсем ничего. Почти всклень. Пару пальцев до верха не хватало.

— Михална, бизнес-вумен, мать твою. Ты сдурела что ли? Это ж статья, — чуть ли не взвыл Петрович.

— Вот чего ты начинаешь? — перешла в атаку бабка. — Пенсия маленькая. На хлеб и то не всегда хватает. А мне внукам помогать надо. А так, какой-никакой достаток.

— Да тебе тюрьма светит, дурья твоя башка, — взывал к разуму участковый.

— Ты меня тюрьмой не пугай. Выискался тут. Ты ещё в обоссанных портках под столом сидел, когда я в колхозе с восхода и до заката горбатилась. Всё здоровье там оставила, а получила хер! И без масла. Учить он меня ещё будет, — не сдавалась бабка. — Люди, вон,

мульонами у него под носом воруют, а он бабушке тюрьмой грозит. И статьи тут нет. Ученые мы! Это пожертвование. Акт доброй воли. Мальчишки поют красиво, порадовали старую, вот и решила их угостить. А статья — за продажу. Я в интернете читала.

Отмазки юридически подкованной бабки сразили Петровича на повал. То ли смеясь, то ли плача он потихоньку сползал по забору. И если бы не сердобольный Саньч, подставивший другу крепкое плечо, опал бы блюстититель, как озимые после грозы.

— Петрович, нельзя все так близко к сердцу воспринимать, — суетился фермер. — Чего ты распереживался-то. Пойдем, я тебя до дома провожу. Мы с тобой посидим. У тебя же коньячок остался, который я тебе дарил?

— Французский? — всхлипнул участковый.

— Он самый.

— На свадьбу дочери берегу, — вздохнул Петрович.

— Чего его беречь? Его пить надо. А дочери твоей на свадьбу я ящик такого куплю. Пойдем. А? — заливался соловьем местный олигарх, пытаясь поднять участкового.

Поняв, что сопротивление бесполезно, Петрович махнул рукой и, поддерживаемый Саньчем, зашагал в сторону дома.

— Да... Не бережет себя Петрович. На износ работает. А мы все пьем да морды дру другу бьем, — вздохнул кто-то в темноте. — А он переживает.

— Звучит, как тост, — возбудился второй голос.

— Ну, за Петровича, — провозгласил третий.

— Флягу-то куды ставить? Щас вылью и будете с земли слизывать, — пригрозила бабка. Про любимого участкового толпа забыла уже через две минуты. Да и какое тут сопереживание. Посоны столько самогона за раз не на всякой свадьбе видели. А тут...

Я же всеобщей радости не разделял. Мне самогон даже в горло уже не лез. Да и петя расхотелось.

Настроение испортилось не только у меня.

— Может пойдем, Светку твою поищем, — дернул меня за рукав Чиж.

Малой, кстати, активного участия в тусовке с самого начала не принимал. Так, тусил в сторонке, копаясь в мобиле.

Давай, — согласился я. — Сейчас гитару отдам только.

Расспросы о местонахождении хозяина музыкального раритета привели нас к ближайшим кустам. Начинаящий гитарист возомнил себя рок-звездой и беззаботно дрых под кустом в луже блевотины.

Чиж, скривив морду, отвернулся. А лично у меня неприятная картина вызвала двойкие чувства.

Поразмыслив о преемственности поколений, я вручил гитару Чижу, а сам немного оттащил начинающего гитариста поближе к забору и уложил его на бок.

— Чуть не пал боец смертью истинного алконафта, — констатировал я, отряхивая руки.

— Это как? — удивился Чиж.

— На спине лежал. Начни он блевать, захлебнулся бы собственными рвотными массами, — просветил я.

Чиж хмыкнул и, по ходу, ни разу мне не поверил. Бухой Серёга же, словно подтверждая мой жизненный опыт, издал утробный звук и отрыгнул не хилый такой фонтанчик.

— Вооо! — назидательно произнес я. — Гитару я ему сегодня не отдам. Испортит инструмент. А в оправдание скажу, что почти жизнь ему спас. Плюстик в карму заработал,

так что теперь со спокойной душой можно отправляться на поиски приключений.

Хер его знает, как так получилось, но ноги вывели нас к дому Чижевской милфы. Хотя стоял он, хочу напомнить, далеко на отшибе.

— Ну что, Казанова, вызывай свою зазнобу на неравный бой, — усмехнулся я.

— А вдруг этот. Муж её дома. Или она уже спит, — начал отпираться Чиж.

— Дааа, — протянул я. — А понтов-то было. Ты ей сообщение напиши, обстановку разведай, — подсказал я. — Ты же видосы весь день смотрел. Меня учить пытался. А потом и для смелости принял, а как до дела дошло, слиться решил?

— Ничего я не решил, — надулся малой.

— Ага. Оно и видно.

Эх, не хватает Чижу выдержки. Опять он повёлся. Достал мобилку и начал что-то там тыкать.

— Отправляю, — вздохнул он.

— Эээ. Погоди. Ты чего там написал? Интересно же, — запротестовал я.

Пикапер из юнца оказался тот еще. “Прив, как дела, чё дел” — это всё, на что хватило его фантазии.

— Да все так пишут, — оправдывался Чиж на мои возмущения.

— Кому? — лютовал я. — Прыщавым школьницам, которых никто гулять не зовет? Тут женщина! Да еще какая! Она с первым встречным не пойдет.

— А со мной пойдет! — огрызнулся малой. — Я прикинусь неопытным, и она захочет меня всему научить и показать. Мне даже напрягаться не надо будет. Сам так говорил. Тем более, сообщение я уже отправил.

— Ну-ну, — буркнул я. — С такими тупыми подкатами ты сегодня опять уснешь девственником. А мог бы...

Завершить повествование о том, что и как мог бы Чиж мне не удалось.

— Ответила, — заулыбался во все тридцать два зуба малой. — Я же говорил.

— Чего там? Нахер послала?

— Не, пишет, что я наивный и смешной. А еще что у нее окно открыто, а мы орем на всю округу, и она все слышит, — дрожащим голосом пересказал юный Казанова.

— Ну, тогда пусть выходит или мы сами сейчас зайдем, — приободрился я.

Чижевский телефон плюмкнул. Малой судорожно икнул.

— Тише ты. Она тебя услышала, — зашипел Чиж, читая сообщение. — Пишет, выйти не может. А если у меня смелости хватит, то я могу зайти. Муж ещё не пришел.

— Чё, так и написала? — охерел я.

— Да, — сглотнул малой. — А что делать-то?

— Как что? Идти, если зовут. Такой шанс упускать нельзя, — похлопал я Чижу по плечу.

— Пряма так? — заупирался Чиж.

Всю спесь с него, как ветром сдуло.

— Пряма так, — заверил я.

— А если до этого дойдет, а у меня даже презерватива нет. Дай на всякий случай, — чуть ли не заикаясь от волнения, пробубнил дружан.

— Иди так. Размечтался он, — заржал я.

В окне призывно мелькнул аппетитный силуэт. Мне даже показалось, что там хихикнули. Но Чиж ничего не видел. От волнения его била мелкая дрожь.

— Эх ты, Казанова, блин, — усмехнулся я и, повернув юного быка осеменителя лицом к дому его зазнобы, легким пенделем направил в нужном направлении.

Чиж шагал, как на эшафот.

— Не, брат. Так дело не пойдет, — протянул я. — Мы скоро вернемся, — бравым голосом заверил я женский силуэт, притаившийся за занавеской. И немного подумав, добавил: “Точнее, он один придет”.

Чижа пришлось тащить чуть ли не волоком. Когда мы отошли от Ксюхиного дома метров на триста, от его стеснения и следа не осталось.

— Мы куда? — запротестовал малец. — Меня там ждут!

— Щас эликсира смелости выпьешь и вернемся, — огрызнулся я.

Чиж кивнул и смекнув, что к чему и зачем, даже возмущаться перестал. А мне идти было скучно. Да и отвлечь малого нужно было, настрой правильный ему придать. Пришлось травить байки.

За время нашего отсутствия дислокация любавинского спецотряда по борьбе с зеленым змеем не изменилась. Но в неравном бою полегла, как минимум треть войска.

Положение спасли скрытые резервы из числа более опытных бойцов. Местная алко-элита, почуяв халяву, вступила в неравный бой с флягой, опорожняя стаканы направо и налево.

Гужбан шел знатный.

Только я хотел помочь бойцам, подхватил стакан и уже протянул руку к фляге, как на плечо мне опустилась огромная рука, а в ухо дыхнуло перегаром.

— Ты куды к чужому добру руки тянешь? — прогремело у меня за спиной.

Вот вроде час всего отсутствовали, а нас тут уже забыли.

Глава 13. Огробать, так с музыкой

Эй, чувак, ты зря, ващет обидел меня...

Ты от страха, педрило, будешь срать три дня.

Тебе я яйца отрежу и проткну шнифты!

Меня надолго, хер ослиный, запомнишь ты.

«Сектор Газа».

Хотя я по жизни совершенно миролюбивый и, по трезвому, даже муху не обижу, но после такого наезда в моей хмельной башке всплыли именно эти строчки залихватской песенки из сказки про Кащея. Само собой это произошло.

Но я был не былинный герой, а врагов, хоть и угашенных самогоном, было овердохера. В кинохе, герой бы справился с ними на раз-два. А тут, в реале, даже пяток рассерженных и раззадоренных алкоголем деревенских мужиков (тут стоит отметить, что не истощённых алкашкой синеморов, а именно работяг, бухающих только по вечерам), а у фляги почитай их человек пятнадцать тусило, укатают меня так, что судмедэксперт потом задолбается по косточкам брненное тело собирать.

Или кто там тела собирает? Но это потом. При самом хреновом раскладе.

А сейчас...

А сейчас нужно было как-то выкручиваться из сложившейся ситуации. И всё было явно не в мою пользу.

Саныч с участковым свалили дегустировать элитный коньяк. На Чижа рассчитывать бестолку. Да и опять не видно его. Вот что за тип, как ему на подмогу, так я рядом, а как меня выручать...

Кто там ещё остается? Светка? А Светку, которая в теории может помочь наладить контакт с местными, я так и не нашел.

Осталось надеяться только на себя. Точнее на свой болтливый язык.

Отстаивать свое право на самогонку кулаками ох, как не хотелось. Тем более что когда я повернулся к источнику звука, увидел слегка покачивающийся от выпитого, натуральный двухметровый шкаф. С такими злобными глазками и мохнатыми ручищами.

Честное слово, я это всё в темноте разглядел.

— Братан, — сразу обозначил я свое отношение к аборигену. — Так то, это с моей подачи этот волшебный сосуд тут нарисовался. Так что, считай, я в отличие от некоторых, скинулся, — попытался я обозначить свою значимость и причастность к застолью.

— Это ты на что намекаешь? Типа, это я халявщик? — впал в ступор громила.

— У меня претензий нет. Бухайте на здоровье! Я пару стакашек позаимствовать хотел. Догнаться не хватает, — уточнил я.

Но громила меня как будто бы не слышал.

— Охерел, мля. Меня халявщиком называть? Да я тебя, — не унимался он.

Я вздохнул. Переговоры явно зашли в тупик и мне собрались бить морду. В теории можно было бы ретироваться...

Но боржоми пить было уже поздно. Пяток мужиков, нарисовавшихся тут недавно, но не смотря на это успевших накачаться самогоном под самую завязку, взяли меня в небольшое такое кольцо.

Покачиваясь, они с пьяным оскалом в предвкушении знатной драки уже потирали руки. На меня даже озарение снизошло, понял я, с кого в фильмах и книжках зомбей копируют.

Но это лирика, а по факту, отступить было некуда.

— Эх, была не была, — пронеслась в моей голове шальная мысль.

То, что разговоры разговаривать уже поздно, я понял жопой. Башка это осознала ещё в родных пенатах. Я думал нос к пьянке чешется, а оказалось, вон оно как Михалыч.

Я вздохнул. Нужно было действовать. Как говорится, сейчас или никогда.

— Ты в уши что ли долбишься? — начал я бычить на предводителя местного рабочего класса. Благо резкой атаки не ожидалось. Между нами было метра два. А вот в спину возмущенно сопели. Но это не сильно напрягало. Так то среди деревенских бить из подтишка ещё не принято. Старая школа, пока что, рулит. Или стенка на стенку, или один на один.

Психологическая атака завершилась успехом. Шкаф завис.

— Я ж тебе говорю, дружан мой проставился. А вот какого хера ты к нашему столу свои грязные ручонки тянешь, я чего-то не догоняю? — наглым тоном провозгласил я.

Достучаться до пьяного мозга не удалось. И пока в голове у собеседника скрипели извилины, писец подкрался сзади.

Я почувствовал сильный толчок в спину. Не удар, а именно толчок. Как будто этот доброжелатель нечаянно оступился и его вперед повело.

Такого западла я не ожидал и полетел в объятия громилы, чисто на инстинкте вжав голову в плечи. Это меня спасло. Я волосами почувствовал, как буквально в сантиметре над моей черепушкой пролетело что-то массивное.

— Кулак, что ли, — подумалось мне.

Через долю секунды, в подтверждение моей догадки, за спиной раздался смачный чавк.

Получается, шкаф, заметив мой невольный выпад в свою сторону, решил двинуть мне предупредительный в челюсть. Ему не повезло. А я по инерции боднул обидчика башкой точно в солнечное сплетение.

Нечаянно. Честное слово.

Меня-то пронесло, а вот невольному спасителю и мудаку-подстрекателю, в одном лице, не повезло. Он после стыковки банально не удержал равновесие, сделал два шага вперед и налетел своим жбаном аккурат на волосатую кувалду громилы.

— Митяй, ты охерел? — взвыли сзади, когда я, отрикошетив от громилы, грохнулся задницей на сыру землю.

Митяй, оказавшийся этим самым шкафом, с ответом не спешил. Обидчик, выпучив глаза и согнувшись хватал ртом воздух.

Думать о последствиях не хотелось совершенно. Отсидиваться и надеяться на чудо, было тупо. Сваливать — не по-нашему. Решил продолжить психологическую атаку.

— Митяй, ты нахера моему другу в жбан двинул, — завопил я и попытался изобразить подсечку.

Как там получилось, красиво или нет, я не понял. Главное результат. А он был. Митяй, суча ногами, лежал на земле. А толпа, всё также пьяно покачиваясь, соображала, чё за херня тут творится.

Радовало одно, опиздюливать меня не спешили.

— Братан, я отомстил, за тебя брат. Он не со зла, — подмазался я к нарушителю деревенских кредо.

— А ты кто? — охерел новоявленный дружан, шумно харкая кровью на землю. Хорошо, что на меня не попал.

— Ты чего? Не узнал? — возмутился я, все ещё лёжа на земле. — Значит, как на гитаре сыграть, так Санек, друг, давай вот эту, а чуть что, так ин-на! Я вас не знаю!

— Ааа, — обрадовался спаситель. — Братуха!

По ходу, гроза миновала. Местная алкоэлита, по крайней мере, один из них, меня признал. А один чувак из числа самых стойких, после того как посветил мне в морду фонариком от зажигалки, во всеуслышание подтвердил мои слова.

Так и сказал: “Наш это пацан. Вчера душевно песни попел, сегодня приехал с двумя лохами и заставил их местную братву уважить”. Вот какое оно общественное мнение. А народ пиздеть не может. Народ всё знает. В интернетах так пишут.

Примирение сторон прошло быстро. Новоявленный дружан помог мне подняться с земли. Оказавшись на ногах, я в свою очередь протянул руку Митяю.

— Братуха, сорян. Не со зла. Оступился малость, — оправдывался я.

— Да ладно. С кем не бывает, — буркнул Митяй, схватив меня за руку.

Удержаться на своих двоих я не смог. Этот засранец дернул меня за руку и я, потеряв равновесие, с колена заехал Митяю в левый глаз.

Опять же, честное пионерское — нечаянно.

Шкаф хрюкнул и отпустил руку. Толпа одобрительно загудела.

— Ну ты даешь, братуха, — присвистнул кто-то. — Каратист, мля. Два раза подряд Митяя уделал.

Отмазываться я не стал. Хотят они так думать, нахера обламывать их розовые мечты.

Миссия была выполнена. Мужики меня зауважали, а Митяй, пробурчав что-то про реващ, попытался в третий раз мне вмазать, но между нами вклинился мой новоиспеченный товарищ. Я его имени даже не знал. Но для настоящих мужиков, это совершенно не важно. Третьестепенно даже.

Почесав репу и аккуратно ощупав начавший распухать нос, Митяй предложил посоревноваться в менее болезненном виде спорта. В литрболе.

Смысл был прост. Тупо бухать без перерыва. Кто первый вырубился, тот — лох.

— Братуха, я на тебя обиду не держу, и ты на меня обиды не держи, — провозгласил я первый тост.

И мы выпили.

— Санёк, хоть ты и хилый, но сноровка есть. Я тебя даже зауважал малость, — провозгласил Митяй второй тост, едва самогон провалился в нутро.

И только мне поднесли “чарку крепкого вина”, для третьего раунда, как сельскую идилию прервал нарастающий топот и зычный вопль.

— Зашибу, суки, а ну разошлись нах. Я за себя не отвечаю, — орал какой-то идиот на всю округу.

Секунданты и соревнующиеся затихли.

— Саныч, — прошептал я радостно, опознав друга детства по голосу и манере общения с народом.

— Всем стоять! Трамвай, прижаться вправо, — вторил моему дружану второй голос. Судя по жаргону, это был Петрович.

Толпа слегка поредела.

— Опа на, — обрадовался я, повернувшись к источнику воплей. — Са....

Больше сказать я ничего не успел. Саныч, вращая руками, точно это крылья ветряной мельницы с громким гиком откинул одного, слегка зацепил второго. А потом наступила тьма.

По крайней мере, лично для меня.

— Да тише ты, — первое, что я услышал, когда начал приходить в себя.

Меня мутило. В голове шумело, а во рту был неприятный привкус блевотины, дрянного самогона и крови. То ещё сочетание, скажу я вам.

— Саныч, его бы к дохтуру, — услышал я голос Петровича. — У меня тут один как раз гостит. Судмедэксперт, правда. Но в консультации, думаю, не откажется.

— Думаешь? Может до утра и в платную клинику? Знаю я, как в районных полуклиниках лечат, — ворчал Саныч, нежно похлопывая меня по щекам.

— До утра протянем точно, потом прямиком к Ильичу на стол. А так, он его ещё тепленького осмотрит, может подскажет чего, — напирал участковый.

Перспектива осмотра и лечения меня судебным медицинским экспертом, к которому на прием по слухам только мёртвые попадают, меня совершенно не устраивала.

— Идите нахер, — сделал я попытку отмазаться от таких докторов. — Рано мне к эксперту этому. Лучше уж в поликлинику, — еле двигая разбитыми губами, прошептал я.

— Санёк! Братуха, живой! — обрадовался Саныч заключив мое вялое тело в теплые дружеские объятия.

От избытка чувств он даже покачивать меня начал. Как ребёнка.

Только зря он это сделал. Меня замутило. Да так. “Вертолеты” были те ещё.

— Да бл...., - попытался я рукой оттолкнуть друга.

Больше я ничего сказать не успел. Меня согнуло пополам. Блевал я долго. Желчью.

— Малой, гони ка ты, наверное, все-таки за дохтуром. Он в большом таком кирпичном доме квартируется. Там ещё в палисаднике три сосны растут. Скажешь, участковый срочно вызывает. Консультация нужна, — вздохнул местный Аниськин.

Чиж угукнул и стартанул в темноту летней ночи.

— Воды дайте, — простонал я, когда меня попустило. — И не трясите. Херово что-то. Траванулся, по ходу.

— Не траванулся, а скорее всего, сотряс у тебя, — ухмыльнулся Петрович. — Тебя Саныч в темноте за местного принял, ну и приложил малость. Понял, как на выручку к тебе летел? Зубы то все на месте?

— Так вот откуда привкус крови, — сплюнул я на землю. — Воды хоть дайте. Вкус — пиздец.

Вокруг меня что-то зашумело. А через минуту Санычу кто-то протянул, судя по звуку, полупустую пластиковую бутылку.

— Дохтор придет, посмотрит, а там и видно будет, — остановил Петрович фермерский порыв загладить вину и глотком воды облегчить мои страдания.

Уговоры не помогали. Участковый уперся и всё тут.

— Вот доктор глянет, а потом и попьет, и морду умоет, и в баньку сходит, и на сеновал к девкам отнесём. А до осмотра — ни-ни. Хер его знает, что там. Вдруг у него селезенка лопнула, — нагнетал Петрович. — Нахера мне на участке труп? Тем более, криминальный. Вот и пусть лежит, сопит и смиренно ждёт доктора.

— Так он же по трупам, вроде, спец, — попытался сострить я.

— Он про анатомию побольше твоего знает. А так, он весь криминал фиксирует. Так

что и живых на приеме у него хватает. Ты, это. Не каркай и не умничай! Лежи себе смирно, а то точно на стол загремишь, — прикрикнул Петрович.

Перспектива была та ещё. Пришлось смириться, созерцать звезды и вспоминать Светкины выпуклости и представлять, как врываюсь в её впуклости.

Порелаксировать вдоволь мне не дали. Эксперт судебной медицины явился подозрительно быстро. Вопреки стереотипам — это оказался довольно юркий старичок с бородкой, тронутой легкой сединой. И хотя его дернули из объятий Морфея глубокой ночью, завидев знакомые лица, он заулыбался.

— Доброй ночи, Петрович, — приветствовал он участкового. — Что у тебя тут? Свеженький катаврик нарисовался? Так это мы сейчас с превеликим удовольствием его и осмотрим, пока остыть не успел. Или ты меня на констатацию вызвал?

— Я пока ещё живой. Относительно, правда. Но всё же, — запротестовал я.

Мой протест доктора явно огорчил. Хорошо участковый быстро просветил старичка и тот, нагло потыкав в мою черепушку и живот пальцем, и проведя ещё пару специфических манипуляций, велел вызывать “скорую”.

— Я, конечно, сомневаюсь, без трепанации и рассечения оно не привычно диагностировать, но у него все симптомы СГМ и ЗЧМТ, плюс ушибы, — констатировал медик. — С внутренними органами тоже есть подозрения на повреждение и внутреннее кровотечение. Ситуацию прояснит только вскрытие. Но пациент ко мне на прием не хочет. Так что пусть его для начала коллеги со “скорой” попользуют.

Петрович согласно кивнул, вздохнул, матюгнулся и достал мобилу. Я же, пораженный мудреными терминами, продолжил созидать. Попытался конечно уточнить, чего это за диагнозы такие, но меня тупо проигнорили.

— Скорая? Забалуйко на связи. Машинку бы, в Любавино. Около ДК. И если можно поскорее. А то тут судмедэксперт уже в бой рвется, — доложил в трубку майор. — Что? Не, не констатация. Живой пока ещё, — вздохнул он, мельком взглянув на меня. — Ильич, так, рядом проходил. Ага. Он говорит, пациент шёл-шёл, споткнулся и кукушку знатно стряхнул. Ещё и печенью на пенек напоролся. Ага. Пострадавшему лет тридцать пять. В состоянии опьянения, не буйный. Так точно. Да если что, я сопровожу. Чего ты начинаешь то? Да не будет, как в прошлый раз, — начал психовать Петрович. — Всё. Всё, я сказал! Ждем бригаду с дискотекой.

Если честно, я нихрена из этого монолога не понял. Какой пенёк, какая кукушка и что было в прошлый раз и нахрена мне тут дискотека?

Но уточнять не хотелось. Не до того было. Мне пить хотелось, а воды мне не давали. Пришлось тупо лежать и делать, что велено: сопеть в две дырочки.

Хотелось насладиться деревенской тишиной, но сделать этого мне не дали. Деятельный участковый, пошущукавшись о чем-то с Ильичем, всем немногочисленным зрителям нашел по заданию.

Кто за теплой водой побежал, кто за чистой одеждой, кто за тряпкой, а кто-то за одеялом.

— Щас мы его обмоем в лёгкую. Акуратненько так. Создадим, так сказать, бригаде все условия для работы, — объяснял он доктору свои действия. — А то лежит весь облёванный, пыльный и бледный, как смерть.

— Аккуратно только. Не кантовать, на живот не давить, башку не крутить, — посоветовал судебно-медицинский эксперт.

— А воды попить можно? — вклинился я.

— Можно. Но глотать нельзя. Рот прополоскать и сплюнуть обязательно, — вздохнул Ильич и немного подумав, добавил. — Положено так и точка. Потом, может, спасибо скажешь. Да и ко мне потом если на приём пойдешь, работать сподручнее будет.

Гонцы вернулись оперативно. Правда в сопровождении жен и подруг. А потом началось приятное. Дородные сельчанки нежно меня умыли. Оттерли косуху и как бы между делом своими шаловливыми ручками нагло проинспектировали район лобка. Благо мужской пол уже потерял интерес к моему телу и оглашал округу тостами за мое здоровье.

Я уже совсем было обрадовался и даже, про подлую Светку забыл. Но приятный расслабон обломила “скорая”.

Врачеватели меня осмотрели, поцокали языками, выслушали Саныча и с полагающимися почестями и матами погрузили, если выразиться пафосно, в карету “Скорой помощи”.

Дальше помню смутно. Ширнули вроде бы чем то или я сам вырубился. Хер его знает.

Глава 14. Здравствуй, новая жизнь

Я завтра брошу пить,
Вот удивится свет
Прочту десяток книг
И натяну вельвет

Я выдавлю прыщи
И патлы постригу,
Тройной одеколон
Для рожи сберегу.
«Юрий Шевчук»

Именно так и никак иначе, подумал я, когда сознание соизволило вернуться ко мне.

Очнулся я в типичной больничной палате. Чего, собственно, и следовало ожидать. Тут всё было стандартно. Даже скорее шаблонно. Один в один, как в сотнях старых и новых фильмах, где герои попадают в больничку. Такое ощущение, что всё кино тут и снимали.

У изголовья стояла капельница, на мне и подо мной желтоватые и, пахнущие хозяйственным мылом, замызганные простыни. Колючее одеяло, про которое обычно говорят, вызвало теплые чувства. Ещё пыльное окно с раздолбанной форточкой было. А за окном — грязный тополь и воробьиное чириканье.

Правда, одно небольшое отступление от правил было — в палате я был один. Отчего и почему, разбираться не стал. Живой, и на том спасибо. Да и не до этого было.

Башка гудела, желудок крутило. Но бывало и хуже.

Шевелиться не хотелось, и я решил созерцать потолок. Повспоминать, если проще. Но вспоминать, как оказалось, нечего. Городские будни?

Да ну их к черту. Сельские каникулы? Так, по сути, за неделю нихрена интересного и не произошло. Только что бухал, как не в себя. Даже обидно стало.

— Ну нафиг. Так и это лето просрать можно, — зародилась в голове шальная мысль. — И дневник то я так и не начал

Поначалу я попытался отогнать от себя негатив, но гнетущие думки возвращались снова и снова. Самобичевание прервал хмурый доктор. Хирург, по-видимому. Вот этот был совершенно не киношный.

Зашёл этот дядька, посмотрел на меня. Пару вопросов задал, похмыкал. Угукнул на прощание и был таков. И никаких тебе, голубчик, как дела? Как себя чувствуете, как же это вас угораздило...

То ли с похмелья, то ли от лекарств, то ли кукушку так мне встряхнули, но как только за врачом закрылась дверь, я понял, что одиночество давит. Я даже сам с собой разговаривать попробовал.

— Сбор анамнеза завершён, — вздохнул я. — А ты чего хотел? Сексапильную блондинку в обтягивающем халатике?

И только я об этом подумал и снова горестно вздохнул, как дверь распахнулась и мысль материализовалась в дверном проеме. В смысле медсестричка вошла. Один в один, как в самых популярных роликах.

— Больной, вам доктор временно запретил двигаться. Поэтому расслабляемся и все свои делишки делаем вот в эту уточку, — состроив томное личико протянула гостя, демонстрируя металлическую емкость, знакомую всем посетителям хирургического и терапевтического отделений.

Я нервно сглотнул. Что-то было не так. Ну не вписывалась она в эту реальность.

Носительница халатика, не обращая на мое смущение никакого внимания, вилля задницей, подошла к моей постели и попросила приподняться.

Стрёмное это чувство, скажу я вам. Я, было, застеснялся и хотел запротестовать, но мочевого пузырь был другого мнения. Пришлось повиноваться.

— Больной, расслабьтесь, — хитро улыбаясь и продолжая сверлить меня томным взглядом, прошебетала медичка. — А то катетер придется ставить.

Ага, как же. Не было ещё в моей жизни такого, чтобы такие красотки утку под меня пихали и хрен мой не в себя направляли, а в холодное металлическое изделие. Но все бывает в первый раз.

Да и чтобы такие красавицы да в мой родимый пенис всякие инородные тела запихивали, как то совершенно не хотелось.

Вот если бы ей ввести... И не катетер...

Воображение уже начало рисовать интересные картины, а организм напомнил, что избавиться от лишнего нужно не только мочевого.

— Больной, да вы прямо на глазах выздоравливаете, — с придыханием произнесла гостя, облизнув губы.

— Он сам, — буркнул я, отгоняя от себя фривольные мысли.

Подышал глубоко, глаза закрыл, отгоняя от себя всякие непотребства и потихоньку-полегоньку, а облегчил мочевого.

— А ты у меня умничка, — вновь вогнала меня в ступор медичка, с нескрываемым интересом наблюдавшая за столь интимным процессом.

Проведя наманикюренным пальчиком по моим губам, она, поправляя одеяло, наклонилась так, что из-под халата показался краешек ее беленьких трусиков. Я нервно сглотнул. А эта проказница улыбнулась мне, подмигнула, выдернула из-под меня утку и была такова.

Не успел я врубиться, что за херня только что произошла, как дверь с шумом распахнулась, и на пороге появился Саныч.

— Какие медсестрички тут у тебя! — выдал дружан, подмигивая мне.

— А то! — радостно хмыкнул я.

Значит медичка была реальностью, а я то уж грешным делом подумал, что это был глюк, вызванный воздержанием, алкоголем и травмой. Стал бы на этом фоне к пенсионерке свои шары подкатывать.

— Бррр, — поежился я, представив, как писаная красавица, сидя верхом на мне, превращается в обрюзгшую бабку.

Саныч моих умозаключений и фантазий не знал, а потому кислую мину на моей морде воспринял на свой счет.

— Да ладно тебе, с кем не бывает. Братан, я ж к тебе на помощь спешил. Малой прилетел и кипись навёл. Санька, говорит, пиздят. Спасать надо. А я ж за тебя. Ну, ты знаешь, — оправдывался фермер.

— Да ну тебя, — вяло отмахнулся я. — Забыли, проехали.

— А вот это правильно, — подметил друг детства. — Я тут тебе апельсинчиков принес. Ты это, как доктор добро даст, витамины трескай. Коньяк не разрешили. Так что, на сухую точи.

Я кивнул. Говорить не было никакой охоты. Хотелось дремать и ни о чём не думать. И я просто отмахнулся от сердобольного друга.

Саныч даже надулся немного. Поставил пакет (сука опять шаблоны и стереотипы) на тумбочку, подмигнул мне, пожелал скорейшего выздоровления и был таков.

— Вот какой дурак это придумал, — пробурчал я, когда сельский олигарх скрылся за дверью. — Лежишь себе такой, вокруг болезнь и смертью пахнет. Раскаиваться начинаешь, об исправлении думаешь, обеты себе даешь, а тут приходит такой, пышущий здоровьем товарищ и давай толкать речи, как у него все охеренно и кайфово. А ты такой лежишь и... Как там в мемах? “Ну да, ну да. Пошел я нахер”.

Вот такие невеселые мысли лезли в большую голову. Обидно. Но делать было нечего. Пришлось смириться и снова тупо пялиться в потолок. Как я задремал, даже не заметил.

Разбудила меня медичка. Но другая. Совершенно другая. Это была уже классическая медсестра — полноватая дама слегка за пятьдесят.

Она была не так приветлива. С натянутой улыбкой вкатила мне укол, поменяла систему. Скептически осмотрев меня, хмыкнула и ретировалась, переваливаясь как утка.

Дремать расхотелось. Мобильника не было, пришлось опять развлекать себя мыслями. Хотелось бы позитивными, но сегодня меня, как назло, тянуло лишь на минор.

Началось с классического, а вот если бы, а вот было бы круто бы, превратившееся в классическое “И нахрена я тогда...”.

В общем, ничего нового. Банальное самобичевание, так любимое отечественными классиками, перемешанное с творениями современных авторов, у которых все противоположно. Герои сплошь и рядом и все боготворят того, про кого идет речь. Причем, если в классической литературе, герой был, как бы абстрактным и он ассоциировался у читателя с собственной личностью, то сейчас почти везде идет гордое “Я”. Получается, и автор бахвалится собой, и читатель, примеряет на себя личину навязываемого героя, и на некоторое время превращается в Великого творца судеб.

А потом книга сворачивается в трей и великий покоритель всех и вся, обладатель огромного гарема, шаркая по линолеуму, бредет в сторону кухни. А как не идти, если жена или мать есть позвала. И всё.

А если ещё начнут пенять, что сын мамкиной подруги — да, а ты писец, всю жизнь покалечил — вообще тушите свет. Вот такие вот чудеса.

Доморощенная философия утомила. И мысленно поставив жирную точку, я успокоился и опять задремал.

Во второй раз пробуждение было в сотни раз приятнее. Проснулся я от приятного поглаживания в районе паха. Я лежал, боясь пошевелиться, а в голове витала только одно: “Кто это? Сексапильная медсестричка или озабоченная пожилая медичка?”.

Неведение — стрёмное состояние. Открыть глаз и подсмотреть было можно. Но было кайфово. А вдруг, как это та бабка или кто ещё похуже и что тогда? А так, типа сплю, — успокаивал я себя, представляя молоденькую медичку.

Благо, что моя вторая голова уже забрала лишнюю кровь от мозга.

Думать расхотелось, и я на волнах блаженства поплыл к долгожданной разрядке.

Молодая шалунья, а хотелось полагать именно так, знала что делала. Пару раз даже

закралось подозрение, что, судя по опыту, — это та бабка. Член даже разок испугался от таких мыслей и попытался ретироваться. Но не тут то было. Умелые пальчики и теплые губки вновь вернули кровоток в нужное русло. А через минуту и вовсе заставили меня судорожно дернуться, а уже с опустошенными яйцами замереть в приятном неведении.

— Какой вы воздержанный, больной, — развеял все сомнения голос моей утренней гостыи.

Я облегченно вздохнул и, шурясь словно кот, обожравшийся сметаны, приоткрыл левый глаз.

— А вы знаете, что мужчинам вредно долгое воздержание, а у вас оно было на лицо, — назидательно произнесла шалунья.

— И на губах ещё следы разврата, — улыбнулся я.

Гостыя улыбнулась, достала пудреницу и, совершенно не обращая на меня внимания, принялась наводить красоту. Как будто такие побудки в этой больнице были в порядке вещей.

— Тебе понравилось? — бросила она в мою сторону, убирая свой марафетный девайс в карман миниатюрного халатика, плотно обтягивающего её ладную фигурку.

— Ещё как, — прохрипел я, не придумав ничего более умного.

— Будешь хорошо себя вести, вечером процедуру повторим, — подмигнула она и, бросив на постель мой мобильник, выпорхнула из палаты.

Вопреки стереотипу, после качественного миньета спать не хотелось. Мной наоборот овладела бодрость. Мир заиграл новыми красками. Но встать или сесть в кровати я не осмелился. Протянул руку, взял апельсин и принялся потчевать организм, измученный деревенским дистиллятом, витаминами.

Жевать, лежать и думать было в кайф. А о чём думается, когда от тебя пару минут назад упорхнула такая красотка? Естественно о сексе. Но и тут меня потянуло в какую то философию.

— Вот почему, самые яркие сексуальные образы у мужчин с больницей и медсёстрами ассоциируются? — зародилась в моей затуманенной голове мысль.

Получается, попал организм в непривычную среду — в больницу. Тут смерть — привычное явление. Какая-то чиновница так и заявила, больницы для того и существуют, чтобы люди тут умирали, — строил я логический ряд.

— Получается, мозг понимает, что запахло песцом. Тут в дело вступают инстинкты размножения. Потомство же нужно оставить. Это и породило самую желанную мужскую фантазию. Вот и стремится он передать свою генетическую информацию абы кому. А тут ещё и обстановка специфическая. Да еще и такие образы перед глазами. Вот мужская фантазия, подкреплённая инстинктом, и провоцирует на всякое, — сделал я умозаключение.

Всякие профессора со своими исследованиями, конечно, разобьют мою теорию в пух и прах. А и пофиг. Я себя умным почувствовал. Прямо вдохновило даже и возвысило меня в моих же глазах.

Когда пожилая медичка обед или уже ужин принесла, я даже приосанился. Мол, не рядовой забулдыга тут лежит. Но она внимания на меня не обратила. Поставила на тумбочку тарелку с чем-то жидким, рядом пару кусочков хлеба положила и была такова.

— Тебе с постели вставать пока нельзя, а вот сидеть можно. Сам поешь. Через пятнадцать минут вернусь, систему поменяю, посуду заберу и утку принесу. А то ещё обгадишься, мой потом тебя, — пожелала она мне приятного аппетита и закрыла дверь.

Есть расхотелось. Но надо. Через силу влил в себя больничные калории и опять задремал.

Когда за окном начало темнеть я уже привык к больнице и её порядкам. Вставать мне не разрешали, свои дела делал в посудину, предварительно вопя на всю ивановскую: “Сестра, утку! С яблоками!”.

Сам регулировал капельницу на системе и даже пузыри менять научился. А чего ещё тут делать. Лежи себе и наблюдай, как в твой организм кап-кап, кап-кап. Потом медсестра с уткой и новыми пузырями. И всё сначала.

Так и день прошел, а ко мне так никого и не подселили. С одной стороны это радовало, а с другой — напрягало. Скучно же в одну каску лежать.

Про обещанный визит сексуальной медсестрички к вечеру я и подзабыл. Привык за долгие годы к редкому сексу. А тут аж два раза на дню наклёвывалось. Не верил мозг в такое. Вот и забил он на это дело, чтобы не обманываться пустыми надеждами.

— Как ваше самочувствие, больной, — выдернул меня из полудрёмы томный голос медицинской развратницы.

— Да как? Лежу вот. Отсыпаюсь, — потянувшись, рапортовал я.

— Скучать — плохо. Вам, больной, положительные эмоции для скорейшего выздоровления нужны, — облизнув пухлые губки прощбетала она и, расстегнув халатик вывалила на мое обозрение такую грудь!

Блин, я такие налитые и идеальные по форме дойки, украшенные миниатюрными и совершенными сосками, и в интернете то не часто видел. А тут в метре от носа.

— Ага, габитус улучшился. Рефлексы восстанавливаются, — подмигнула она, откинув с меня простынь.

— Стараемся, — прохрипел я и, предвкушая повторение утренней процедуры, закрыл глаза.

Ожидания оправдались. Искусительница то доводила меня до исступления, а когда я уже готов был разрядиться, умелыми манипуляциями возвращала меня на землю и всё начиналось по новой. Яйца звенели, требуя разрядки, головка (которая между ног) готова была разорваться от давления.

Но красавица имела какие-то свои планы. А когда она сжалилась надо мной, мне показалось, что прошла вечность, а член произвел на свет не менее литра спермы. У меня аж дыхание сперло, а в глазах натурально потемнело.

— Так вот что значит, качаться на волнах любви, — выдал я, отдышавшись и немного придя в себя. — Вас этому в меде что ли учат? Курсы специальные ввели? — нёс я ахиною.

— Ага. Типа того, — согласилась искусительница и, подмигнув мне, повиливая задом, опять упорхнула.

Ни тебе поговорить, ни на звезды посмотреть.

— Бля, да что это всё-таки было? Неужели в наших больницах в список обязательных процедур ввели половую разрядку? Если так, то за здоровьем следить нужно и почаще на обследования ложиться, — подбодрил я себя.

Курить, особенно после такого приятного времяпрепровождения, хотелось невероятно. Но вставать пока что было нельзя, не в палате же курить. Вздохнул, хлебнул минералки и со счастливой улыбкой провалился в царство Морфея.

Следующие пять дней ничем особенным не запомнились. Кроме того, что на второй день мне разрешили ходить. Если я не под капельницей был. Что капали — не

интересовался. Главное — самочувствие улучшалось с каждым часом. Да и кормить в разы сытнее стали.

Молоденькая медичка теперь появлялась только по вечерам. Строго в определенное время. Мне порой казалось, что её действия носят какой-то ритуальный характер.

Появится в дверях ровно в двадцать один ноль пять, вывалит грудь, подивится моему габитусу (кстати, на вопрос, что это такое, она только хмыкала и затыкала мой рот своей нежной и пахнущей женственностью ладошкой), омоет кайфующий от такого внимания орган и давай его наяривать. Ровно через час, как я ни старался, а раньше кончить мне не давали, дверь снова хлопает, и я в полном одиночестве размышляю о превратностях судьбы.

Кто она, зачем она это делает? Ответа не находилось. Успокоил себя единственной, казавшейся здоровой, мыслью. Моя молодая медичка — извращенка. Нимфоманка, повернутая на миньете и массаже половых членах. Или в интернете начиталась, что сперма, принятая внутрь, молодость продлевает, вот и решила проверить на себе.

Не, ну а чё? Ничего более логичного мне на ум не приходило.

Пару раз на утреннем осмотре попытался у врача узнать, чего это за медсестра такая расторопная у него работает. Где взял и как зовут? Но хирург хмыкал, бурчал про то, что где взял, там больше нету, а звать её не нужно. И всё.

Подозрительный интерес к моей совратительнице был у Саныча. Фермер заглядывал ко мне в гости каждый день. И непременно, сволочь такая, приносил по три килограмма апельсинов. У меня от них уже изжога началась, а он ничего слушать не хотел. Витамины, мол, и не знаю нихера.

Приходилось есть под пристальным надзором друга и отмахиваться от его назойливости: “Что за молодуха тут по больнице гуляет, часто ли ко мне заглядывает и как она вообще?”.

На последнем вопросе Саныч традиционно подмигивал мне глазом и делал недвусмысленные жесты. Но я был неумолим. Чай не звездюк, который силуэт тити увидел и в красках всем друзьям-товарищам заливаает, как он ее облабызал и почти натянул обладательницу бюста, но у той менструак так некстати начался.

Вот так вот. Вырос я из этого уже.

Одним словом, круто я в больничке время провёл. Харю даже слегка на дармовых харчах и апельсинах ожодрал. Обдумал много чего. Выводы всякие для себя сделал. Планы построил. Продумал всё конкретно и детально.

И когда на седьмой день в палату заявился врач и заявил, мол подшаманили мы тебя, звони другу, собирай манатки и вали на все четыре стороны, даже тоскливо как-то стало.

Только я собрался сегодня вечером во время традиционного визита сексапильной медички перехватить инициативу и внедрить в нее своего агента XXXL. А тут такой облом.

Настроение упало на ноль. Саныч, когда меня забирал, даже заперезживал и к главврачу рваться начал.

— Чё за херь-то? — докапывался до меня фермер. — Все из больницы выходят с довольной лыбой, а ты, с таким выражением морды лица выписываешься, как будто тебя на тот свет отправляют, а не домой.

Отмахнулся я и уже сидя в джипе буркнул: “Дома расскажу”.

Глава 15. Внесистемный хиппо-панк

В этом мире
Столько всякого
Легко себя потерять!
Только-только
Подсохнет слякоть
Как всё вернётся опять.

"Константин Ступин."

Подумалось мне, когда мы добрались до фермерского логова. Не сорваться бы...

Дома, а точнее в гараже у моего друга, была накрыта богатая поляна. Один в один как в кошерном ресторане. Если по фильмам судить.

Во главе стола стоял пузырь коньяка, рядом — нарезанные лимончики, пара банок с черной и красной икрой по соседству. Рядом с благородным алкоголем красовалась наша родная водка и банка с селедкой.

Были и фрукты всякие, три пакета с соком. Пустующие места заполнили тарелки с невиданными мною забугорными деликатесами. Одним словом, выбирай — не хочу.

К великому изумлению Саныча я выбрал сок. Никакие его увещевания, что меня подлатали так, что организм лет на пятнадцать помолодел, мнения моего не изменили.

А на все наезды, типа, какой же я колхозный панк, если от возлияний отказываюсь, лишь улыбался.

— Ну нахер. Свежо ещё предание с прошлой пьянки, — отмахнулся я от возмущенного товарища. — Хочешь, бухай. Визуальную компания я тебе составлю. Ты отдохнешь, а я, наконец-то, язык почешу. Охренел я в этой больничке от недостатка общения. А по поводу панка, отвечу так. Панки они же против системы. А если система — бухать, значит против бухла. Вот так вот. Лично мое мнение и моя интерпретация основ столь любимой мною субкультуры.

— Тебе чего там кололи то, что ты с синьки, по ходу, на вещества перекинулся? — хмыкнул Саныч. — А то начал, я за ЗОЖ, я за ЗОЖ.

— Чист, как младенец, — буркнул я. — И про ЗОЖ я не говорил. И с веществами не общаюсь. Я с недавнего времени закон блюду. А в этих широтах он запрещает эксперименты с химическим одурманиванием разума. А по поводу мыслей... Я ж тебе говорил, общения в больничке мне не хватало. Скучно было, вот и думал за всякое.

— Значит, только разговоров и не хватало? — заговорщицки подмигнул мне Саныч и совершенно без стеснения, бахнул стопку коньяка в одну каску.

Я хмыкнул и задумался. Давать разъяснения на озвученный вопрос, как выражаются в известных кругах, я не спешил. Фермер устал ждать, и мы слегка закусили, покурили и повторили. Местный олигарх опять потребил коньяк, я — томатный сок.

Хер его знает почему, но меня дико на томаты потянуло. Ну да организму виднее, что ему хочется. Я же, по факту, тупо пошел у него на поводу.

После третьей, захмелевший Саныч, так и не дождавшись от меня ни "А", ни "Бэ" начал оправдываться за свои тяжелые кулаки и неразбериху, в которой он совершенно случайно задел мою черепушку.

Обычный треп хмельного чувака, чувствующего за собой косяк.

Самое интересное наступило после восьмого тоста, всё также провозглашенного в мою честь. Выслушав все извинения и заверив друга, что зла на него не держу, я плавно вернул разговор к началу беседы.

— Саныч, а ты же с главврачом на короткой ноге? — тактично поинтересовался я, лениво смакуя дольку лимона, щедро посыпанную сахаром.

После излечения я сам охреневал от своих гастрономических пристрастий. Лимон, да без коньяка — это же извращение чистой воды. Пару недель назад это было моим жизненным кредо. А сейчас...

Соленые огурцы с шоколадом для меня самым кайфовым лакомством казались. Видно, знатно мне лампочку подрихтовали. Ну не залетел же!

— А ты с какой целью интересуешься? — ухмыльнулся дружан.

— Да так. Медичка там одна работает. Прямо мастер своего дела. Выписали так быстро, что спасибо сказать не успел. Теперь неудобно, — схитрил я.

— Медичка, говоришь? — подмигнул мне фермер. — Это случайно не та сексапильная бляндиночка, с которой я в дверях в первый день столкнулся? И про которую, кстати, я тебя весь твой больничный срок пытал, а ты в партизана играл, — активно треская сочную ветчину, уточнил Саныч.

— Она самая, — открылся я.

— А хочешь, я прямо сейчас тебе свидание с ней организую? — изобразив недвусмысленный жест, уточнил дружан.

Я слегка подзавис. А потом все встало на свои места и срослось.

— Так вот откуда ноги растут? — протянул я расстроенным голосом.

Фермер в мою перемену настроения не врубился. Совершенно.

— А чего не так то?

— Да все не так. Я-то голову ломал, напридумывал себе всякого, а тут вон оно как! — разозлился я.

Саныча мой ответ явно не удовлетворил. Не въехал он в тему.

— Короче, прикинул, и получилось у меня, что запала она на меня немощного да болезного, — попытался донести я истину. — Я ж поверил, что она с чистой совестью и по зову сердца каждый вечер ко мне ходит, — разоткровенничался я. — А оно вон значит как. И почему нынче любовь продажная?

Моя реакция Саныча удивила. Он явно ожидал, что я начну благодарить его, восхвалять его идею. Фермер даже позу подходящую принял. А тут такое.

— Это был большой облом, — процитировал я современно музыкального классика, оценив состояние товарища.

— Писец. Причем, полный, — буркнул Саныч.

— Да не парься ты, — подмигнул я другу. — За заботу спасибо, но предупреждать же нужно. Я ж себя мачо вообразил. Покорителем молодых сердец. У меня от таких убеждений, аж габитус увеличился. Эт мне так твоя медичка сказала, — с серьезными щами заявил я.

Саныч мою тираду еле дослушал. Вначале, казалось, он совсем не вдуляет, о чем я. Но после слова “Габитус” он затрясся в приступе беззвучного смеха. А потом и вовсе сложился в кресле пополам, уперевшись лбом в кулак с зажатой сигаретой.

— Как говоришь? Габитус у тебя подрос? — переспросил он, еле сдерживаясь. — Медичка сказала? Ой, бля. Не могу. Молчи а. Дай в себя прийти, — выдавил он, вытирая

слезы.

Ненадолго его хватило. Вытер дружан глаза, посмотрел на меня и опять, трясаясь от приступа смеха, рухнул на стол.

Совсем обидно мне стало. Но виду я не подавал. Состроил морду кирпичом и курил, пуская кольца в потолок.

— Слушай сюды, животное, — выдохнул Саныч, когда очередной приступ отступил. — В животноводстве есть такое определение — габитус. Если по-простому, это общий внешний вид, упитанность животного, вкупе с её настроением и прочим. В общем, если скотина не жрёт ни хрена, на ногах еле стоит и у нее на морде написано “Лучше пустите меня на колбасу” — эт херовый габитус. Один мой знакомый зоотехник так говорит. А вот если скотину правильно лечить начинаешь, габитус повышается. То бишь, животное и жрать начинает, и поиграться не прочь, и к размножению начинает интерес проявлять.

Саныч перевёл дух, опрокинул в себя ещё стопарик и продолжил.

— Второе. По вечерам к тебе в гости заглядывала не медичка, а зоотехничка. Практикантка с четвертого курса. Она у Фёдорыча, есть у нас тут неподалеку животновод такой, практику производственную проходит. Так эта мандель подумала, что ей все за красивые глаза поставят. А хер там. Фёдорыч не такой. Он ей в начале практики сказал: “Зоотехник в отпуске. Будешь его работу делать. Вон бычатник, там конюшня. Хозяйство у меня племенное. Дуй семенной материал с производителей собирать. Манекенов у меня нет, так что ручками поработаешь и моих производителей за писюны подёргаешь, чтобы они в специальный сосуд накончали. Да ты и так должна знать. В институте учишься, да и сама не маленькая уже.

Я сидел с открытым ртом, не въезжая, то ли на мне тренировались, перед тем, как к быкам и коням идти, или...

— Так эта манда ни хрена не сделала, — прервал мои размышления фермер. — Может забила, а может не смогла. А утром за материалом покупатель приехал. В криокамерах, соответственно, вместо спермы лучших производителей района — воздух. Причем, не свежий.

— Короче, люлей зоотехничка эта знатных огребла. Я в кабинет к коллеге заглядываю, а она Фёдоровичу орет, я лучше у престарелого директора и зоотехника семенной материал целую неделю по три раза на дню забирать буду путем оральной стимуляции, чем быкам пиписьки массировать. Фёдорыч от злости аж покраснел. У него здоровья на такие подвиги не хватит, а мне предложение интересным показалось. Ну, поговорил я с коллегой, и пошла студентка в больничку, свою вину засасывать. Как то так, — подмигнул мне Саныч.

— Я нахрена у тебя про неё спрашивал то? Завтра у этой специалистки практика заканчивается. Фёдорыч мне весь мозг вынес, справилась она с заданием или нет? — расставил Саныч все точки над і.

Друга я слушал с открытым ртом. Оказалось, вон оно как. А я-то на свидание хотел ее пригласить.

— Ааа, — махнул я рукой. — Предупредить не мог? Я ж почти жениться надумал.

— Пряма так душевно сосет что ли? — опешил фермер. — Предлагаешь её ещё на отработке задержать?

Причём спросил он это с таким выражением лица, как будто это для него было в порядке вещей. С таким лицом, обычно, вещь обсуждают, а не судьбы людей. Лично мне, противно даже стало. А Саныч даже ухом не повел. Сидел, смаковал коньяк и ждал ответа.

— Тебе и не снилось, — решил подлить масла в огонь.

Обидно мне стало. Куда катится этот мир? Так нажраться захотелось. Еле сдержался. И была то мне эта девушка никем. Даже имени ее не знаю. А вот зло меня взяло.

— А если так, то чего грустный? — удивился Саныч. — Один звонок и через двадцать минут она тут. Гараж в твоём полном распоряжении, — хмыкнул дружан.

— Иди ты в баню, — сплюнул я. — Вечно у вас богатых все продается и покупается. Привыкли к власти. За людей только свой круг считаете. А остальные — так... Товар, — разозлился я.

— Санек, ты чего? — опешил фермер. — Да я же...

Слушать я его не стал. Спокойно встал, прихватил со стола яблоко и вразвалочку направился в сторону выхода. На пороге остановился, вдохнул полной грудью свежий ночной воздух, наполненный ароматами цветущего луга, и закурил очередную сигарету.

— Счастливо оставаться, — бросил я через плечо и, не оборачиваясь, шагнул в темноту летней ночи.

Вот правда говорят, спину взгляд буравит. Я это на себе почувствовал. Неприятное ощущение. Пока я за калиткой не скрылся, оно меня не покидало. Так и подмывало обернуться и посмотреть в глаза другу. Спросить.

А что собственно я у него спрошу? — начал вслух рассуждать я, шагая по ночной улице родного села. — Привык он руководить, а в такой должности, да чтобы не прогореть, по-другому никак. Профессиональная деформация. Обычный предпринимательский цинизм.

Размышления прервал звонок мобильного.

— И куда это мы такие обидчивые на ночь глядя свинтили? — с издевкой поинтересовалась трубка. — Как баба. Ей богу. Из-за какой-то бляди другу детства, считай что в морду плюнул и в утреннюю кашу насрал!

— Истерить завязывай, — прервал я тираду Саныча. — Я тебе отчитываться что ли должен? Отлить на свежем воздухе захотелось мне. Фермой, вон, рули и Чижва воспитывай, — огрызнулся я.

— Ты базар то фильтруй, — взревела трубка.

— Обязательно, — хмыкнул я и сбросил вызов.

Медленно вдохнув и выдохнув, все как учили на обязательных тренингах, я успокоился. Сделал так еще пару раз, и тут картинка в моей голове сложилась.

В поведении и реакции Саныча не было ничего сверхъестественного. Даже наоборот, все логично и предсказуемо. Со времен мамонтов так пошло.

Все, кто в твоей стае — сородичи и настоящие человеки. А вот кто не вхож в твой круг — мутные типы и относиться к ним, как к равным не стоит. А значит, их можно и нужно использовать. Эволюция так задумала. Так было и так есть.

Аналогичная ситуация была и тут. Фермер уважал и считался с мнением только тех, с кем общался. С теми, кто имел власть или вес в обществе. И все это, включая пользование в своих интересах всех и вся, казалось ему логичным. И подослать смазливую девчонку товарищу для него было в порядке вещей. Вот он искренне и не понимал, с какого лешего я так вскипел.

Окрыленный мыслью, что вон какой я молодец, разгадал тайну природы, я развернулся и в приподнятом настроении зашагал обратно. В этой теории не сходилось только одно, нахрена Саныч вместе со мной попёрся бухать с деревенскими мужиками. Они то, как ни крути, а не из его стаи.

В гараже меня ждала картина маслом. Синий Саныч, подперев щеку рукой, разглядывал потолок и тупо игнорил происходящее вокруг. А игнорить было что. Точнее, кого.

На диванчике, забившись в угол, ютилась моя медичка. И когда успела, гулял-то минут пятнадцать максимум.

Гостья была в скромном таком наряде: топик, обтягивающий соблазнительную девичью грудь, не стеснённую никаким нижним бельем, и юбка из под которой выглядывали белые трусики.

— Салют, красавица, — поприветствовал я гостью. — Какими судьбами?

— У дяденьки спроси, — кивнула она на Саныча.

— Да ладно тебе. Нашла дяденьку, — забухтел Саныч. — Зови меня просто: хозяин. Ну, или господин. Не люблю формальности, — оживился он, потирая потные ручонки.

Гостья покорно кивнула. И всё. На этом разговор зашел в тупик. Девчонка молчала, Саныч облизывался и скалился. А я с кислой миной на лице прикидывал дальнейший план действий.

От вида медички у меня сработал выработанный за неделю рефлекс. У собак Павлова на лампочку слюна текла, а у меня при виде зоотехнички встал. Недели вполне на выработку рефлекса хватило.

Хотя, если подумать, на такую красоту любой мужчина бы полюбовался.

Прикинув хер к носу, естественно в фигуральном смысле, я решил, что девчонка появилась тут неспроста.

Я ухмыльнулся. А вот хер тебе, — пронеслось в голове.

— Саныч, иди ка ты нахер, старый хрен! — уверенным голосом произнес я, нагло плюхнувшись на диван. — Давай, наливай по писярику. А то, как дети малые. На сухую злоба не вымывается.

Фермер вначале состроил такую морду, что мне на секунду показалось, что он меня сейчас порешит. А потом заулыбался и от души плеснул в два стакана.

— Помнишь, кобелина. А я уже и подзабыл, как мы с тобой в юности на мировую шли, — расплылся в довольной лыбе дружан. — А как же твои убеждения? Путь против системы? — с издевкой произнес он, кивнув на стакан.

— Убеждения вот тут, — заверил я, слегка постучав по голове. — А друг. Точнее, лучший друг, с которым плечом к плечу прошли через такое дерьмо, что вспоминать не хочется, он вот, — похлопал я Саныча по плечу.

То ли не ожидал такого фермер, то ли расслабился. Или, что скорее всего, с синькой перебрал, а моя психологическая уловка возымела успех. Дружан полез ко мне обниматься.

— Санёк, бля. Ну ты и мудака. Я думал, все, пропал товарищ. Забил голову херней всякой, про друзей-товарищей забыл. Нос воротит. С молодежью тусует, а со мной запахло что ли, — изливал он мне свою фермерскую душу. — Я ж тебя, да я за тебя любого, — уверял он от переизбытка чувств, не договаривая фразы. Но тут и так было все понятно. — Держи мировую и забудем про обиды, — завершил Саныч свой монолог.

Я вздохнул, улыбнулся, и мы бахнули. А потом обнялись и ... Меня на секунду дежавю аж накрыло. Вспомнил, как давным-давно, разосрался я с Санычем. Даже морды друг другу подрихтовали немного. Неделю не разговаривали. А потом бабка моя нас свела на нейтральной территории и по жопе обоим прутиком то и огуляла.

— Дебилы, — сказала она тогда. — Вам вместе держаться нужно, а они носы друг от друга воротят. Ну по пьяни набили морды друг другу. С кем не бывает. Проспались. Кто

поумней, взял бы бутылочку и пришел с повинной к другу. А они вишь чего. Гордые. А потом локти кусать будете.

— Эй, а вы чего, того что ли? — вернул меня в реальность удивленный девичий голосок. — Я может тогда пойду?

Вот вечно эти городские понаедут и загадят все.

— Я те пойду, — закричал фермер. — Садись к столу. Будем практику твою закрывать.

— А жизнь то налаживается, — обрадовался я, держа в руке ключ к веселью.

Коньяк подействовал моментально. Всякую философию из башки на раз вымыло. Зато тяга к жизни и активным действиям появилась.

— Тебя как зовут то, — поинтересовался я ради приличия и поддержания разговора, обращаясь к желанной гостье.

— Я ему полторы недели головку пиязью язычком каждый вечер полировала значит, а он только сейчас познакомиться решил, — съязвила та.

— Ну, дык. Как то не до этого было. Да и ты все вопросы игнорила. Я ж к тебе исключительно с чистыми намерениями, а кто-то из нас двоих ротик хером затыкал и в молчанку играл, — отмазался я. — И хер был не у меня во рту.

— Да ты и не очень-то и настаивал, — парировала девица. — Натаха я. Давай за знакомство.

Саныч, наблюдавший за нашей беседой с нескрываемым интересом, одобрительно хмыкнул и мы чокнулись.

Разговор опять как-то завис. Осадила меня Натаха, так осадила. А хотелось отведать её дико. Моему бухому дружану эти условности, типа имени, фамилии, рода занятий, увлечений и прочей мутотени были до звезды. Он всем своим видом выражал, что совершенно не против, если прямо сейчас она нырнет под стол. Но к моему удивлению он активностей не проявлял. Сидел и с интересом наблюдал за нами.

А меня так и подмывало разговоры поговорить, да в нужное русло девчонку склонить. Как бы не за деньги, а полюбовно. Мысли, что Саныч ей забашлял или пригрозил строгими санкциями за отказ вступить в совокупление, я от себя гнал.

Хотя один интересный вопрос в моей голове зародился.

— А вот что ты чувствовала, когда меня.... Ээээ. Когда. Ну ты поняла, короче, — выдавил я из себя.

Фермер и деваха такого явно не ожидали.

— А ты с какой целью интересуешься? — удивилась зоотехничка.

— Может тебе еще раз в жбан дать, чтобы мысли в нужное русло вернулись? Девки не дают, на мальчиков перейти решил? — чуть отодвинувшись от меня, презрительным тоном уточнил Саныч.

— Дебилы, — резюмировал я. — Я про чувства говорю. Ну вот лично я не представляю, как это. Вот захожу я в комнату. А там такая... Ну не ахти какая девушка возлегает на шелковых простынях. Я ж так сразу-то не смогу. Наверное, — уточнил я.

— Почему? — почти в унисон спросили собутыльники.

— Вроде не импотент. В больничке все работало исправно, — хихикнула Натаха.

— Ну как... Ну не смогу и все. Я ж херню какую-нибудь отмочу и не до ебли уже будет. Да и как-то... Не доставит, лично мне, такой животный трах удовольствия. Для кого-то может такое и в кайф, но точно не для меня. Вот когда уламываешь-уламываешь, а потом так раз и как бы все само завертелось и срослось. Это да. Такое надолго запомнится. А что бы

так, сразу и даже без “Здрасти”. Я ж не бык осеменитель.

— Да ладно, — не поверила Натаха. — Пойдем, проверим.

“От это поворот” — сразу же всплыла в голове популярная фраза.

Ситуация вырисовывалась патовая. Как говорится, и хотелось и колосось. С одной стороны я девчонку к близости расположил. А с другой... Она сейчас чисто из спортивного интереса предлагала. А мозг, засранный всякими условностями такая штука. Щас вот бац и амба. На полшестого упадет от переизбытка счастья и писец коту Ваське. Опозорился в глазах такой красавицы. Потом это в комплекс перерастет и останется прямая дорога на пенсию от дел постельных.

От такой перспективы я аж рефлекторно дернулся.

— Санёк, ты чего завис то? Я тут, честное слово, ни при чем. Она сама, — подбодрил Саныч. — Поколение пепси, блин. Для них хорошего человека ублажить, что стакан воды прилюдно принять.

Натаха хмыкнула, но от комментариев воздержалась.

— Саныч, на минутку выйдем, — решился я. — Проблема тут одна есть.

— Да не очкуй, есть у меня гандон. Знала куда иду, — усмехнулась зоотехничка.

После этой фразы Саныч меня чуть ли не пинками начал гнать в сторону выхода. Приговаривая, что город совсем нормального пацана попортил. Забил, грит, себе башку херней всякой в виде условностей и ритуалов и теперь создает себе проблемы на ровном месте.

— Да отстань ты, — разозлился я и слегка оттолкнул Саныча. — Выпить дай.

Глава 16. Горячая ночка

Тут мы друг друга поняли без слов!
Ведь у нас очень чистая любовь.
Нафига слова нам мы и так поймем
То о чем думаем ночью мы вдвоем
«Сектор Газа».

Именно эти строчки, всплывшие в моей голове, как только мы покинули гостеприимный гараж Саныча. И они практически один в один описывали то, что случилось потом.

Как только нас поглотила темнота, она остановилась, бесцеремонно схватила меня за руку и натурально бросилась в мои объятия. Сама.

Наши губы слились в пошлом пьяном поцелуе, а её рука уже по хозяйски шарила в районе моей ширинки. А в моей голове всплыла ещё одна старенькая песенка Хоя. «Без вина» называется.

Как там было то?
«И на примере личном понял я,
Когда бродил с подругою своею:
Она хотела обнимать меня,
А я такой застенчивый был с нею».

Меня то только-только начало накрывать, а вот Натаха сюда уже смелая пришла. Голова пока что соображала, и потому не готов я был к совокуплению под ближайшим забором.

— Да погоди ты, — выдохнул я, слегка отстранив девушку. — Есть тут местечко одно удобное. Буквально в паре шагов, — интриговал я.

И я, и как мне казалось, Натаха тоже, уже совершенно забыли о том, что так-то, обязательным условием был секс без прелюдий. Такой грубый, животный. Чисто на инстинктах.

Забыли и забыли на всё это. Если бы это было мультфильмом, то у меня над головой сейчас бы во всю бы сияла лампочка, а рот готов был порваться в довольной улыбке.

Ведь если всё выгорит, то можно будет сказать, что судьба сыграла со мной чертовски приятную шутку. И в этот раз даже ни разу не злую. Скорее знаковую.

Всё складывалось практически так же, как это было ровно двадцать лет назад. Тогда я совершенно закомплексованный пятнадцатилетний подросток, решивший, во что бы то ни стало именно в этот июньский вечер круто изменить свою жизнь, пришёл к другу. Надо же было совета у старшего товарища спросить.

Карта легла удачно. Когда я ввалился в сарай будущего фермера, он в одну каску пытался собрать мотор тогда ещё своей “Чезетки”, раскиданный по углам и поначалу ни в какую не хотел вписываться в процесс моего взросления. Даже содействие оказывать отказывался. Бурчал, работы непочатый край, надоело, а самому слабо. Но...

Закрутилось, завертелось. Дружан в итоге проникся и заявил, что хрен со мной и как только мотик подшаманим, то сразу же ломанём на поиски той самой, которая согласится стать моей первой секс-наставницей.

Движок мы собирали уже под бодрые песни в клубах сизого сигаретного дыма. Естественно слегка подшофе.

— Кто ж трезвым то мотоцикл чинит, — справедливо думалось нам тогда, когда мы реквизировали самогон из погреба моей бабки.

А в один из выходов на свежий воздух для облегчения души и мочевого пузыря, мы наткнулись на парочку городских девчонок. Они уже с неделю, как гостили у своих бабков-дедков.

Точно не помню, чего и как было и почему они не влились в наш большой пролетарский коллектив. Может прикид или юмор наш им не по нраву пришелся. Хер этих мокрощелок городских поймешь. Кем они себя мнили и чего хотели?

Короче, гуляли они вдвоем по вечерам, горделиво задрав носы, и всем своим видом выражая, что местные даже их взгляда не достойны.

Ну а мы чего. Местная женихастая элита, в лице меня и Саныча, а потом и остальные пацаны, плюнули на них, естественно в фигуральном смысле, и забыли.

Деревенская тусовка она такая. Каждый вечер оригинальная развлекуха и впечатления на всю жизнь.

Но не суть.

Хотя, ещё как суть...

Стояли мы с корешем и орошали кусты. А тут эти мандели из-за угла вырулили. Выразили свое “фи” и уже было развернулись восвояси. Но херас два. Точно не помню, кто и что сказал, но через пять минут мы уже квартетом обмывали починку санычевского дришпака, а попутно и знакомство.

Эх, классно тогда посидели. А потом и полежали. Кореш в своем сарае, а меня с подругой вежливо попросили покинуть помещение, дабы мы своими кислыми рожами не портили досуг молодежи. Ну, мы и прогулялись. До ближайших кустов.

Кажется, Таней её звали. Вот ведь память штука какая. Имя своей первой пассии не помню, а вот кусты, в которых я стал мужчиной или если более пафосно выражаться, то прошёл процесс инициации, найду в любом состоянии.

Эти заросли для меня года три носили, чуть ли не сакральный смысл. Или как там по-умному?

Правда тогда, пока я лежал в густой траве и довольный собой вдыхал терпкие ароматы, новоиспеченная подруга буркнула, что она вообще-то на Саныча глаз положила. И если сегодня не получилось, то завтра она полюбому его охмурит. Но на это мне было пофиг. Я эту подростковую лабуду мимо ушей пропустил. Даже мой юношеский максимализм от этого не пострадал. Голова совершенно другим занята была.

Вот и сейчас кривая судьбы подталкивала меня к тому самому кустарнику.

Только я ловким движением скинул с себя косуху, как бац, и Натаха её вырвала из моих рук, небрежно бросила и вальяжно развалилась на ней, хищно оскалившись в пошлой улыбке.

Я это дело в свете луны разглядел. Ну, или может быть фантазия так разыгралась...

Короче, как и было обещано, по приземлению на импровизированное брачное ложе от прелюдий она отказалась напрочь. Просто приподняла юбку, сняла трусы и раздвинула ноги.

— Сношать подано. Проходите, просим, — сиплым от вожделения голосом выдавила она из себя.

Вот ведь лярва то. Сама же только что, а тут вот так, значит.

Я нервно сглотнул. Сколько живу на белом свете, а такое было в первый раз. Не, что-то наподобие случалось, но там, в порыве страсти сплетались губы и руки, а потом уже

состыковка проходила. А тут...

У меня даже мысли кончились.

Отголосок первобытной похоти, к которой я взывал, в моем организме запустила луна, снова выглянувшая из-за небольшой тучки.

Она мне такие виды подсветила. Да так...

— Хыыыы, — блеснул я зубами, стягивая с себя потрепанные джинсы.

От созерцания той картины, что обрисовало ночное светило, все мысли и переживания ушли на второй план. Мой хер, охеревший от счастья, что вместо надоевших миньетов он, наконец-то, погрузится в теплую и нежную девичью плоть, воодушевился и рвался в бой.

— Ух, ёпт, — выдохнула Натаха, когда я познакомил её киску со своим наглым котярой.

— Ёбт, — через секунду ошалел я, когда нервные окончания с моей малой головки передали импульс в центр управления телом о высшей степени возбужденности партнерши.

Про гандон и я, и Натаха забыли напрочь. Да и какой тут гандон. Зоотехничка текла, как сучка. Её вагина, как бы это покультурнее выразиться, натурально горела огнём.

А громкое и смачное чавканье после первых фрикций, то бишь, тычков туды-сюды, был тому прямым доказательством.

Не ожидал я такого. И другого тоже.

А случилось так, что тык-тык и мир резко сузился до микроскопических размеров, а потом моментально вернулся в исходное состояние. Я еле-еле успел выскочить из коллеги по совокуплению и окропил своим семенем нежную травку, щекотавшую и яйца, и головку. Благо на колючку не наткнулся.

— И что это было? — заворчала Натаха, когда я, пытаясь прийти в себя от давно забытых ощущений, развалился рядом и охеревал от сладкого стрекота сверчка возле уха.

— Это было охеренно, — соригинальничал я.

— А чё так быстро? — надулась Натаха.

— Потому что ты супер. И манда твоя.... Слов у меня нет, короче, — отмазался я.

Вместо ожидаемых благодарностей за такой оригинальный комплимент мне предъявили целый ряд претензий, смысл которых был банален. Зоотехничка не удовлетворилась и настоятельно требовала продолжения банкета.

— Иди, договаривайся. Я не против, — улыбнулся я.

Зря я это сказал. Натаха, забыв про условности и вообще все остатки стыда и совести, с таким энтузиазмом принялась реанимировать моего дружка, что в голове пронеслась пара шальных мыслей. Первая — а не умер ли я. А вторая — за какие такие заслуги меня в рай закинуло?

Второй тайм я отыграл, по моему мнению, на “отлично”, а по бурчанию Натахи — на троечку. От полуфинала я отказался, запросив технический тайм аут.

— Слышь, подруга. А не скромный вопрос можно? — прищурил глаз, хмыкнул я, снова наполняя легкие продуктами горения табака.

— Были те, у кого и побольше, и те, кто подольше мог, — буркнула Натаха, деловито поправляя свой совершенно нескромный прикид.

— Да я не про это, — отмахнулся я, но утверждение запомнил. На всякий случай. Если что, припомню, как-нибудь. — Ты наглоталась что ли чего?

Подруга замерла в непонятках.

— Из тебя натурально, как из крана текло. А там, чуть ли не огнём горело, — уточнил я.

— У меня всегда так, если больше трех дней контакта нет. Нимфоманка я. Вот живу и

мучаюсь, — вздохнула моя пассия, присаживаясь рядом со мной.

— Вот это поворот! — выдохнул я. — Прям настоящая нимфоманка?

— Угу.

— А почему так грустно? Мне всегда казалось, что парни наоборот таких ищут, — удивился я.

— Ага. Только, как найдут, максимум неделя и сбегают, — всхлипнула Натаха.

— Мдааа, — протянул я. — Мелковат нынче мужик пошел. Эх, где мои семнадцать лет. Я бы с тебя круглыми сутками не слазил, — подбодрил я подругу. — А сейчас, извиняй. Третий десяток разменял.

Услышав про “не слазил бы”, Натаха натурально расцвела и плечи расправила. Но когда до неё дошел весь смысл моей фразы, опять надулась.

— А может, попробуем? Таблеточки же, стимулирующие это дело, уже придуманы, — начала канючить она.

От перспективы сажать и без того пострадавшую далеко не от “Нарзана” печень я еле открестился. Но предложение мне понравилось.

— Я кое что поинтереснее придумал, — заинтриговал я будущего специалиста в области осеменения всякого домашнего скота. — Скучно не будет. Да и не совсем я уж пенсионер то. Уж пару палок в день то смогу кинуть, — вконец разошелся я.

Наши мечты были прерваны самым бесцеремонным образом. Идиллию сельской ночи прорезал противный визг и криканье спецсигнала. Потом я услышал треск мотоциклетного движка.

— По ходу дэпсы мотоциклиста гонят, — оживился я.

В голове моментально ожили картины нцатилетней давности, когда мы с Санычем, на своих мотиках, лихо удирали от древнего ментовского “Козлика”, а потом от “шахи”, именуемой в простонародье “Канарейкой”.

Это было одним из наших любимых развлечений. Сельский нид фор спид на максималках. Компов то не было.

Одно лето мы даже соревновались, кто больше всех экипажей “поднял”. Сейчас, когда в голове кроме ветра появились и мысли, волосы дыбом встают, кровь стынет в жилах и коленки дрожат от таких развлечений. А тогда.... А тогда это было дико весело.

С мотоциклов мы практически не слазили. Все окрестные тропинки и узкие дорожки, куда ни один здравомыслящий страж ночных дорог даже и не сунется, знали от и до.

Да я до сих пор их помню. Одна из таких мотоциклетных троп, как раз в паре метров от наших кустов пролегала.

Судя по воплям сирены и матюгальника, предупреждающего о неминуемости наказания и всяческих непотребных карах, безбашенное развлечение в нашей деревне передавалось из поколения в поколение.

Юный байкер, опьяненный адреналином, гнал в сторону наших кустов. Видать решил “тропой отцов” уйти от погони.

— Впишется в поворот, справится со своим железным конем на узкой тропинке, сможет направить его к импровизированному мостику из пары шпал, что перекинуты через канаву. И всё. Ушёл от погони парень. Добавил минус в карму в глазах ментов, но на пару пунктов свой статус среди деревенских сверстников повысил, — вслух переживал я за гонщика.

Мотоциклист гнал прямо к нашим кустам. Я даже порадовался за него. Да только рано. Этот балбес вместо того, чтобы за пару метров до куста намертво застопорить заднее колесо

и в лихом заносе вписаться в крутой поворот, наваливал газу до отказа.

— Ложись! — завопил я, дергая подругу в сторону канавы, прикнув хрен к носу.

Обочина тут была немного ниже, а потом небольшой обрыв, канава и пологий противоположный берег.

Не успели мы плюхнуться на дно, как верхушка моего любимого куста с треском разверзлась. А спустя несколько секунд мотоциклетные колеса коснулись земли. Амортизаторы пробило и водятла, словно тряпичную куклу, перекинуло через руль и он улетел в темноту.

— Низко пошел. К дождю, — буркнул я, наблюдая из канавы за полетом незадачливого байкера.

И едва не поплатился за это. Мотик пошел ещё ниже. Я затылком ощутил тепло, вырывающееся из выхлопной трубы.

Гайцы оказались умнее. В кусты не поехали. Затормозили в метре от них, врубили “дискотеку”, подсветили себе дальним и продолжили погоню на своих двоих. Нашу канаву они даже и не заметили. Лихо перепрыгнули ее, размахивая полосатыми палками, и вслед за мотоциклом нырнули в густую траву.

— А мы в дерьме что ли сидим? — вода носом, толкнула меня в плечо недовольная Натаха. — Ты куда меня затащил? Ты знаешь, с каким я трудом эту юбку достала? А сколько она стоит? Знаешь? А трусики дизайнерские! — начала заводиться подруга.

С первым пунктом пришлось согласиться. Азарт ушёл и я жопой ощутил, что мы сидим в луже. А судя по запаху, в фекальной луже.

— Вот что за люди, — ворчал я, встав на ноги и прикидывая, где легче выбраться из этого гадюшника. — Всё засрут. Леня яму вырыть. Выведут трубу с говном подальше от своего двора и трава не расти. Экологи мля.

Возмущенная Натаха мои рассуждения об отсутствии сознательности у деревенских сапиенсов двадцать первого века не слушала. Её больше волновало её испорченное исподнее.

Попробовал вразумить девку.

— Видишь, где мотик прошел? — ткнул я пальцем. — Если б не я, лежала бы ты щас и кровавые сопли из расквашенного носика пускала бы.

Довод был железный. Подкрепленный следами соприкосновения техники с землей. Но меркантильная Натаха начала вопить, что трусы для неё дороже. И вообще, от нее воняет жутко и как она такая теперь в свой колхоз возвратится.

Возмущенные вопли моей истерички, однако ж, быстро я ее своей стал считать, прервал начальственный рык.

— Граждане, а ну колитесь быстро, в какую сторону нарушитель скрылся? — обратился к нам гаишник, красуясь в свете автомобильных фар.

Через пару мгновений рядом с ним возник еще один силуэт. Судя по отблескам световозвращаек, также страж ночных дорог. Но вот силуэт ну никак не вписывался в стереотипы. Долговязый и тощий.

— Ну что? — уточнил он у напарника.

— Молчат, — кивнув на нас, огорчился первый.

— А может, в отделении разговор продолжим? Сдается мне, этот товарищ пешеход сильно на нашего гонщика похож. Особенно со спины, — хмыкнул долговязый продавец полосатых палочек.

— Ээээ, — неподдельно возмутился я. — У меня алиби есть. Я тут со своей девушкой

природой наслаждался, воздухом свежим дышал, а этот дебил нас чуть не задавил, — отмазывался я.

— Машину сам отмывать будешь. Руками, — предупредил разрушитель стереотипов. — Пойдем мотик поищем. Это полюбому кто-то из местных, — ухмыльнулся дэпс.

Не успел я облегченно вздохнуть, как надо мной вновь нависла туча. И все из-за моего языка.

— А ты это серьезно? — прижавшись ко мне, прощепетала Натаха. — Про девушку. Меня так еще никто не называл, — мурлыкала она мне прямо в ухо, совершенно забив на тот факт, что мы сидели по пояс в дерьме, от нас дико воняло, да и трусам ее фильдеперсовым шандец пришёл.

— Угу, — недовольно буркнул я, пытаюсь в прямом смысле выбраться из дерьма.

Но настрой подруги уловил.

— Давай руку, Наташенька, — галантно протянув подруге руку, предложил я, когда задача была выполнена.

Вот истину говорят, что девушки тают не от пачки баксов, а от комплиментов. Такого довольно выражения лица я даже у выходящих из ЗАГСа овуляшек не видел.

— Нашёл, — прервал романтический момент вопль долговязого гайца, исследовавшего близлежащие кусты. — Подсвети. Кажись, я знаю, кто это был.

Глава 17. Кто малину обосрал?

И грянул гром...
Проснулся Тор,
И у цундапа старого взревел мотор,
И я летел в далёкий край,
И ветер в волосах унёс мою печаль,
Туда где Рай...
«Константин Ступин»

Вспомнилась мне одна из моих любимых песен последних лет. И даже позавидовал летуну, скрывшемуся во мраке ночи. А я тут...

Любопытство меня разрывало буквально на части. Вытащив подругу из канавы, я накинул ей на плечи свою косуху и, забив на неё большой и толстый, ломанул в сторону инспекторов, пытавшихся вытащить моточихлет из зарослей густого кустарника.

Пока бежал, понял, как я хочу начистить морду этому недоумку-гонщику. Было конкретно сыро и неприятно. В кросовках хлюпало. А ещё аромат от меня шёл — мама не горюй. Домой в таком прикиде точно не пустят.

Очертания стального коня показались мне знакомыми. А мелькнувшая в свете фонарика наклейка на баке развеяла мои последние сомнения. Это была Санычевская “Чезетка”. Точнее, теперь уже Чижовская.

— Поймаю, убью, — буркнул я, отходя от мотичихлета и гайцов. — Если успею.

Смотреть без слез на двухколесного стального коня, благодаря которому наша с Санычем юность была наполнена ламповыми и веселыми воспоминаниями, было сложно. Сердце натурально кровью обливалось. Так, по крайней мере, это состояние описывают в книгах.

От удара о землю и кувырков переднее колесо вместе с вилкой чуть ли не в бараний рог загнуло.

Фара, руль, дуги... Легче всё новое купить. Только что движок да глушители целыми казались.

— Не дадут мне Чижа прибить, — пронеслось в голове.

Если Саныча от такой картины кондратий не хватит, то он лично сына придушит. Ещё и будет приговаривать, что имеет полное право мстить за испорченную семейную реликвию.

Размышления прервал длинный гаишник, направивший фонарик мне в лицо.

— Эээ, — возмутился я.

— Чего эээ? — ухмыльнулся тот. — Кто за рулем был? Полюбому не Саныч? Получается, сегодня была очередь Мелкого гарцевать?

Я завис. Обращались явно ко мне. А мою юношескую погреху, как я справедливо полагал, сейчас в родном селе знали единицы — это Саныч, один из его трактористов да моя бабка. Остальные или умерли, или в город свалили.

— Чего завис, Мелкий? — продолжал издевался гаец. — Скажи ещё, что не признал.

И тут меня, как обухом по голове трахнуло. Именно не ударило, а трахнуло.

— Дяба, ты что ли? — вырвалось у меня.

— Узнал, сволочь. Эх, не быть мне теперь богатым! — то ли издеваясь, то ли радуясь

выдал дэпс.

Натурально охерев от такой приятной встречи я протянул другу детства руку. Дяба руку схватил и, отбросив все условности, крепко обнял меня. Правда, поведя носом, и въехав, что источник запаха — я, брезгливо отстранился.

Этой встрече я был действительно рад. Дяба, а в миру Дмитрий Алексеев, был вторым моим закадычным корешем, с которым мы лихо куролесили не только в родном селе, но и в городе. Мы были погодками, а потому и учиться в город поехали вместе. И хотя Диман учился на юрфаке, это не мешало ему нарушать большую часть административного, а порой и уголовного кодекса. Я думал он уже большой человек или как минимум важный начальник.

— А ты как тут? — удивился я, совершенно не обращая внимания на брезгливую мину товарища.

— Да вот так, — хмыкнул Дяба. — Дэн, сходи к машине, покури там, а я чуть попозже приду. Дежурного ток, предупреди. Ок? Насвисти ему что-нибудь, — бросил он своему напарнику. — Я сейчас тут перетру и приду.

Напарник кивнул и испарился. Как тот суслик, который есть, но его не видно.

— Так ты как тут-то? — повторил я свой вопрос. — Ты же юристом хотел быть, ну или как минимум, должен был ментовским начальником стать. Ну, или прокурором.

Дяба хмыкнул, стрельнул у меня сигаретку, отмазавшись, что его в машине остались и, устроившись на развороченной “Чезетке,” начал свой рассказ.

Наши пути разошлись, когда мы учились на третьем курсе. Подругу Дяба нашел. Запала она ему в душу и в другое место тоже. Ну и увлекли его дела алкогольные да постельные. Слегка так. Месяца на три. Подруга тоже не прочь прибукнуть и потрахаться была. Короче очередную сессию мой дружан с треском завалил. Потом была армия, возвращение на гражданку и снова трехмесячный загул.

— Я восстановиться хотел, а когда протрезвел, понял, не хочу. Тут поработал, там пошабашил. Но не моё это оказалось. Не вставляет меня руками работать. Бизнес вести — тоже не моё. Не срослось, да и ленивый я для этого. И тут мне на глаза в местной газетке объява попалась — менты кадры ищут. Гособеспечение, пенсия, выслуга и другие блага сулили, — исповедовался мне Дяба. — Вот так и попал я в органы. Сначала пару лет в пэпсах ходил. Потом в гайцы перешел. Сейчас вот местными автоинспекторами рулю. Так что, мечты сбываются не только в “Газпроме”, — кончил он на мажорной ноте.

— Чё ты свистишь? — не поверил я. — Начальник и на дороге с палочкой стоит. Да еще и хер пойми за кем гоняется. Если ты начальник, то по законам жанра должен сейчас с другими высокопоставленными лицами в окружении девок водку на даче жрать.

— А это вынужденная мера, — добавив в голос начальственного металла, выдал Дяба. — Во-первых — в отделении личный состав укомплектован на шестьдесят два процента. А сейчас время отпусков, и пацаны отдыхать хотят. Во-вторых — кабинетная работа — не для меня. А выход прост оказался. Как всё достанет, объявляю операцию “Синий дятел”, беру Дэна, это зам мой, и мы с ним вспоминаем молодость. Эх и даем с ним иногда жару и джазу. От нас, кроме этого мотоциклиста, уже года три, как никто не уходил, — разошелся дружан. — За рулем то, кстати, кто был? Ты или Саныч? — как бы между делом спросил гроза гонщиков.

— Эээ, — замялся я.

— Да не ссы. Он эту гонку по чесноку выиграл. Не буду я его ластать. Да и не дадут

мне, — то ли сожалел об упущенном мотоциклисте, то ли злясь на санычевскую “крышу” буркнул дэпс.

— А ты сам у него спроси, — выкрутился я из ситуации.

Как бы оно там не вышло, и как бы я не доверял Дябе, а прослыть стукачом ой как не хотелось.

— Да легко, — нарочито громко выдал дружан. — Пошли.

Предводитель местной гильдии Дэпсов уверенной и быстрой походкой, подсвечивая себе фонариком, шёл впереди меня. Я замыкал шествие.

Около патрульной машины к нам примкнула моя озабоченная пассия. Напарник Дябы, на пару секунд оторвавшись от смартфона, оценил нашу колонну и опять погрузился в мир отупляющих роликов.

— Да погоди ты, чего летишь, как на пожар, — взмолился я, когда до хором нашего общего друга-фермера осталось метров пятьдесят.

После двух подходов к Натахе и принятого на грудь бегать не хотелось совершенно. Возраст не тот.

— Ваш парфюм располагает, — буркнул Дяба. — Мелкий, без обид, но, шли бы вы в баню, а не за стол. А? — примирительным тоном добавил он.

Почувяв нарастающее негодование Натахи, на справедливое, к слову, замечание, я замедлил шаг, резко повернулся и еле успел запечатать её рот своими губами.

— Тише, тише солнышко, — прошептал я, на секунду оторвавшись от её чувственных губ.

Дяба, конечно, дружан, но хер их поймешь, ментов этих. Вроде нормальный чувак, а через секунду, зная тебя не знает и легко паковать может начать за поруганную честь. Вот такие они менты, тонкие и чувствительные натуры.

Да и попал Дяба в самую точку. Лично мне перед Санычем эдаким победителем хотелось предстать, а никак не в обговнянном прикиде. Вот и пришлось совмещать приятное с полезным, а пока приятное шло, прикинуть, где в деревне в два часа ночи надыбать баню.

Правда, Натаха, лядь такая, мой порыв восприняла буквально. Да и солнышком я её ещё обозвал на свою голову. Вот истину говорят, язык мой — враг мой. Эта нимфоманка зоотехническая опять растаяла и потекла. Даже на свой испорченный прикид и совершенно не располагающий аромат забила.

Да и на меня купание в фекалиях как-то странно подействовало: в паху заныло, и мой дружок, воспрянувший духом, потребовал начала третьего тайма.

— Я обратно не пойду, — разбила мои мечты Натаха, проявив чудеса сообразительности. — Давай в бане. Меня ещё никогда в парной не пялили, — сверкая возбужденными глазками, откровенничала она, стоя награнице света и ночи.

— Эээ, молодежь, чего зависли? — обломил меня пьяный вопль Саныча. — Кам цу мир. У нас тут гости.

— Только через баню. На рекорд иду, — поддел я фермера.

— Мудак ты, — поздравил меня Саныч. — Бани нет, есть хамам с джакузи.

— Сойдет, — отмахнулся я, подходя к другу. — Веди, патриот.

Разглядев мой прикид и совершенно не презентабельный натахин вид, Саныч запротестовал и попытался нас выдворить восвояси.

Не тут-то было.

То ли алкашка своё дело сделала, то ли ещё из-за чего. Впали мы с Натахой в детство

короче. Протянули руки в сторону охеревшего фермера и, изображая зомби, двинулись к нему.

— Хамам, хамам, — тянула Натаха.

— Джакууузиии, — вторил я.

— Идите нахер, — возмущался Саныч. — В бане отмойтесь сначала, а потом в культурные заведения ломитесь. Мойдодыры, бля, — ныл фермер, одновременно пытаюсь смыться от нас и схватить что-нибудь увесистое, дабы отбиться от двух вонючих дебилов, норовящих обнять его. — Да идите вы реально нахер. Бля, ну и воняет же от вас, — давил он на жалость.

Дрына он не нашел. Наша бухая наглость победила. Мы загнали Саныча в угол и тот, не желая быть заляпанным нечистотами, сжалился над нами.

— Идите вы нахер, вон туда. Выключатель сами найдете, дебилы, — огрызнулся он. — Отмывать все сами будете, — ворчал он, бросая недовольные взгляды на лыбящегося от такого бесплатного кино Дябу.

Тот с интересом наблюдал за нашими игрищами, сохраняя нейтралитет. Лишь на тактическое отступление Санча отреагировал легкой ухмылкой. Типа, на каждый хитрый болт есть гайка с левой резьбой. Мне даже показалось, что Дяба получил удовлетворение за испорченную погоню. Мотик то он узнал. А вот что-то предъявить, как говорится, кишка была тонка на местного олигарха наезжать.

Такой он вот, капитализм.

Дорогу к турецкой бане в забытой властью русской глубинке мы нашли без проблем. Натаха на удивление быстро обнаружила где и что, врубила нагрев, чего-то пощелкала и даже умудрилась раздобыть пару полотенец и махровый халат. По ходу, Санычевский. Мы в него вдвоем легко могли влезть. Но до помывки проверить это дело мы не стали.

Быстренько скинув одежду, закинули всё в тазик и залили водой. Наблюдать за голой девушкой, пусть и дурно пахнущей, но деловито снующей туда-сюда было в кайф. Реально возбуждает. Особенно если она бесстыдница и то нагнётся чуть ли не до пола, стоя к тебе спиной, или развернётся, присядет на корточки, показывая себя.

— Пусть отмокает. Потом разберемся, — продолжала активничать подруга, совершенно не обращая на меня и свою наготу никакого внимания. — Погнали уже в душ, а потом греться.

Облом пришел откель не ждали. Прежде чем греться, решили слегка омыть телеса. Не спинку мне не потерли. Пришлось всё делать самому. Два раза. И то ощущение, что от меня натурально прёт нечистотами, осталось. Я даже себе пообещал завтра разобраться с местными экологическими террористами.

Только в разогретой парной, в которой витал мягкий еловый дух, меня слегка отпустило. Да и массаж Натаха исполнила профессионально. Я тоже в долгу не остался, но руки сильно не распускал. Больше погреться и отмыться хотелось. А потом уже и развалившись на диванчике, насладиться упругим девичьим телом.

Но, планам сбыться было не суждено.

Натаха, вот точно нимфоманка грёбанная, то ли специально, то ли нечаянно, уронила мыло и, повернувшись ко мне жопой, согнулась ровно пополам. Задница, повинувшись законам физики и соращения, так аппетитно отклянчилась и раздвинулась. Такие виды чуть меньше чем в метре от моего лица мне открылись в мягком свете.

Я аж сглотнул. Судорожно. А когда хозяйка жопы, проявив чудеса гибкости, башкой под

лавку нырнула...

Не выдержал я короче. Спрыгнул со своего наблюдательного поста и аки орел горный попытался с ходу овладеть такой задницей, уже спешившей принять позу быквы “Г”. Или если проще, то рака.

Лучше не повторяйте... Промазал я. Приняв энергию моего неуправляемого тела Натаха потеряла равновесие. Хорошо, что руки вперед рефлекторно успела выставить. В стену её впечатало слегка.

А пока она охеревала, я вспомнил, что хорошо зафиксированная девушка в предварительных ласках не нуждается. Да и чтобы не упасть, я за талию девичью схватился. Чисто на рефлексах. Честное слово.

Короче, реабилитировался я быстрее, чем моя совратительница опомниться успела. Да ещё как реабилитировался.

Натахе, судя по выгнутой спине и громкому стону, понравилось.

— Давай, милый, — простонала она.

Ну я и дал стране угля. Аки молодой кролик, только что с большей амплитудой отработал. Подруга от такого подхода пришла в дикий восторг. Спинку выгибала хлеще кошки. А стонала как...

Разошелся я короче.

А я же уже не молодой. На третьем круге уже попотеть нужно. А ещё и воздуха не хватает, в глазах мушки появились. Короче вывел партизана воздуха хлебнуть перед очередной атакой, а Натаху в этот момент как затрясет и как херанет на меня прям оттуда поток нехилый.

Я в ахере, а нимфоманка в экстазе заходится. На лавку сползла аж. Трясет её, ртом воздух судорожно глотает. Глаза закатила.

Не до ебли тут мне стало. Чего делать — не понятно. На свою беду вспомнил я, как в школе учили, что если человеку плохо, воздуха свежего приток нужен. Ну и расхлебенил дверь по шустрому.

Хотя, как расхлебенил. Толкнул со всей дури, впуская воздух, схватил полотенце и давай пострадавшую обмахивать.

Вроде помогло.

— Ты чего? — удивилась Натаха совершенно нормальным голосом.

— Тебя спасаю, — ошалев от радости, что вроде попустило её, ответил я.

— Вот же, дурачёк, — улыбнулась она.

— Сама ты дура, — возмутился я, опуская руки. — Тебя так колбасить начало, я чуть не обосрался. Хорошо вспомнил...

Завершить мысль мне не дали. Натаху опять затрясло. В этот раз от смеха.

— Вроде взрослый, а как девушка по-настоящему кончает, не знает, — давилась она от смеха.

— Чего?

— Ты меня до высшей точки наслаждения довел, мастер ты мой сексуальный, а яж сквиртанула. Честное слово, чтобы прям так кайфово, в первый раз с мужчиной, а не с рукой такое было, — закатив затуманенные похотью и наслаждением глаза, прошептала она.

Если честно, я нихрена не понял. Решил, что на досуге изучу тему. Но прослыть колхозником не хотелось. Состроил важную морду, пожал плечами, мол, да я это еще только разогрелся и вообще это только дэмо версия была, и отправился на свежий воздух.

Холодного пива захотелось дико. Но сначала нужно было отмыться, а уже потом, завернувшись в уютный махровый халат Саныча, наслаждаться хорошей компанией, пшеничным нефильтрованным и сушеной таранькой.

Почти так и получилось. Только компания теплая меня не дождалась. За столом в гордом одиночестве меня ждал понурый Чиж. Вроде не побитый даже.

— Даров, бродяга, — поприветствовал я парнишку. — Как сам?

— Я мотик батин разбил, — хлюпнул он носом. — От Ксюхи ехал, а тут менты. Я от них. Почти ушел, а тут яма. Меня как подкинуло. Мотик в одну сторону, я в другую, — жаловался малой.

— Да знаю я, знаю, — остановил я исповедь. — Видел. Твои моточихлет мне едва по маковке не съездил. А вот про Ксюху, поподробнее, пожалуйста, — попросил я.

— А это кто? — моментально посерьезнел Чиж и кивнул в сторону турецкой бани.

По дорожке к нам шла сияющая чистотой Натаха. Из одежды на ней было только небольшое полотенце, едва прикрывающее соски и лобок.

— Руки на стол, — гаркнул я на Чижа. — Знакомься, это моя новая любовь.

Глава 18. Мутим бизнес на селе

Солнце встает, становится теплее
Хочется жить вечно, да где-то прогадал
Вновь не угодил в объятия Морфея
А главное, в твои объятия не попал
И мне не спится...
Не спится...
"Чиж и Ко".

Напевал я, валяясь на теплом песочке, пока Чиж переваривал и обмозговывал мою идею.

— План говно, — усмехнулся Чиж, нежась в лучах полуденного солнца. — Нифига у тебя не выгорит. Тут светлая голова и холодный расчет нужны. Батя так говорит. А ты... Извини конечно, но это не про тебя. От озабоченной малолетки и то еле-еле отмазался. А тут бизнес! — воздел он палец к небу.

Явно копировал кого-то. Вырастил на свою голову.

— Сам ты говно. А план верняк, — парировал я, подставляя жаркому светилу свою тощую спину. — А про Натаху, — тут я немного задумался. — Это ты просто завидуешь. Мое слово — кремь. Утолил голод сексуальный и всё: гудбай май лав, гудбай, — процитировал я мультипликационного героя. — Прошла любовь, завяли помидоры.

Это разговор произошёл во второй половине июня. И если вкратце, то за эти две недели случилось дофига. Да и сношалось тоже.

Короче, с момента купания в сточной канаве прошло две недели. За это время мой юный друг, это Чиж который, изменился практически до неузнаваемости. Не в смысле внешности, а характер изменился. Как говорится, стал быстрый, дерзкий, как пуля резкий.

Что стало отправной точкой и когда это случилось, я не уточнял. Придет время сам расскажет. Хотя тут и гадать то было нечего. Ксюха его осчастливила или просветила.

— Ага, и корнишон чуть не отпал, — заржал Чиж, выдергивая меня из размышлений важности половой напарницы для превращения сопливого нытика в уверенного в себе парня.

Но это всё лирика, а по событиям. Все ходы были записаны и развивалось это дело, как то так.

Обида на Чижа, за кувырkanie в дерьме, лично у меня давно прошла и выветрилась как запах угренного перегара. Саныч тоже недолго лютовал. Чиж пару дней у меня в бане пожил и восвояси вернулся. Фермер к этому времени как раз ностальгировать завязал и отобрал у агронома бразды правления. Не до сыновьих приключений ему стало.

А вот я на эти две недели из увлекательной сельской жизни выпал напрочь. Четырнадцать трудных дней провёл я в похотливых лапах зоотехнической нимфоманки.

Натаха совершенно не страдала стеснительностью. Абсолютно пофигу ей было, что нас кто-то увидит. Я то вроде этим не страдал, уголок поуютнее, да подальше от лишних глаз сначала старался отыскать, но каким то образом, а научилась подруга парой прикосновений отключать мой мозг от потоков здравого смысла.

Попервой оно конечно по кайфу было. По три раза на дню то. Терпенье и силы начали иссякать в середине первой недели. Возраст, сука, уже не тот.

На шестой день решил перенаправить сексуальную энергию Натахи в мирное русло:

привлечь её к общественно-полезному труду на бабкином огороде.

Так закончилось всё среди капусты. Точнее, я там кончил. Потом в морковке, в зарослях смородины и малины. Благо, что бабка к утехам нашим с пониманием отнеслась. Хотя пару раз грязной тряпкой по голой заднице я огрѐб. К слову, за дело. После нас на грядки без слез смотреть невозможно было. Урожай был затоптан на корню.

Пробовал в сарае от сексуальной повинности перекрыться. Руки и морду солидолом измазал и давай в недрах своей старушки копошиться. Благо, техника советская, чинить и доводить до ума ее можно бесконечно долго.

Не помогло.

Озабоченная подруга меня быстро вычислила. Нарекла меня мавром, расстегнула мою ширинку и уболтала моего дружка сходить в гости к её красавице. А потом с воплем, делай свое дело и вали отсюда, плюхнулась рядом с располовиненным движком.

Как я ни старался я, а ограничить доступ к своему херу не получалось. Умела эта извращенка юная найти подход. Разговоры, намѐки и даже попытки начать скандал терпели крах.

— Ооо, мой повелитель, — с придыханием говорила она, становясь на колени. — Я вела себя плохо? Я наказана? Позвольте я засосу свое поведение.

И ведь засасывала. Да ещё как. Перепонки от такого вакуума закладывало.

На четырнадцатый день этого чёртового медового месяца я ныкался по всем углам и шарахался от любого звука. Силы у меня окончательно иссякли. Хер был заласкан чуть ли не до кровавых мозолей. Яйца опустошены под ноль.

Долбаный секс-марафон лично мне надоел до чертиков. Я уже всю голову сломал, как избавиться от этой озабоченной практикантки. Выручил случай. Сныкался я в погребе, в надежде, что тут-то меня точно не найдут. Шубейку прихватил, стопочку налил. Сижу, балдею в прохладе. Огурчиком потихоньку хрумкаю.

— А говоришь, что это я извращенка. А ты такие места для утех подбираешь, — разрушила идиллию Натаха, спускаясь по лестнице. — Возьми меня прямо здесь. Тут пахнет тленом, — ворковала она, аккуратно дефилируя в полутьме среди пыльных банк с огурцами и другими разносолами. — Вся наша жизнь тлен. Еби меня, еби, — вопила Натаха, загибаясь в позу прачки и призывно отключив задницу.

И как это не стрѐмно, но я сдался. Свалил из погреба и творило прикрыл. А для надежности сверху ещё и всякого хлама навалил.

Пленницу спасла бабка. Через пять часов. Скандалы Натаха закатывать не стала. Собрала вещи, высказала мне, что я козѐл, не оправдал её надежд, что мне от неё лишь одно нужно было, и все мужики одинаковые, и была такова.

А мне то что? Ну думала и думала. Я же предупреждал. Сутки почти отсыпался и отъедался, восполняя энергию, потраченную на эту бестию. А потом в гости пришел Чиж. Он то и рассказал мне о грядущем событии.

На границе Санычевских земель, аккурат на берегу речки, был шикарный пляж и не менее шикарная поляна. На ней-то мы сейчас, кстати, и балдели.

Кто-то из городских об этом пустующем сельском рае прознал и решил свезти сюда пару тысяч обитателей бетонных челоуейников, чтобы порадовать их музыкальными номерами разномастных групп. А заодно и бабла по лёгкой срубить. Музыкальный фестиваль провести, если выразаться официальным языком.

Всѐ бы ничего. Но Чиж как про это прознал, прилетел ко мне с воплями: “Айда

выступать! Я три аккорда знаю. Ты пока в больничке был, а потом письку парил, я важный шаг сделал! Гитару освоил!”.

Я сначала отпирался, а потом, как говорится, прикинул хер к носу и решил совместить приятное с полезным. А если точнее, и поиграть, и бабла срубить.

Нет, гонорары за выступление нам не грозили. Уровень не тот. Но я же рекламщик. Хоть и в прошлом.

Идея пришла сама собой.

На любом мероприятии, где тусит молодежь и измученные офисные работники, самый востребованный продукт — это алкоголь.

— Да ты только прикинь. Берём у твоего бати в долг десятку, затариваемся на все сахаром и дрожжами. До тусовки ещё три недели. Если мы это дело сейчас мутить начнем, то через пятнадцать дней у нас уже столько натурального самогона будет, — аргументировал я. — Продаем пузырь по двести и в итоге имеем...

— Сколько, сколько? — хмыкнул Чиж.

Тут я задумался. С одного центнера сахара, если мне память не изменяет, мы должны поиметь больше ста литров сорокаградусной. А если литр по четыреста, то...

— Короче отобьем и в плюс выйдем. А доход в твою “Чезетку” вложим, — выдал я после недолгой паузы.

Ну хреново у меня с математикой.

— На “Чезетку” батя мне и так даст. Точнее я на уборочной отработаю. Там вообще немного. Так что за пару дней отобью. Донора я уже нашел. Только вот собирать мотик самому придется, — вздохнул юный байкер. — А с самогоном — идея дрянь.

— Это ещё почему, — возмутился я, а в душе порадовался. Малой то не тупо лаве выклянчить у богатенького папы собирается, а тяжелым трудом их заработать решил.

Реально изменился. А если уж и соберет двухколесный раритет сам, значит ценить, холить и лелеять свой мотик он будет хлеще, чем высокородные принцессы целку.

— Так у нас тут каждый второй гонит и продаёт. Кушать то все хотят, а самогон — универсальная валюта, — философствовал Чиж, развалившись на луговой травке. — В любой дом постучи и продадут. Самое главное у тётки Томки, соседки моей, не бери.

— Сивуха или бодяжит? — поинтересовался я, лениво жуя травяной стебель.

— С менструалом гонит.

— Чего?

— Того. Она мужа так от пьянки отучает. Дядька Петька, повадился по утрам у неё бражку воровать. На опохмел. Тетка Томка даже замок на фляги вешала, не помогает, — откровенничал Чижик.

— А ты откуда знаешь?

— Дык дядя Петька сам батю моему рассказывал, когда на майские шашлык у нас жарили. — Да не суть. Ты слушай, что тётка Томка выдумала. Так вот, когда она мужа в очередной раз за утренним опохмелом прямо у фляги спалила, у неё как раз гости из Краснодара приехали, если ты понял, о чем я. Так она, не долго думая, руку в трусы себе и запустила. Достает оттуда значит, прокладку и во флягу ее кидает. Мол, гнать буду, всё выветрится, а ты скотина, это она к мужу обращается так, больше брагу у меня тырить не будешь.

— И что? Петька пить бросил? — заинтересовался я.

— Ага, как же. К своему самогону он и не притронется, а вот чужой в три глотки жрёт.

— Во дает, — одобрительно протянул я, возвращая тело в горизонтальное положение. — Нашла на мужа управу.

— Ага. Только я тебе ничего не говорил и самогонку у нее не бери, — жалобно глядя на меня, попросил малой.

— Не ссы, а то с вас станется, вы и со ссаниной гнать начнете, — пошутил я.

— А что, и из этого можно? Что на курином говне делают, слышал. А вот из этого...

Чиж задумался, что-то прикидывая и шевеля губами.

— Эээ! Бизнесмен, блин. Сам же сказал, конкуренция большая и нехер начинать, — напомнил я.

— Да погоди ты, — отмахнулся Чиж. — Есть у меня тут одна идея, как нам самогонными магнатами стать.

План оказался действительно толковым. Чиж предлагал провести с местным усатым блюстителем порядка беседу, в которой мягко так намекнуть, что тутошний самогон качеством не отличается. Городские, привыкшие к элитному пойлу, потравятся нахрен. И хорошо, если заблюют или засрут всю округу. А вот если кто до потери пульса допьется?

Привезут страдальца в больничку, подлечат и отпустят на все четыре стороны. Все бы ничего, только современные обитатели челоуейников очень любят на свои нарушенные права и пошатанное здоровье в прокуратуру и другие инстанции жаловаться.

А кто виноват, что, какой-то дятел самогону хренового перебрал? — рассуждал Чиж.

— Участковый, — натурально расцвел я. — А чтобы этого не допустить, нужно действовать на опережение.

— Именно, — подскочил от радости малой. — Аппараты и брагу у населения нужно конфисковать. На время, — продолжал развивать мысль начинающий бизнесмен. — Вуаля и мы магнаты. Да и брагу же можно в дело пустить, — разошёлся сынишка местного магната.

— Сказать легко, а вот с реализацией можно и обосраться, — засомневался я.

Мой скептицизм Чиж проигнорил.

— Заводи шарманку, погнали к Петровичу. Порешаем, — буркнул начинающий барыга.

Я хотел было возмутиться, мол, у тебя ещё молоко на губах не обсохло, а уже в командиры метишь, но не стал. Решил, что не стоит энтузиазм раньше времени гасить. Малой вон как вдохновился.

Пока покорёженная “Чезетка” дожидалась донора, решили гонять на моей старушке джаве. Меня такой расклад вполне устраивал. С утра мне залили полный бак, пивка в коляску загрузили.

А об остальном я не думал.

То, что Чиж меня за своего ровесника принял и ещё командовать мной пытается, лично мне льстило. Делал он это аккуратно, как бы стесняясь, но херни не порол и не борзел. Я в нём даже юного Саныча увидел и уже часа четыре как пребывал в беззаботной юности. Прямо, как тогда. Или просто третья баклаха пива меня так накрыла.

Размышляя о превратностях судьбы, я не заметил, как мы долетели до Любавино. Место обитания местного Аниськина мы нашли без труда. Но конструктивного диалога у нас не получилось.

Петрович, выслушав первую часть Чижовских предположений, засиял хлеще бляхи на солдатском ремне перед смотром.

— Дело говоришь. Потравленные нам тут не нужны. Хер его знает, кого к нам занесет, — приняв важный вид, кивал нам гроза местных самогонщиков.

Но когда до него дошло, что с помощью участкового Чиж решил стать самогонным магнатом, расвирепел.

— Ты на что меня толкаешь, паскудник ты малолетний! — вопил участковый, меряя шагами свой кабинет. — Вырастили поколение пепси. Совсем нюх потеряли. Честному менту и такое предлагать.

— Дядь Серёж, да не убивайся ты так. Ни на что я тебя не толкаю и ни на что не намекаю. Призвав на помощь закон, мы выбьем с местного рынка слабых игроков. Причем, добросовестные бутлегеры не пострадают, — перешел на хер поймешь какое наречие Чиж.

И где он только слов таких набрался.

— Таким образом, мы сработаем на благо потребителя. А вливанием свежей струи, мы поднимем планку качества продукции. Причем, сразу в двух соседних сёлах. К тому же, тенденция может повлиять на качество самогона на всём твоём участке. В итоге ты снижаешь число преступлений, совершенных по синей лавочке, а мы, срубив куш, уходим в тень и больше не отсвечиваем, — горячился Чиж.

Отстаивая свою точку зрения, малой не заметил, как перешел с участковым на ты. Но от Петровича этот факт мало того, что не ускользнул, а разозлил ещё больше. Он уже собрался было указать звездюку, кто тут ху из ху, но кару отсрочил мобильник.

Глянув на экран, наш усатый друг чуть ли не по стойке смирно встал.

— Здравия желаю, товарищ полковник, — поприветствовал он трубку.

— О как начальство уважает, — съязвил я, кивнув на майора.

— А ты как думал, — хмыкнул Чиж. — Петрович к нам на исправление направлен. Он сам родом из Буково. Да знаешь ты это село. Тут, недалеко от нас. Три двора и пять сараев. Но работал в городе. Заместителем начальника полиции по какой-то там части был. Ему подпола должны были уже дать, за выслугу. Но не фартануло. Заступил он дежурным, а тут мажорика с наркотой заластали. И всё бы ничего, а батя у мажорика в ментовских верхах служит. Разошлись бы миром, всё бы тип-топ было. Петровичу — ничего, а потом и звание, а мажорику незапятнанная репутация. Но этот блюститель на принцип пошел. Короче дело даже до суда не дошло. А Петровича за особое рвение в участковые разжаловали и в родные пенаты командировали, — поведал мне Чиж. — Как бы это ни банально звучало, но связи у мажорика и бати его хорошие оказались.

Я аж присвистнул от удивления.

— А ты откуда знаешь? — на всякий случай поинтересовался я у юнца.

— Так он как сюда прибыл, первым делом к батю поехал. Так сказать, контакт устанавливать и ситуацию прояснять. Он поначалу законника включил, а потом батя ему втихаря коньяка от души так в бокал бахнул и разговор у них пошел, — ухмыльнулся малой. — А после второй бутылки батя для него вообще своим в доску стал. Вот и не удержался Петрович. Выдал всю правду матку.

После таких доводов, участкового я ещё больше зауважал. Он прям в глазах моих поднялся. Думал, таких служак уже и не осталось, ан нет. Тащат вон свою ментовскую лямку и не ноют.

— Чего там шушукаетесь? — прервал наше интимное общение раздраженный рык несостоявшегося подпола.

— Да так. Тусовка знатная намечается. Местные с городскими поначалу задружатся и перепьются в дым. А потом... А что потом будет я на своей шкуре уже проверил, — чеканя каждое слово выдал я.

— Да знаю я, — отмахнулся Петрович. — Делать то что? Как ваш самогон поможет избежать мордобоя?

Майор выглядел озадаченным. Он сложил два и два. Получил четыре, а мы утверждали, что будет пять. Это в его стереотипное мышление, дополненное богатым опытом, ну никак не укладывалось.

— А я секрет один знаю. Точнее, бабка моя знает, — продолжал напирать я. — Настоечку лёгонькую сделаем. На травке. И всё. Такой самогон хоть стаканами глыхтай, а морды будут целы.

— Это на какой это травке? — насторожился мент.

— Всё в рамках закона. Как по-научному не знаю, а в простонародье эта штука ебун травой называется, — добил я усатого. — Довольны будут все. Гарантирую. В случае провала готовы понести заслуженное наказание, — подмазался я.

Мент махнул на нас рукой и плюхнулся в компьютерное кресло, выдавшее не одну сотню жоп.

— Повезло вам. Наши интересы совпадают. Пиши явку с повинной, а завтра с утречка пойдем самогонщиков раскулачивать, — вздохнул Петрович после недолгих раздумий.

— Это какую ещё явку с повинной? — насторожился я.

Майор смотрел на меня не моргая. И как я ни старался, а убедиться, что этот таракан усатый пытается меня тупо подловить, не получилось.

— Обычную, — буркнул Петрович. — Я, такой-то, такой-то. Сего числа из злого умысла и корыстных побуждений занялся самогоноварением. Сделал я это с целью получения материальной выгоды путем реализации алкоголя домашней выработки на культурном мероприятии. О том, что данные действия нарушают УПК был месяц назад проинформирован участковым. Действовал в тайне от представителей власти, — закатив глаза к потолку, как будто там висела подсказка, на одном дыхании выдал усатый.

— Дядь, ты чего? Какой самогон, какая реализация? — начал возмущаться я.

— Самогон хороший, как ты и обещал. А явка с признанием у меня в столе на всякий случай полежит. Если всё, как по маслу пройдет, я ей баню растоплю. А на случай залёта, она тебе зачтется, как смягчающее обстоятельство, — разъяснил Петрович. — Держи ручку, бумага вон лежит. Садись на стул и пиши. Пушкин, блин.

Глава 19. Мотиватор перемен

*Привет, ребята, добрый день!
Послушайте нашу дребедень.
Ща музыканты подойдут,
Возьмут гитары и попрут.
Чувак, не лезь ты к ней туда,
Оставь её, иди сюда,
Бери свой новый экин-бас,
Лабать ведь будем мы сейчас.
«Сектор газа».*

— Да отвянь ты со своим “Сектором”, - горячился Чиж. — Я тут нормальных пацанов нашел. Огонь группа. Про деревню и баб поют. Короче, прям про наши приключения.

Я хмыкнул. Бочку огненной воды, перегнанной по медным трубам, вроде бы ещё не выпили. Да и до пуда соли, как до Пекина пешкодралом.

Только отучил этого звездюка дядькать, как он уже в мои закадычные кореша записался. И совершенно берегов при этом не чувствует.

Учитывая недавние события, нас можно бизнес-партнерами обозвать. Но и в бизнесе и то, какие-никакие, а понятия есть. А тут...

Всё на меня свалили. Всё!

Перестраховщик участковый письменные объяснения, которые себе хоть и в стол положил, только с меня взял.

Чиж же, как привилегированная особа, даже устного внушения избежал. Подождал меня на лавочке, и погнало нас в родные пенаты готовиться к реализации наших грандиозных планов.

Сидели у меня во дворе, в тени раскидистой березы и готовились.

Нет, не стратегию разрабатывали, а потакали прихоти малолетнего гитараста. Малому видать вожжа под хвост попала. Загорелся он местной звездой стать, а я поддался. И тут вам нате, хер из под кровати.

Я ему «Сектор» напеваю, а он мне — это отстой.

— Да ты видел, как эти песни в Любавино воспринимали, как проникались? — аргументировал я, сжимая кулаки и прикидывая в какое ухо ему врезать за поругание моей любимой группы.

— Неа, — отмахнулся балбес. — Некогда мне было твои завывания слушать. Я Ксюху клеил.

Я даже прихерел от такого веского аргумента.

— Да ты просто послушай, — не сдавался я.

— Да слушал, уже. Целый альбом. «Сектор газа» называется. Нафталин чистой воды. Непонятно нихрена.

Я от злости, аж зубами скрипнул от такой наглости. Величайшую, лично для меня, группу вот так вот в цвет назвать нафталином. Да за это...

— Я нормальную группу нашёл! «Чёрный вторник» называется, — воодушевленно продолжал вещать малой, совершенно не замечая моего настроения.

— Ты в следующий раз у Гудвина мозговещё попроси. Витаминки там какие-нибудь попей, — рыкнул я, еле сдерживаясь, чтобы не всечь этому балбесу с девичьей памятью.

— А? Кого позвать? — завис звездюк.

— Покеж, говорю. Чего ты там за новомодное дерьмо откопал, — буркнул я, решив выбрать для Чижа кару пострашнее, чем увесистый подзатыльник или прямой в челюсть.

— Лягло. Зацени, — расцвел звездюк, протягивая мне мобилу. — С концерта видос. Видел, как мелкота на сцене пляшет.

За гитару, кстати, я ему отдельно хотел предъявить. Точнее Санычу. Мол, лоханулся ты, дружище. Обещал дебила малолетнего от папкиного кошелька отвадить, а сам ему дорогие инструменты покупает.

Завидовал я, если честно. Крутую акустику Саныч своему балбесу подогнал. А вот мне, судя по всему, придется по сусекам скрести и свою старую бобруку восстанавливать.

Зависть из меня выгнал видос.

От увиденного я натурально впал в ступор. Услышанное же вообще повергло меня в тихую истерику. В видосе посоны на сцене какого-то явно успешного рок-клуба лихо фигачили нетленку моей бурной юности — секторовский “Колхозный панк”.

Под незамысловатую мелодию кайфовали не только мои ровесники, коих в зале было предостаточно, но и пара мальков — мальчик и девочка лет шести — восьми.

Детвора самозабвенно оттягивалась на сцене рядом с музыкантами. Школота даже периодически срывала больше внимания, чем гитарист с полагающейся любому успешному музыканту длиннющей шевелюрой.

— А тут ещё поди — разберись, кто звезда этого вечера. — поддел я юнца. — Патлатый или детвора.

Факт, что Чижа покорила, как он выразился, песня из репертуара нафталиновой группы, я решил оставить на сладкое.

— Сам ты патлатый, это Серёга. Очень крутой гитарист, — надулся Чиж. — Я их концертники третий день уже смотрю. А эта песня меня прям вштырила. Давай её сыграем. А? Она же простая, вроде бы, — начал канючит малой. — Помоги её выучить, а? Я целых три аккорда знаю!

— А тут больше и не надо. Почти весь «Сектор» на трёх аккордах играется, — хмыкнул я и выдал Чижу полноценную историческую справку о музыкальном новаторе перестроечной эпохи. То бишь, о Юрие Хое и его проекте.

Чиж информацию впитывал с открытым ртом. Прямо как дрессированный песель, только что язык не вываливал.

— А это каверщики. Причём, отличные каверщики, — подбодрил я малого. — А панка этого влегкую сделаем. Солячок я подыграю. Главное — раздобыть мне инструмент, создать атмосферу и покорить зрителя, — мотивировал я дружана. — Не налажаешь, все девки наши будут.

Вот истину говорят, что слово лечит: Чиж расцвел. Вот только-только сидел и кипятился, а тут бах и сияет, как красна девица перед ЗАГСом.

— Ага, — мечтательно протянул Чиж, впитав новую вводную и прищутив глаз выдал: “А ты меня к себе в баню с ними пустишь?”.

— От молодёжь, одна ебля на уме, — усмехнулся я, пытаюсь голосом изобразить пенсионера.

— Дедушка, я не для себя. Я палку за тебя, палку за батю, — подмигнул мне

начинающий ёбарь-террорист.

— Гитару бери. Учиться будем! — начал злиться я.

Чиж кивнул и понеслась. Хрен его знает, чего его так замотивировало, но струны этот новопреставленный гитараст терзал с упорством, которому позавидовал бы даже самый упертый виртуоз. Мне бы радоваться, но меня распирало любопытство. Хватило меня ровно на двадцать одну минуту.

— Слушай, вроде по башке двинули меня, а кукушка повернулась у тебя, — закинул я удочку. — Или в тебя попаданец из будущего вселился? Я в книжках про такое читал!

— Ещё никогда Штирлиц не был так близок к провалу, — хохотнул юнец. — Это батя так раньше говорил, когда после лядок домой заявлялся, — отмазался он.

— Давай-давай, заливай мне тут, — буркнул я.

— Да я серьезно, — с юношеской горячностью возразил мне малой. — Пока ты здоровье восстанавливал да хрен по клумбам парил, со мной тут такое приключилось....

В тот памятный и злополучный вечер, когда Саныч своими кулачищами прервал мое общение с любавинским отрядом “Синие дятлы”, Чиж в расстроенных чувствах собрался огородами рулить в сторону дома. Но не срослось. Неподалеку от обитания любавинской милфы, чей образ по ночам будоражит неокрепшие юношеские умы, чижовский мотоциклет заглох. Специально или нет и на кой хрен он туда попёрся, об этом рассказчик стыдливо умолчал.

И пока меня бережно делегировали в сторону больнички, Чиж жаловался на превратности судьбы и свое тотальное невезение грудастой Ксюхе. Рассказ моего подопечного так растрогал милфу, что она погладила его по головке (которая на шее и чтобы шапку носить, а ещё в неё едят), а потом так прониклась, что прижала юнца к груди. И понеслась.

Благо Петька, это который официальный муж милфы, процесс реинкарнации из мужа-алкаша в бухого рогоносца даже и не ощутил. Виной тому была фляга с самогоном, брошенная на произвол судьбы около любавинского дома культуры.

Пока алкофаны в неравной битве проигрывали зеленому змию, Чиж набирался практического опыта в общении с изголодавшейся по мужскому вниманию дамой. Которая, к слову, скрашивала одиночество в обществе трёхлитровой банки домашнего вина.

Меняются времена, нравы... Неизменным остается лишь стремление бухих домохозяек, разменявших тридцатник, потряхнуть стариной и почувствовать упругость и горячность юного тела.

Так было и в тот раз. Притянула Ксюха малого к своей груди, да так прижала и приласкала, что титька сама в губы Чижовские прыгнула. Вообще зря Чиж очковал.

Через три минуты он уже с довольной лыбой созерцал звёздное небо. Еще через пять минут, это по словам повествователя, он повторил пройденный материал. А потом ещё раз, и ещё раз.

— Восемь палок за ночь, — клялся Чиж, выпячивая грудь. — И ещё бы столько же смог. Батя позвонил. Домой пришлось валить.

Следующий день для Чижа пролетел, как в тумане. Он еле-еле дождался, когда на улице стемнеет. Под покровом летней ночи очарованный малец, жаждая новых знаний и половых свершений, ломанул в сторону Ксюхиного дома. Его даже ни разу не напрягло, что его опытная искуссительница за весь день не ответила ни на одно его сообщение.

Нарезав около Ксюхиного дома с десяток кругов, балбес заныкал мотик в ближайших

кустах и отправился в пешую разведку.

— Все руки исцарапал, пока эти долбанные клумбы с розами прополз, — описывал он свои подвиги. — К окну на цыпочках подошел, слушаю. Через открытое настежь окно все слышно, а не видно, кто дома и чем там занимаются. Отблески вижу, как от мобилки. Храп слышу. Прикинул я и получается, что алкаш спит. И тут у меня в голове все сложилось! Ксюхин муж весь день дома был и Ксюха, чтобы не спалиться, уведомления выключила. Вот и не отвечала.

Излагая свои приключения, Чиж так увлекся, что перешел на шепот.

Интрига нарастала.

— Решил я ей сюрприз устроить, — увлеченно продолжал малой. — Аккуратненько так залез на завалинку, и в окно заглянул. Вижу, в дальнем углу мобилка еле-еле светится. И сопит там кто-то. По очертаниям, вроде Ксюха. Ну я камушком и пульнул в ту сторону. Сопенье затихло.

— Глаза к темноте уже привыкли немного. Дядь Петьки не видно нигде, а на диване, точно, Ксюха храпака давала. Деревенские бабы то порой похлеще мужиков храпят. Сам слышал. Ну, я осмелел и полез в дом. Только на пол аккуратненько так наступил, глаза поднимаю, а в меня мобилка летит. Медленно так. Как в кино. В миллиметре от уха просвистела. Следом такой мат пошел.

Я, уже вникнув в ситуацию, сидел и давился от смеха. Малой же наоборот боязливо поежился.

— Дядька Петька это оказался. Он в очередной раз с синим решил завязать. Чтобы бодун легче протекал, он ужастик какой-то древний врубил, наушник в ухо и лежит преодолагает. Фильм увлекательный был. Закемарил он короче. Мобилка с груди сползла и в потолок светит. Похмельный сон — тревожный. Одеяло сбилось, и в районе груди бугор получился. В темноте на грудь очень даже похоже стало, — уверял юнец.

Чиж вздохнул, как бы собираясь с силами.

— В ухе у дядьки Петьки тревожная музыка из наушника играет, а тут его еще и по башке тюкнуло. Сон как рукой сняло, — нагонял интригу малой. — Он голову поворачивает, а в окно негра лезет. И щерится так хищно. Это Петька всему селу потом рассказывал.

— Лежу, говорит, пошевелиться не могу. А этот щерится и примеряется, как бы меня сожрать. И как прознал то, что хреново мне и сопротивления оказать я не смогу, — повествовал от лица Петьки юный герой-любовник, слышавший эту историю на следующий день из первых уст. — Но любавинских так просто не возьмешь! Собрался Петька с силами, заорал и что под руку попало, тем и запустил в пришельца, то бишь в меня, — вздохнув, смешал кислое с пресным Чиж.

И как я ни старался, сохранить серьезный вид, чтобы юнца не обидеть, а заржал. Просто представил себе эту картину. А мужика мне даже жалко стало. Мало того, что какой-то сопляк жену твою попользовал, так лежишь себе такой, ловишь отходняки после недельной пьянки, а тут бах и озабоченные юнцы в окна полезли. Это со стороны смешно, а когда сам это испытываешь — нихрена подобного. Жим-жим такой, что мама не горюй. Делирий, мать его за ногу.

— Поняв, что мне тут совершенно не рады, ломанул я обратно, — продолжал Чиж. — Да и на клапан от страха мне так надавило. Еле успел через забор перемахнуть, и в ближайшем кусту штаны стянуть.

Представлять это совершенно не хотелось, но воображение разыгралось.

— Сижу я значит, почти закончил дела свои, и слышу шурк-шурк. Привстал, смотрю, а это Ксюха по тропинке к дому идет, — продолжал излагать малой. — Пригляделся, точно она. Ошибки быть не может. Я значит, в темпе свои дела завершаю и по-киношному так перед ней выпрыгиваю на тропинку.

— Дебил, — констатировал я.

— Вот и Ксюха мне так потом сказала. — Она с перепугу мне так зарядила, я аж обратно в кусты улетел, — жалился молодой герой-любовник. — Потом правда подсветила мобилкой, увидела меня, засмеялась.

— И прям там же и дала, — подсказал я.

— Не. Не прям там же. Ругалась сначала, обзывалась. Шипит, не приходи ко мне больше, дорогу к моему дому забудь! Но я то парень тертый. Уговорил её напоследок прокатиться на “Чезетке”. Мол, ты вчера стала моей первой девушкой. Давай побудешь ей еще раз. А то я на мотике из девушек никого ещё не катал. Согласилась она, короче.

— С козырей зашел, — подмигнул я юнцу. — Молорик, ничего не скажешь.

Подробности покатушек Чиж оглашать не стал. Сбивчиво протараторил, что пришлось ему остановиться посреди полей, а то Ксюха ему в штаны полезла и рулить так совершенно неудобно и даже опасно.

— Харош заливать то, Казанова сельского разлива, — хлопнул я по плечу малого.

— Да честное слово, все так и было! — замахал руками звездюк.

— Аргументы, факты, доказательства! Или как вы говорите пруфы в студию, — не сдавался я.

Чиж завис.

— Чего она в тебе нашла то? Объясни мне, нахера ты ей сдался то? — допытывался я.

Чиж усмехнулся.

— Я перед тем, как ее домой отвезти, это же самое спросил. Ксюха сказала, что секса ей не хватает. Муж пьет неделями и, соответственно, на нее даже и не смотрит.

— А чего тогда не разведется? — попытался я подловить паренька.

— А он когда отойдет, то все пропуски восполняет. С лихвой даже. Ксюха так сказала. Она как про это рассказывать начала, с таким придыханием говорила, что я не удержался и отомстил загульному Петрухе.

— А может лучше каждый день по разу, чем за неделю тридцать раз? — усмехнулся я, вспомнив свою зоотехническую извращенку.

— Может, — согласился рассказчик. — Когда все закончилось, Ксюха разревелась, а потом успокоилась и разрешила приезжать к ней, когда её муж в очередной загул уйдет. А вот когда он в завязке, чтобы даже и не думал. В это время ей никто кроме Петьки не нужен. Типа, прибор у него такой, что ему даже мерины завидуют.

— Всем известно девки любят не за милое лицо, а за длинный хер горбатый и за правое яйцо, — назидательно произнес я.

Чиж задумался.

— А ты откуда знаешь? Тебе тоже говорили, что кочерыжка коротковатая? — попытался поддеть меня юнец.

— Вот дярёвня, — не выдержал я. — Эту мудрость, как ты выразился, нафталиновая группа озвучила еще в то время, когда ты у бати в яйцах обитал.

— Я так и понял, — подмигнул мне товарищ.

История закончилась, Чиж замолчал. Я сидел, курил и наблюдал за своим подопечным.

— Я сначала на Ксюху обиделся, за то, что в мелкочлены меня записала. А когда домой ехал, отошел. Думаю, это не член у меня короткий, а манда ваша мадам Ксения раздолбанная. И вообще, чего на этом заикливаться, нужно на остальных проверить. Так что, теперь на моем счету целых три тёлочки, — горделиво ударив себя в грудь, выдал юный ёбарь-террорист. — Поначалу дело не шло, так я просёк твою тему с гитарой и попросил того чувака из Любавино мне показать пару песен. Сработало. Пока песню на улице учил, тян склеил, а третьей — Натаха стала. Ты когда её выгнал, я до Любавино её подвёз. Сказала, что я лучше тебя трахаюсь.

А вот это уже был перебор.

— Мне батя твой добро на воспитание прогрессивными методами дал. Так что, без обид, — растягивая слова, произнес я, поднимаясь с лавочки. — Натаха это тебе сказала, чтобы мне насолить. Знала сучка, что ты хвастать будешь. Что огулял ты её — мне пофиг. А вот, что базар фильтровать нужно, ты забыл, — назидательно произнес я, снимая с себя кожаный ремень с увесистой бляхой.

Чиж, почуяв неладное, засуетился и попытался слинять. Хер он угадал. От меня так просто не уйдешь. Воспитательный процесс проходил под вопли и матюги косячника.

— А насрать, что не гуманно, зато действительно, — резюмировал я, отпуская звездюка. — Пару дней на пузе поспишь, зато базар фильтровать начнешь.

Крыть балбесу было нечем. Да и хлестанул то я его по заднице всего-то пару раз. И то за дело.

— Завтра к обеду отойдешь, придешь ко мне. Музицировать будем. И гитару мне нормальную найдешь! Продинамишь, у меня напоминатор всегда при себе. Так что, не ссы малой. К осени всю дурь из тебя повыбьем и сделаем из тебя четкого пацана, — подмигнул я Чижу.

— А без рукоприкладства не умеешь что ли? — насупился охламон.

— А мне так легче, — рыкнул я. — И наглядное действие имеется. Ты вон три недели назад только и мог, что ныть и за чужой жопой прятаться. А сейчас?

Малой почесал задницу и задумался.

— Хорош себе чужое то приписывать! Я сам до всего дошел, — возмутился он.

— Ага, как же сам. Умелое психологическое давление, мотивирующие подзатыльники и личный пример, — перечислил я. — Вот цена твоих побед. Тебя пинками и пиздюлями заставили сделать первый шаг. Как сейчас модно говорить, за химо вышвырнули из зоны комфорта, показали тебе модель поведения и ты успешно освоился в новой среде обитания в качестве индивида, а не биомассы. И сделал то, о чем в начале лета только мечтал, — рассусоливал я.

— А, ну да. Пока вы с батей водку квасили, всё и случилось, — порушил образовательный момент Чиж.

Я лишь головой покачал. Чего дебилу объяснять хитрости продуманного плана. Который, правда, был нцать раз переигран. Ну да не суть. Первый шаг то малой сделал, оторвался от мамкиной титьки (кстати, надо будет уточнить у Саныча, куда он жену то дел) и отошел от фермерской протекции. Ну почти.

— А ну шагом марш, в сторону дома раны зализывать! — прояснил я ху из ху. — И чтоб до фестиваля никаких баб. Всё, пост у тебя начинается! Точнее этот, как его. А, вспомнил, целибат! Загуглишь чего это такое, если тупой и слов таких не знаешь!

Глава 20. Звезда колхозного масштаба

Я стал знаменитым — я вам не чета
Я — супермен, я — поп-звезда
Я по улице иду, не замечая никого
О-о-о
Я вчера под фанеру пару песен слабал
Три калеки мне похлопали, и я звездой стал
Кроме меня все музыканты — дерьмо
О-о-о
«Сектор Газа».

Наигрывал я на древней гитаре незамысловатую мелодию малопопулярной, но несущей глубокий смысл песни “Звёздная болезнь”.

Про кого пел Хой, мне доподлинно неизвестно. В моей же интерпретации композиция адресовалась Чижю.

Свою верную «бобровку» я давеча откопал в бабкином чулане. Выпущена она была в восемьдесят лохматом году, в славном городе Боброве — центре советского гитаростроения. Бабкин чулан оказался идеальным местом для хранения не только хлама, но и отечественных акустических гитар. Корпус, со следами былых пьянок, сохранился идеально. Даже не отсырел и не покорёжился ни разу.

А вот струны сгнили. Но тут мне Чиж на помощь пришёл. Точнее батя его спонсорскую помощь оказал. Так что, у нас теперь гитарный дуэт вырисовывался.

Хотя, я опять слегка перескочил в повествовании. А дело было так.

Получив по заднице, Чиж ретировался обдумывать своё поведение. На следующий день после нашей беседы с участковым, усатый блюститель правопорядка натянул деревенских самогонщиков по полной программе.

Пригрозив сельчанам введением жёстких санкций, он, насрав на все статьи, нормы и нормативы отечественного законодательства, ввёл мораторий на производство домашнего алкоголя.

Несогласных и особо умных, вопивших, что для себя гнать можно, озверевший майор закрыл на пару дней в райотделовской кутузке.

На тихих жалобщиков, прилюдно молчавших, но в тихую строчащих кляузы во все инстанции по любому поводу, Петрович наваял такие компроматы, что искатели справедливости прониклись и обещали не отсвечивать до скончания лета.

В Любавино и в Бухарино озверевшим участковым брага была уничтожена под ноль. Бабы в голос выли, а мужики слезой давились, видя, как бессердечный блюститель правопорядка опустошает тару с вызревшей бражкой, путём переливания жидкости из фляг в компостные ямы, под садовые деревья и другую огородную растительность.

— Ещё спасибо за урожай потом скажете, — глумился участковый.

Готовый продукт у населения был реквизирован и томился в закромах любавинского участкового пункта полиции. Отобранный самогон мент пообещал вернуть пострадавшим от ментовского произвола сразу после отбытия городских гостей в родные пенаты. Объединённые общим горем любавинцы и бухаринцы, в отместку решили забить на работу.

Не прокатило.

Местные агро-магнаты таких люлей им ввалили, что работягам обоих полов пахать пришлось от этого дерева и до вон того столба из соседней деревни.

Без перерыва на обед и прочих льгот.

Разобравшись с населением лысый импотент, и это одно из самых культурных и безобидных прозвищ, данное Петровичу сельчанами, прикатил в гости к моей бабке.

— За неделю до праздника мораторий на алкогольную продукцию домашнего производства будет частично снят. Новая брага не вызреет, выгнать не успеют, — уверял Петрович, крайне довольный проведенным оперативным мероприятием. — Я пару раз ещё подворовый обход проведу, нарушителей моратория показательно покараю! Так что, как говорится, вам и карты в руки. Смотрите мне! Не обосритесь, бизнесмены херовы! И чтобы потравленных не было! — наставлял участковый меня и Чижа, явившегося по зову участкового.

За выданные люля малой на меня всё ещё злился, и я даже очканул слегка, не сдаст ли..

— И чтобы ни одна собака не узнала, чего вы тут готовите! — продолжал нудеть Петрович. — А то если нечаянно кто-то из мужиков узнает, кто инициатор сухого закона, эх и не поздоровиться кому-то, — тыкнул он в меня пальцем.

Подставлять ретивого борца с “зелёным змием” и конфликтовать с пострадавшими от ментовского произвола местными бутлегерами нам было не с руки. Чиж побурчал для приличия и согласился мутить бизнес по тихой грусти в бабкиной бане.

Бабку, естественно, в курс дела ввели. Старушка заверила, что на неё можно положиться и нашу тайну она унесет с собой в могилу.

На второй день после визита участкового я бегал по двору, как в жопу ужаленный. Нужно было срочно найти кучу тары, в которой можно сотворить брагу. Параллельно я прикидывал, а где бы надыбать сахар. Да побольше, да подешевле. Собственно в процессе этих поисков я и обнаружил свою бобровку.

А тары и сахара было мало. Пришлось наведаться в бабкин сарай, где, сколько я себя помню, всегда хранился всякий “нужный” хлам.

То, что я там увидел, повергло меня в натуральный шок.

— Ба, вот скажи мне, нахера тебе столько сахара? — вопрошал я, разглядывая закрома запасливой старушки.

— Мал ты ещё! Не понимаешь! Сахар, гречка, соль, тушенка и спички — это же товары первой необходимости. Этого всегда должно быть с достатком, — возмущалась запасливая родственница. — Это мой стратегический запас на случай пандемии или ядерной войны.

— Ба, да на твоих запасах рота солдат месяц протянет. Причем, служивые не то что не оголодают, а ещё и по десятку килограмм прибавят. — Семнадцать мешков сахара, каждый весом по пятьдесят килограмм, — воздел я руки к небу.

— Двадцать один, — злобно зыркнула на меня бабка. — Очко.

— Тридцать коробок с тушенкой, пять сундуков с гречкой и три мешка соли, — перечислял я, не обращая внимания на бабкины подколы.

— И чего? — не сдавалась бабка.

— Да ничего! Не съешь ты столько! Сгниет это все к херам собачьим, — возмущался я. — А если не сгниёт, то крысы сожрут.

— Все не сожрут, — не сдавалась старушка. — У меня тут сторож хороший. Васькой

зовут. А что злыдни хвостатые понадкусывают, то спишем на инфляцию.

В своем мнении о необходимости стратегического запаса бабка, пережившая восход, расцвет, закат СССР и много чего ещё, была непоколебима.

— А если тебя это так задевает, то пусть это будут мои инвестиции в наше светлое будущее. Банкам и государству я не доверяю. Плавали, знаем, как они могут. Раз и под матрасом не накопления на достойный уход в мир иной, а куча цветных фантиков, которых, разве что, на потрепанный веночек хватит. А на тушенку и гречку инфляция не распространяется. Жрать всегда хочется, — аргументировала продвинутая старушка. — Будет чем, и помянуть, и чего на самогон выменять, а потом и могильщикам проставиться.

Я только головой покачал. Логика у бабки была железная. Не одной деноминацией и прочими кризисами подтвержденная.

— Окей, если это инвестиции, то они должны работать и приносить прибыль, — привел последний аргумент. — А у тебя, как минимум, в четырёх мешках уже камень, а не сахар-песок! Предлагаю, обновить и пополнить твои закрома путем пассивного вклада в одно очень прибыльное дело. Доход — три мешка свежего сахара сверх вложенного. По рукам?

— И мешок гречки сверху, — не сдавалась бабуля. — И это, ещё спичек бы пару коробок накинуть.

— Ба, а ты точно дояркой в колхозе работала?

— А что? — насторожилась старушка.

— Да ничего! Не колхозница, а натуральный биржевой маклер!

— Это ты меня сейчас обозвал что ли?

— Нет, блин, комплимент сделал, — психанул я.

Поверила мне бабка или только решила сделать вид, что всё пучком, я так и не понял. Но румянец на старушечьих щёчках заиграл.

— Десять мешков берёшь, двенадцать возвращаешь, — выдала бабка, после недолгих раздумий. — Ты это, не обижайся на меня. Бизнес, ничего личного, — с умным видом изрекла родственница.

После таких заявлений, ну никак не подходящих под типичную деревенскую старушку, я натурально челюсть на пол уронил.

— Это я в кино слышала, — попыталась отмазаться бабка. — Или опять скажешь, что это фейк?

Делать было нечего, а спорить — бессмысленно. Пришлось соглашаться на грабительские проценты, выставленные предприимчивой родственницей.

А к вечеру в калитку постучал Чиж. За утро звездюк пропсиховался, а к вечеру прозрел.

— Как сам? — поприветствовал я дружана, но тот лишь отмахнулся. — Заходи. Трудотерапия продолжается.

Вода во всё подходящее, что попало в мои цепкие лапы, была залита мной ещё по утраю. На закате, мы на пару с Чижом, засыпали в ёмкости сахар, долили теплой водички, закинули дрожжей.

На утро третьего дня мутная субстанция с легким хлебным запахом у нас бурлила в пяти старых алюминиевых флягах, в трёх огромных кастрюлях, в своё время честно стыренных из колхозной столовой, в нескольких десяти литровых банках, в тазиках и даже в банном ковшике.

Под роль основной бражной емкости был отведен банный котел, вмурованный в печку. Итого мы инвестировали полтонны сахара и получили дохрена браги.

— Бизнес требует жертв. И как это не прискорбно звучит, но недели две придется довольствоваться буржуинским хамамом, — с наигранным сожалением поставил я перед фактом Чижа, намекая на непригодность бани для гигиенических процедур.

— Пиво и девочки в комплект не входят, — хмыкнул малой.

— Будем пользоваться, что есть. Мы не привередливые, — подмигнул я.

Без движухи в деревне скучно. Дел то конечно хватает, но это рутина. Чтобы разнообразить досуг я принялся обучать Чижа музыкальным премудростям. Да и мне, как оказалось, нужно было пальцы в форму привести.

Оказалось, что звездюк не только проникся творчеством «Сектора», но и пробежался по хитам Хоя, разучив пяток трёхаккордовых композиций.

А когда я предложил выучить чего-нибудь серьёзное, забурчал, что там аккордов много.

— Ты же сам рвался на сцену. А чтобы тебя там закидали не ссаными тряпками, а влажными женскими трусиками, нужно репетировать, — мотивировал я балбеса.

Уболтал.

Сыгрались мы быстро. Я самозабвенно вспоминал соляки и кайфовал, подыгрывая Чижу. Малой в долгу не оставался и радостно горланил на всю округу, какой он ядерный молодец и про прочие тонкости деревенского быта конца прошлого века.

Успех был на лицо. И даже немного гордиться своим падаваном начал. Ровно два часа гордился.

На пятый день после беседы с участковым, когда мы с Чижом, как обычно, играли в моем импровизированном гараже по типу сарая, к нам заглянула бабка.

— Эй, артисты, выйдите ко двору, там к вам зрители пришли, — огорошила она нас. — Девчонки музыки желают.

Под девчонками, как оказалось, старушка подразумевала своих подружек. Судя по внешним признакам, ровесниц мамонтов и динозавров.

— Мальчишки, сыграйте нам что-нибудь, — одолели нас пенсионерки.

Я впал в ступор.

— Бабушки, да у нас репертуар специфический, — попытался отмазаться я.

Не прокатило. И подставила нас моя же бабка.

— А ты сыграй, что есть, а там посмотрим, — подмигнула мне бабуля, доставая из-за пенька стеклянную бутылку литров на пять, в которой плескалось что-то красненькое.

— Петрович, ирод такой, почти всю самогонку у населения реквизирует. Почитай неделю уже постимся. А душа праздника просит. Похоронные заначки приходится доставать, — заговорщицки подмигнула подружкам моя родственница. — На вишне настаивала. На чердаке от деда спрятала да и забыла. А сегодня полезла чеснок развешивать и нашла, — оправдывалась она, разливая настойку в красивые стопочки.

— От какого мужа то? Ты же своего мужика то лет пятнадцать как схоронила, — заподозрила неладное соседка бабка Анфиса.

— Да не от твоего, не бойсь. От сваво прятала и забыла. А он уже потом помер, — отмахнулась от ревливой соседки родственница. — Тваво то какой толк поить. Он пока портки стянет, уже запыхается, — поддела бабка соседку.

Пенсионерки радостно загалдели, явно намереваясь разделить на два лагеря и подискутировать, но стаканы были наполнены.

— Будем. Давай, бабоньки, за мужиков, что ли, — оглядевшись, провозгласила бабка первый тост.

А дальше, как в песне: “Дело было вечером, делать было нечего”. Или нет такой песни? А и пофигу. Чего такими мелочами голову забивать, если налили и нам.

Наливка оказалась шикарной. Никакой элитный коньяк или вискарь с ней и рядом не стояли.

Мягкая, терпкая, с легким ароматом летнего луга и ноткой коровьего помета. Короче, в жаркий летний вечер — самое то.

А потом мы сыграли. И спели. Выпили и снова спели. Потом бабки выступили с сольным номером. Потом я им уже подыгрывать начал.

Классический “Ой, мороз, мороз” горланили всей толпой. Причем разросшейся до неприличных размеров.

Радовало, что гости ещё пару заныканных на чёрный день пузырей притащили.

Если честно, то я даже и не заметил, как к нашей тусовке примкнули практически все жители нашего конца. А это почти три десятка человек в возрасте от пяти и до девяносто пяти лет.

Для тех кто в танке, уточню, Бухарино, по сути, это одна длинная улица. И так уж издревле повелось, что в нашем селе нет начала. Концы есть, а начала нет.

— Я на тот конец или я на другом конце села, — обычно говорили так, насрав на всю нумерацию домов, исторические факты и прочие аргументы.

Так вот, пока я, значит, пытался отбиться от возжелавших меня потрепать за всякое бухаринских бабок, восходящая звезда местной сцены примостилась между двух девушек-подростков, видать внучек наших слушательниц, и начал ездить им по ушам. Ну и пофиг бы на него, сидел бы да не отсвечивал, так нет. Нужно же понтануться.

Я решил порадовать благодарных слушательниц и зашел с козырей. Заиграл и затянул частушки, в которых из-за леса выезжает конная милиция.

Радостный народ инициативу подхватил, а этот звездюк сидит и, выражаясь интернетным языком, в комментариях срёт. Тут аккорд не мажорный, а минорный должен быть, там в ноту не попали, тут залажали. Маэстро диванный, блин.

Жару давать расхотелось. Доиграл я и с чувством выполненного долга свалил в сторону гаража. Народ поначалу запротестовал и, не дождавшись моего возвращения, гонцов за мной отправил. Пришлось вернуться, отмазаться, что у меня дел много, пальцы болят и вообще, дорогу молодым.

— Вон юное дарование просите, он всё знает и умеет, — кивнул я в сторону зазнавшегося Чижа.

Обломившиеся зрители, у которых душа яро требовала продолжения уличного концерта, прониклись и перекинули свое внимание на юное дарование. Минут двадцать Чижа и так, и этак упрашивали сыграть. Уболтали всё-таки.

Взяла “звезда” гитару в руки и обосралась слегка.

— Зови Санька (это они про меня вспомнили), этот только свистеть горазд, — резюмировала разъяренная публика, плюясь в сторону звездуна.

— Да ладно вам, я сейчас магнитофон лучше вынесу, — встала на мою защиту бабуля. — Бобинный.

Так постепенно посиделки переросли в дискотеку для тех, кому за шестьдесят. Молодежь рассосалась по своим делам, я залип в мобилке, читая про приключения космонавта, попавшего в далекое прошлое. А Чиж, собака сутулая, всё-таки склеил двух подружек и красиво так ушёл с ними в сторону заката.

Вот такой у нас веселый вечер получился.

Чиж, как ни в чём ни бывало, заявился ко мне ранним утром. Часов в двенадцать. Я как раз только глаза продрал. Обиды на малолетнего раздолбая у меня не было, но и проучить его было нужно. А то весь успех воспитательного процесса потеряется. Вот и терроризировал я его незамысловатым соляком из «Звёздной болезни», который как нельзя кстати подходил под эту ситуацию.

— Санёк, ты чего? — не выдержал Чиж, когда я в очередной раз “завёл” “Звёздную болезнь”. — Музыка прикольная. Не спорю. Но ты эту песню уже битый час играешь. Уши уже болят от неё.

— А это мстя за ваше поведение, молодой человек, — сумничал я.

— Ну, извини, не подумал. Думал, ты поймешь. Я же перед Никой и Евой понтануться хотел, — понурился, выдал малой. — Прости. Я честное слово, не специально.

— За титьку то хоть дали подержаться? — подмигнул я.

— Да ну их, — вздохнул дружан. — Весь вечер сидели и в телефоны втыкали и селфи своими понтовались. Я думал они на интересное мне намекают, уводя меня за село, а они на наших просторах крутых фоточек решили наделать. А раздеваться не захотели. А я чего, дебил что ли? Городские малолетки, чего с них взять, — сплюнул Чиж.

После таких слов обижаться на юнца было глупо.

— Ничё, — подбодрил я малого. — Давай репетировать. Мы с тобой на фесте так бахнем, что из желающих прикоснуться к нам, а потом и отдаться очередь выстроится.

— А чего мы тогда херней страдаем, — моментально возбудился малой. — Ты что сейчас играл? Покажи аккорды, я её петь буду!

Глава 21. «Самогонщик Corporation»

У нас есть своя фирма «Самогонщик Corporation»
Мы на дому устраиваем самогонный session
Мы с детства спекулянты, торгаши и алкаши
Борьба за трезвость нам приносит только барыши.
«Сектор Газа».

— День “Хэ” настал, — с умным видом облизав палец с остатками бражки, обрадовал я собравшихся в тесной бабкиной баньке.

— Сладости точно нет? — вставила свои пять копеек моя бабка.

— Отыграла досуха, — с довольным видом заверил я старушку.

— Значит можно гнать, — обрадовалась она.

К слову, мой приезд на неё весьма так не дурно повлиял. На вид вроде такой же осталась, ну может на пяток морщин меньше стало, а вот поведение...

Казалось, за месяц моя старушка помолодела лет на тридцать. Как минимум. Везде поучаствовать стремилась, к молодежи даже пару раз примазаться пыталась.

Вот и сейчас она натурально втиснулась вместе с двумя здоровыми лбами, это я себя и Чиж я имею в виду, в тесную деревенскую баньку, где абсолютно всё свободное пространство занимала тара с отыгравшей бражкой.

Баня была типичной и ничем не примечательной. Три на пять метров, если с улицы мерить и на глаз.

Парилка, помывочная и топочная — одно помещение. За стеной холодный предбанник.

Топилась баня по-черному. Это вроде так называется. Труба была, но из-за особенностей конструкции — обычная банная печь, сложенная из кирпича, стояла рядом с полатями, часть в помещение шла, а не куда положено.

Но это пока труба не прогреется.

Из-за этого были свои сложности. Прогорело всё в печке, заслонку в трубе прикрывать надо. Но не до конца.

А как угольки в печи потухли, вытяжку запираешь уже основательно. Потом с полчасика подожди и можно идти париться. А вот если останется какая головёшка тлеть при закрытой вытяжке, а ты в баню припёрся — рискуешь угарным газом надыхаться и навсегда в баньке этой остаться.

Вот такой вот деревенский экстрим.

Чтобы в такую баньку сходить без неприятных последствий, истопник опытным должен быть. А без знания нюансов или баню к чертям спалишь, или купающиеся надыхаются угара, и полетят их души жаловаться на нерадивого банщика куда следует.

Деревенские, конечно же, почти все на опыте. Хотя случается, что легкий угар цепают, но как правило, лишь сильной головной болью отделяются.

Нет бы строили, как цивилизованные люди, чтобы камни не открытым пламенем нагревались. Так же и безопаснее, и экономнее.

А эти почитатели традиций. Всё им по старинке подавай. Почитатели аутентичности, блин.

— Дайте ковшик, проверить надо бы, — запротестовал Чиж, прервав мои размышления

о сельских экстремалах.

— Ты своими проверками и так цельное ведро извел, — возмутилась бабка. — Убыток нашему предприятию нанес.

— Так вы сами меня надоразумили, что это “Хлебное вино”, и что девчонкам оно нравится, — съехидничал малой.

“Спелась парочка” — пронеслось у меня в голове, пока я с интересом наблюдал за спорщиками.

Чиж, несмотря на протесты бабули, всё же схватил банный ковш и от души зачерпнул из ближайшей фляги.

— Мне нравилось, но ведрами я это не глыхтала, — ткнув пальчиком в мутноватую субстанцию, плескавшуюся в ковшике, выразила свое “фи” старушка. — Я так, на доньшке. Для смелости и только за компанию, — приняв кокетливую позу, призналась бабка. — И не виноватая я, что компания у нас на красивых парней богатая была, а я с рождения скромная.

Вот чего-чего, а таких откровений я от неё не ожидал.

— А помнится мне, кто из вас двоих еще меня за излишнюю тягу к противоположному полу корил. А у самих рыльце в пушку! Так что, один-один. Брэк, — скомандовал я.

Крыть моим сообщникам было нечем. Так мы единогласно и пришли к мнению, что промедление в нашем деле смерти подобно. Единственное, что меня сильно напрягало, как перегонять такие объемы?

На бабкином аппарате — сорока литровая фляга, пара шлангов, сухопарник и змеевик из нержавеющей стали, мы даже за неделю не справимся.

Чиж предложил собрать ещё пару аппаратов из молочных фляг, валяющихся без дела в гараже его бати или пойти в ва-банк и спереть у Саньча чудо американского самогонварения.

Фермер одно время, как оказалось, тоже самогонку гнал. И даже из штатов аппарат моднячий заказал.

— В штатовский аппарат почти сто литров влазит. А чтобы успеть, гнать будем посменно: круглыми сутками на трех аппаратах, — аргументировал малой.

— Не успеете, — прищутив глаз, выдала свой вердикт бабуля. — Посчитайте, олухи, чтобы самогонку из двадцати литровой фляги выгнать часа три уходит. А теперь, кто в математике силен, пусть скажет мне, сколько вам времени нужно? И где столько плит взять? Греть то чем будете?

Прикинув сколько по времени займет перегонка почти двух кубов браги, даже на двух модернизированных и одном забугорном аппарате, и как мы угребёмся с этим нудным процессом, я впал в уныние.

— Эх, молодежь, — съехидничала моя бабка, насладившись нашими скорбными лицами. — Видимо, пришла пора дедовский аппарат доставать. Пошли на подловку.

— Куда? — затупил Чиж.

— На чердак, неуч, — наехала на малого старушка. — Гнать будем на царском аппарате. Он мне по наследству от моего деда перешел, — внесла ясность бабка. — Не аппарат — загляденье. Его ещё до революции сделали. Царь его, вроде как, нашему барину на юбилей подарил. Мне моя бабка так рассказывала.

— Так я из барского рода что ли? — приосанился я.

— Ну, может и есть немного. Святых в нашем роду не было. Может какая родственница когда-то и кому-то из барчуков и глянулась, — зыркнула на меня бабка. — А аппарат этот,

мой дед в семнадцатом году у барина реквизировал. Пока никто не видел, — просветила нас бабуля.

То, что обнаружилось на пыльном чердаке, нас с Чижом повергло в натуральный шок. У печной трубы лежала непонятная металлическая конусообразная херня.

И размером, и формой, эта штука отдаленно напоминала небольшой церковный купол. Цвет только был не золотистый, а какой-то плеснево-чёрно-зелёный.

И из того места, где в куполах крест обычно располагается, в нашем случае торчал небольшая трубка.

— Это чего? — завис я.

Эту хреновину я видел впервые. В юности бабка меня к чердаку и на пушечный выстрел не подпускала. Теперь я понял почему. Малолетний дебил, то есть я, легко мог разболтать всему селу, какое неведомое сокровище без дела пылится на чердаке бабкиного дома. А лишнее внимание в начале девяностых к таким девайсам были ни к чему.

— Конус от аппарата. Медный! — просветила нас бабка, горделиво расправив плечи. — Широким концом на куб ставишь, на эту трубку шланг надеваешь, к шлангу — змеевик. И все. Понеслась моча по трубам, — подмигнула нам старушка.

— Ба, а где же мы такой куб то найдем? — все еще не веря в мощь этого мощного самогонного девайса, озадачился я.

— Дурья твоя башка, — не выдержала бабка. — Ладно, этот молодой и безмозглый, — на ровном месте наехала она на Чижа, — Ты-то соображать уже должен! В бане у тебя в печку что вмуровано? Ты думаешь прадед твой дураком что ли был?

— И, правда — не дурак, — протянул я, сложив два и два. — Это же надо додуматься то. А сколько там влезает то?

— Триста литров, — как будто ожидая этого вопроса, рапортовала бабка. — А ну навались. В последний раз на этом аппарате к моей свадьбе угощение гнали.

С горем пополам, а спустили мы с чердака этот самогонный мегадевайс. Еле-еле через чердачный лаз его протащили. А потом мы с Чижом часа два приводили древний конус в порядок. Драили его песочком и водичкой колодезной омывали. Все в лучших народных традициях. И засверкал он у нас...

У котлов так не блестят.

— Так, ты дуй за дровами, да коли их помельче, — скомандовала бабка Чижу, когда мы с горем пополам водрузили древнее произведение самогонного искусства на банный котел. — А ты, — это она уже ко мне обращалась, — дуй в сарай и принеси из сундука корыто со змеевиком и там еще два шланга где-то были. Их тоже неси. Сундук в дальнем углу стоит. Клеенкой накрытый. Сокровища в нём.

Когда мы с Чижом выполнили полученные квесты, бабка с завидной ловкостью разложила в печке мини-костер, запалила его с одной спички и дособирала аппарат.

— Разгорится, закинем полную топку, — успокоила она нас.

А дед был действительно не дурак. Куб грелся в парной, а шланг, который к змеевику прикрепляется, через специальное отверстие в стене выходил в предбанник.

— Ба, а он же пропускать будет, — засомневался я в надежности конструкции. — Герметичности то между кубом и конусом нет. Прокладку надо было, наверное.

— Прокладкой прошмандовкам своим срам затыкать будешь, — наехала на меня бабуля. — А тут мы место соединения специальным герметизирующим веществом намажем! Тесто называется. Слышал про такое?

Я молчал и с недоверием смотрел на бабуку.

— Пар же, тем более под давлением, тесто банально разорвёт и все наружу пойдет, — запротестовал я.

— Вот дурак. И чему вас только в школах учили, — закатила глаза старушка. — Тесто, намазанное на холодное, при нагревании просто высохнет. А пока там всё закипит, тесто запечется и всё надежно скрепит.

— Бабушка, вы втираете нам какую-то дичь, — встрял в беседу Чиж. — Даже чисто теоретически...

— Цыц, сопляк! — гаркнула старушка. — Хватит мне голову морочить. Теоретики херовы. А ну шагом арш за мукой! Щас вот убедитесь, что мой способ работает, а потом с сорняками на моем огороде бороться будете, пока все не изничтожите! — разошлась опытная самогонщица. — А тут я сама справлюсь!

Мотивация была зверская. Выполнив все указания, мы уселись в предбаннике и начали гадать, что и как у нас получится.

Минут через пять, Чиж было запаниковал, что наша активность привлечет к нашему мини-заводу ненужное внимание односельчан.

— Слетятся, как мухи на то самое и хорошо, если просто всё выпьют. У мужиков же вынужденный пост больше недели идет. Соскучились по самогону. Могут и по морде дать, — паниковал малой.

— Не очкуй, — успокоила его бабука. — Мужики сейчас в поле. А теперь, думай! Петрович свой мораторий три дня назад снял. Да и не принято у нас своих сдавать. А вот вечером на огонек, по-соседски, заглянуть могут. Типа, мы ничего не видели, но налить надо бы. На этот случай мы под яблонькой полянку накроем и первачка гостям поставим. А чтобы по мордасам бить — это не про нас. Любавинские могут, бухаринские — нет. Так что не ссы в компот.

Но малой продолжал паниковать. Видите ли, сомнения у него вызывает древний аппарат и бабкин способ перегона. То дефлегматор какой-то ему подавай, то два перегона, как минимум нужно.

Рассуждения молодого напарника бабуля слушала в пол уха. Как радио. Я же предпочитал соблюдать нейтралитет и старался сохранять спокойствие, наблюдая за языками пламени, лизавшими дно мегакуба.

И тут, почти через полтора часа после начала погона, случилось это! В змеевике что-то забулькало, потом заклокотало, а из трубки самопального холодильника донесся запах уксуса и спирта.

— Разгребай огонь, — запаниковала бабука. — Головы пошли.

Аппарат исправно пыхтел, герметик из муки и воды со своей задачей справлялся на отлично.

Пришлось признать бабкин авторитет и смиренно выполнять её указания.

Пока мы по очереди орудовали кочергой, то раскидывая угли в печке, то сгребая их, с меня семь потов сошло. С Чижа может и побольше даже. Благо, что бабука перед погоном что-то в железном коробке, где камни, на которые водой брызгают, лежат, постукала и теперь тяга была ого го. Весь дым сразу в трубу тянуло.

А то поугорали бы мы тут, нахрен.

— Вот теперь нормально. Видишь, капает равномерно — значит, нужную температуру для отбора голов поймали, — соизволила объяснить бабуля. — Готовь дрова! На тело больше

топлива нужно. Там тонкой струйкой уже течь должно. Воды холодной ещё натаскайте да тару под самогонку из сарая тащите.

— Ба, так нет свободной тары то? — напомнил я.

— Вот вы дельцы, — всплеснула руками старушка. — Дуй тогда в погреб, там, в десятилитровой банке, огурчики маринуются. Тащи это дело сюда. Огурцы мы на закуску пустим, а что не съедим, в ведро ссыпем, а в банку готовый продукт собирать будем, — сориентировала она нас.

Пока мы выполняли указания опытной самогонщицы, в здоровый банный ковшик накапал уже целый литр первака.

— Дровишек подкиньте и если не боитесь, можете первачка по писярику дерябнуть, — подмигнула мне бабка. — Только немного, а то пипирка отвалится.

— Чёт мне вообще самогон расхотелось пить, — скривил морду младший истопник. — Воняет от него. Бражка испортилась, наверное.

— Да что же ты меня сегодня нервируешь то? — всплеснула руками старушка. — Это же головы! Я же тебе сказала, много выпьешь, пипирка отвалится.

— Так вы же этим дорогих гостей потчевать собрались, — напомнил Чиж.

— На халяву и уксус сладкий, и хлорка — творог. Это не я придумала, пословица такая, — назидательно произнесла она. — А предложила, чтобы вы в другой раз этой дрянью не перепились.

Культпросвет бабуля вела без отрыва от производства. Периодически она ловила своим сухим пальчиком каплю, растирала ее на ладони и жадно втягивала самогонный дух.

— А вот сейчас уже можно дровишек добавлять и тело собирать, — распорядилась самогонщица, после того, как ловко поймала пальцем очередную каплю и удовлетворилась качеством продукции нашей фирмы. — Тело — это то, что и самим пить можно, и на праздничный стол для желанных гостей поставить не стыдно.

Огонь мы раскочегарили и через пару минут вместо кап-кап со змеевика зажурчало.

— Дай-ка стакан, — потребовала бабка. — Вот теперь пробу пора снимать.

Когда в гранёный стакан накапало грамм сто, старушка резко выдохнула и залихватски опрокинула в себя содержимое.

— Ух, — крикнула бабка. — Хороша, молодильная водичка то, — блаженно протянула она и смачно занюхала малосольным огурцом. — А вы чего? Зассали что ли? — провоцировала нас старая.

А вот это она зря сказала.

— А давай! — махнул я рукой.

— А держи, — улыбнулась бабка, протягивая мне граник, в котором плескалось грамм пятьдесят.

Подражая старушке, я выдохнул и лихо опрокинул в себя наш самогон. И застыл.

Нет, самогон то провалился, а вот ни вдохнуть, ни выдохнуть я не мог. Лоб испариной покрылся, морда красная.

И всё.

Так и стоял с открытым ртом, хватая руками воздух, а по лицу катились огромные капли пота.

— Выдыхай-выдыхай, бобёр! Занюхай! На огурчиком занюхай. А может водички? — суетилась вокруг меня бабуля.

— Ааа, — выдал я.

— Огурец на, — заткнула мой рот малосольным лакомством бабка.

Вот что значит опыт и понимание. Только я откусил огурец, как во рту заиграла целая гамма вкусов.

— Фух, — выдохнул я, вытирая лицо. — Это что было?

— Самогоночка, — протянула бабуля, окинув меня непонимающим взглядом.

— А чего крепкая то такая? Я же думал, ты первак отдельно собрала, значит, нормальная пошла. Сколько в ней градусов то? — осипшим голосом уточнил я.

— Да нормально там. Градусов семьдесят. Ну, может чуть больше или меньше. Чего ты начинаешь то! Как будто в первый раз, — разворчалась старушка.

Протестовать я не стал, меня накрыло. Приятное тепло растекалось по телу. Натуральный такой оргазменный спазм словил.

Даже с бабушкой ругаться расхотелось.

— Ты в целом то, как? — проявил интерес к моей персоне Чиж.

— Кайф, — блаженно протянул я. — Словами не передать. Круче, чем потрахать. Бахни — поймешь, — попытался я описать своё состояние.

И, кстати, ни разу даже и не соврал. Все именно так и было. Хер его знает, как так получилось, но самогон прочистил мой мозг, а тело начало требовать активности.

— Не, я потом. Подожду пару часов, посмотрю на вас, — включил заднюю малой. — Да и дел ещё много.

— А вот это верный подход, — похвалил я. — Бабуль, сколько на все погоны дров то нужно? Чет меня на работу пробило.

Воистину чудной самогон получился. Топор летал, как заводной. Дровяная куча росла с завидной быстротой, но усталости я не ощущал.

— Эй, стахановец, хорош уже, — окликнула меня, выглянувшая из предбанника бабуля. — Покури хоть. Битый час без передыху топориком машешь.

Ну, если предлагают, отчего же не отдохнуть. Тем более что горючка потихоньку уже отпускать начала.

Решил дозаправиться и попутно проверить, чего там в бане интересного творится.

А в баньке все шло своим чередом. Десятилитровая банка наполнилась примерно на половину. Чиж успел набить руку и уже без подсказок периодически шерудил в топке кочергой или подкидывал пару поленьев.

— По струе ориентируюсь, — пояснил он. — Процесс чувствовать надо. Это не газ, обороты быстро не убавишь, — важничал малой. — Поймал жар и держишь его.

Обидно даже стало. Ненужным себя почувствовал.

— Ты иди, поспи пару часиков, — насыпала соли в сахар бабка. — Чтобы к сроку успеть, нам четыре — пять погонов нужно сделать. Один погон — это часов шесть. Как минимум, — рассуждала старушка. — Как раз отдохнешь, часа через четыре придешь, будешь котел от остатков освободить и новую порцию заливать. А потом всё по кругу. Пока ты управишься, мы отдохнем.

— Ба, да не устал я, — запротестовал я.

— Иди, тебе говорят. Нам легче, а тебе сначала литров сто пятьдесят кипятка вычерпать надо будет, а потом триста литров готовой бражки обратно залить.

— В подсобники, короче, перевели, — буркнул я.

— На, пробу сними и дуй баиньки, — тоном, не терпящим возражений, выдала бабуля.

Так я превратился из идейного вдохновителя и лидера, в «принеси-подай, иди нахер, не

мешай».

И бабке же ничего поперек не скажешь. Она, считай, самую трудную задачу решила. Да и самогонка у нас хорошая получается.

Бахнул я стаканчик, закусил огурчиком и отправился в сонное царство.

Вернулся в назначенное время и охренел. Бабка орудовала в бане одна.

— Малец к бате за аппаратом побежал, — отмахнулась она. — Я тут прикинула, не успеваем.

Несмотря на самогонный мегааппарат, как оказалось, мы не укладывались в сроки ну никак. Опытная бабка, к слову в свое время рулившая в колхозе доярками, решила подключить скрытые резервы. Достала свой сорокалитровый кубик, Чижа к бате послала.

К ночи мы удвоили производительность нашего предприятия практически вдвое.

В общем, гнали мы два дня и три ночи, строго соблюдая технологические перерывы, чтобы аппарат остыл.

Спали урывками. Не доедали и не допивали, без устали сливая брагу с осадка, разбавляя готовый продукт и фасуя наш товар по бутылкам. А тару ещё и отмыть же нужно было.

Движуха знатная шла.

К моему удивлению, соседи к нашей активности любопытства не проявляли. Да и как только из нашей бани понесло свежим самогоном, аналогичный аромат раздался и из соседних дворов.

Ошибся Петрович в своих расчетах.

Бухаринцы денёк погоревали, а потом в укромных местах бражку поставили. Кто-то даже в лесу схроны делал. Пацаны деревенские рассказывали.

Пятьсот двадцать литров сорока градусного пойла у нас в итоге получилось. Самогон был шикарный. С легким ароматом дымка, с еле уловимым привкусом дрожжей.

Минусы, правда, тоже присутствовали.

После первого стакана пробивало на движуху, а после второго стакана душа стремилась ввысь, а потом возвращалась, и тело начинало настоятельно требовать уединения с противоположным полом.

Жидкий аналог виагры у нас вышел.

Я когда это дело чухнул, вначале не поверил, а потом на дедке соседском испытал. Хер его знает, встал у него или нет, но через пять минут после его скорого отбытия восвоеси в ночной тиши отчетливо были слышны охи и ахи бабки Анфисы.

— Во дает, старый дурак, — завистливо протянула родственница. — Семьдесят семь лет недавно же отмечали. Анфиска его уже и хоронить намылилась, а он ещё ого-го оказывается, — облизнулась бабка.

— Даа, — согласился я. — С таким самогоном мы и денег заработаем, и программу по повышению рождаемости в отдельно взятом районе выполним. Надо еще проверить, как наша самогонка на девок действует.

— Ты губу то заката. Натаху твою я к нашему двору даже и близко не подпущу, — огрызнулась старушка.

Глава 22. Ну где же вы, девчонки?

На дворе гармонь орет и бухло рекой течёт,
Не устанет никогда казак бухать,
Литр, два, четыре, пять, мало наливай опять,
Самогон давно устали бабки гнать.
“Сектор газа”

Горланил я, сидя на пеньке около бабкиного палисадника. Хотя в сложившейся ситуации больше бы подошла песня, в нулевые лившаяся из каждого утюга. “Ну, где же вы, девчонки?” называется. Там по сюжету двое крутых перцев подруг не могли найти. Так и у меня с Чижом аналогичная ботва вышла.

Но я оптимизма, в отличие от Чижа, не терял, а потому и исполнял “Казачью”, реализуя свой коварный план “Капкан”.

Ну а если по порядку...

Девочек, подходящих под параметры нашего научного эксперимента, в родном селе мы не обнаружили. В идеале, нужны были симпатичные и в меру скромные крали. Чтобы и не ляди какие, но и частично лишённые моральных принципов. Задача была не из легких.

Если по факту, то из имевшихся в наличии жительниц Бухарино четверть не подходила по эстетическим параметрам, половина по возрастному цензу. Оставшиеся почти полным составом провалили экзамен ещё на заочном этапе.

И даже не догадывались об этом.

Правда, их никто и не спрашивал. Нас бабкина характеристика их морального облика огорчила.

Бабуля, которая естественно была в курсе моей затеи, нам так и сказала: “Они после любого алкоголя сами в койку прыгают”.

Сей факт, конечно, радовал, но ставил под сомнение суть эксперимента.

Можно конечно сгонять в Любавино, как изначально предложил Чиж, но я не привык ходить легкими путями. Да и там расклад примерно такой же вырисовывался.

— Нормальные героини всегда идут в обход. А мы же с тобой нормальные героини? — озадачил я малолетнего дружана, когда солнце начало клониться в сторону заката и мы с ним отдохнувшие после отбывания трудотерапии на бабкином огороде, сидя под яблонькой, продумывали детали алкогольно-эротического эксперимента.

— На уже испробованных нами девках, погрешность больно большая, — вздохнул я, продолжая копаться в памяти на предмет “А не забыли ли мы часом про какую-нибудь местную парочку смазливых подружек.

Балбес завис.

— Мы хотим что сделать? — попытался я направить ход чижовской мысли в правильное русло.

— Тёлок снять и потрахать, — не задумываясь, выдал малой.

— Дебил, — вздохнул я. — Не тёлок, а девушек. Причем, желательно, примерного поведения. Чуешь разницу? — назидательно изрёк я.

— Заметь, по второму пункту вопросов не возникло, — попытался уязвить меня малой. — А с этими, недотрогами твоими. Чего с ними делать? В шахматы играть и стихи Пушкина по очереди декламировать?

— Да хотя бы и так, — я расплылся в улыбке, услышав из уст юнца новое слово. — Ты вот кроме как “У Лукоморья дуб зелёный”, что-нибудь знаешь? Хотя я и про Лукоморье то, по ходу, погорячился, — скривился я, наблюдая за ходом мыслительного процесса своего собеседника.

Он, это я про процесс, у него на лице отражался. Только что скрипа мозжечка слышно не было.

— Слышь, не дави интеллектом. Задрал ты уже со своими загадками, — сдался Чиж.

А вот это уже другой коленкор. Подростающее поколение спешно капитулировало, признав мое превосходство во всём.

— У нас научный эксперимент! — принялся втолковывать я малому. — Сами ни на что не намекаем, только наливаем и ведём скрытное наблюдение за подопытными. А в случае удачи, получаем удовольствие.

— Считай, провели, понаблюдали и обломились, — усмехнулся дружан. — Пока гнали, бабанька твоя сколько стаканов приняла? — съехидничал Чиж.

Я задумался.

— Не считал, — честно признался я.

И тут до меня дошло, куда он клонит.

— Ты на что тут намекаешь? — состроил я злую морду, потирая кулаки.

— Ни на что. Констатирую факты, — на полном серьёзе выдал малой.

— Так, а может она на пенсионеров не действует? — встал я на защиту моральной чести пожилой родственницы.

— Ага, иди это бабке Анфиске расскажи, — заржал малолетний извращенец. — Сколько раз она уже за допингом для своего деда забегала?

— А иди ты, — отмахнулся я.

— Не, ну проверить то надо. Я жуть как всякие эксперименты обожаю, — пошел на мировую Чиж. — Да и с телочкой жопастьенькой я бы пообжимался, — мечтательно протянул он.

— А как же Ксюха?

— Да ну её. У нее муж бухать бросил. Я вчера ночью к ней приехал, а там из дома такие “охи” и “ахи” под скрип кровати... В порнухе так не стонут, — сквозь зубы буркнул малой. — А я тоже старался. А со мной, ойкнет пару раз и всё, — продолжал изливать мне душу Чиж.

Да, первый опыт он такой. Юношеский максимализм. “Я самый лучший и никак иначе!”

А что мы поимели по итогу? Опытный синчер, у которого встает по праздникам и с третьей попытки, доказал самопровозглашенному секс — символу мажористого происхождения, что размер и опыт всё же имеют решающее значение.

А если нет подходящего экземпляра, то скрасить досуг и притупить секуальный голод, может любой. В нашем случае, этим любым оказался Чиж.

Но излагать свои соображения я не стал.

— Это она симулировала. Жёнам так положено, — успокоил я Чижа. — Не бери в голову, бери в рот, — похлопал я его по плечу.

— Спасибо. Эээ. В какой рот? Ты на что намекаешь? — начал злиться Чиж, моментально позабыв про подлую Ксюху.

— Ну вот, узнаю балбеса-другана, — заржал я, приобнимая юнца. — А то развел тут.

Команды впадать в уныние не было! Погнали на прикормленное место. По ходу всё обрисую.

Что не говори, а привязался я к нему за эти полтора месяца. Да и Чиж, к моему удивлению, чаще тусил со мной, а не с деревенскими. Вот и сейчас он, озадаченно пыхтя, шествовал позади.

— Есть одна тема интересная, — назидательно произнес я, когда мы вышли на оперативный простор сельской улицы.

Чиж недоуменно оглядел окрестности бабкиного палисадника и ничерта не понял.

— Услышав рёв самца, возбужденная самка сама спешит на случку, — голосом легендарного диктора Дроздова обнадежил я Чижа, располагаясь на покосившейся лавочке около бабкиного палисадника. — Тащи гитары, стаканы и жидкость для снятия девочек! Самок завлекать будем.

Вопреки возмущениям и требованиям малолетнего напарника, операцию решили начать трезвыми.

Первые две песни вышли на троечку. Потом я разошелся, да и Чиж не подводил. Бодрился даже. Подвывал, где нужно. Подыгрывал.

Спустя час в успех мероприятия я уже не верил, но и опускать руки не хотелось. Нужно же образ посона на все сто процентов уверенного в верности своих действий поддерживать. Чиж только моей уверенностью и питался. Вон, каждую минуту на меня глядит с надеждой. Как будто я волшебник.

Рукой махну, бах, а тут и крали. Но их не было.

После восемнадцатой песни уверенность потерял и я. Перекурив, решил действовать согласно заветам предков: ждать у моря погоды или тусить в тепле на печке. Ни первого, ни второго у нас не было. Довольствовался чем придется: пеньком и палисадником. Сидеть было скучно, решили продолжить концерт.

Репертуар иссякал, настроение падало. Один габитус рвался в бой. Но не клевало.

— Слышь, самец, ты или ревёшь как то не так, или в наших пенатах самки глухие, — подлил масла в огонь Чиж, когда солнце уже частично скрылось за санычевскими полями, а моя луженая глотка требовала самогона и покоя.

Шутка ли, два часа уже девок увлекаем, а горизонт так и оставался девственно чистым. Даже бабки на улицу носа не показывали. Как позымерли все.

— Да иди ты, — огрызнулся я. — Когда “Лирику” затянул, слышал, как собаки прониклись. Какой жалобный вой над селом стоял, — набивал я себе цену, смотря в глаза юному падавану. — Не то, что некоторые... Херли с вас взять то. Мобильное поколение, чтоб вас. Позатыкают уши беспроводными девайсами и пыжятся, разбирая бубнеж слащавых пидоров, — разошелся я.

— И совсем не бубнёж, и даже не пидоров, — перебил мою тираду возмущённый девичий голос. — Это у них просто сценические образы такие.

— И поют они во много раз лучше вас. И симпатичнее, — поддакнул второй голос. Тоже девичий.

А вот это уже был результат. Голодные самцы всё-таки приманили двух неизведанных самочек. А то, что знакомство началось вовсе не романтично — это дело десятое.

Мне-то хорошо было известно, что если противоположный пол с первых минут знакомства не показал свое расположение, то это ещё ни разу не показатель. Тут, как говорится, язык до соития доведет. В том смысле, что приболтать можно.

Ну а чтобы уложить — вначале нужно расположить, это всем известно. А неловкая

пауза затягивалась.

Я тупо пялился на Чиж, перебирая в голове шутки юмора, которые поразят или хотя бы зацепят незнакомок.

Не придумав ничего умного, я подмигнул Чижу и пафосно так, поднял глаза, постаравшись скрыть интерес.

Я чуть с пенька не навернулся, когда увидел, кто заглянул к нам на огонек. На первый взгляд девушки, лет семнадцати от роду, совершенно не подходили под параметры, озвученные мною два часа назад.

Перед нами стояли два милейших создания. Блондинка повыше, а брюнетка — посисястее. А в остальном, воистину, две подруги из ларца, одинаковы с лица. В меру веснушчатые лица, тонкие губки, школьные косички, в которых только что бантиков не хватает, коротенькие топики, подчеркивающие красивую грудь и бесформенные штаны.

Размеров на пять больше положенного.

Но удивило меня не это. Ощувив на себе плотоядный мужской взгляд, гости слегка повернулись и я охерел. Натурально завис... У них были острые уши!

— Не, ну это же точно не родные, — возбудилась в моей голове шальная мысль. — Хотя... Может уже и родные. Пластические хирурги сейчас чудеса творят. Только успевай бабло отстегивать.

Как бы там оно не было, а судя по видимым анатомическим признакам, перед нами стояли две подруги, живущие в своей, остроухой действительности. Параллельной нашей.

А что самое интересное, эту пару смазливых эльфиек в своих пенатах я видел впервые.

Чиж, судя по отвалившейся челюсти, тоже.

— Ты на эльфийском, случайно не шпрехаешь? — толкнул я в бок юнца.

— Ааа, — отозвался он.

Гости шутку юмора не оценили. Презрительно хмыкнув в нашу сторону, они уже начали разворачиваться.

Более медлить было непозволительно.

— Надвигаются тёмные времена. Орки Кемь взяли, а Фёдор с Сеней на связь не выходят. Мерин с Пипином ещё куда-то запропастились, — выдал я фразы с единственного просмотренного в юности фильма, где мелькали остроухие.

В оригинале там, конечно же, чутка не так было, но я его смотрел в правильном переводе. И давно.

— Кого позвать? — переглянувшись, практически синхронно спросили гости.

Отступать было поздно. Решив, что лучше прослыть дебилем, я продолжил грузить молодежь.

— Шутку понял. Оценил. Смешно, — выдал я на серьезных щах и, повернувшись к Чижу, добавил. — Явка провалена. Передай в центр, мегакольцо просрали, — вылил я на охреневшего подростка очередную порцию ахинеи, постаравшись изобразить на своей морде глубочайший трагизм.

Чиж пялился на меня и тупил, как баран перед новыми воротами. Девчёнки вроде заинтересовались, но интерес-то поддерживать и разжигать надо. И мое сольное выступление тут не проканает.

Пришлось театральным жестом, наполненным скорбью, приобнять этого патлатого баклана и даже носом шмыгнуть для пушного эффекта.

— Санёк, я не буду это трахать, — просипел мне на ухо Чиж, начавший постепенно

приходить в себя. — Чё у них с ушами, а вдруг это заразно? — начала разводить панику местная звезда рокенрола.

— Молчи, придурок, — прошипел я в ответ, пытаюсь выудить из глубин дырявой памяти хоть одну оригинальную фразу, которая поможет нам навести мосты с толкиенистками.

А что это были они, я не сомневался. Ну или эти подруги в “Ведьмака” переиграли. Кажется, там остроухие тоже были.

— Ааа, я, кажется, поняла! — протянула титястая.

— Что? — недовольно зыркнула на неё подруга.

— Дяденька познакомиться с нами хочет. Причем, оригинальным способом. Всё по олдскулу.

Так меня ещё не обзывали.

“Дяденька”.

Обидно даже стало. Да я как Карслон, только-только вошёл в пору самого расцвета сил. Да и до пенсии мне, как до Пекина в позе буквы “Зю”.

Но вдохнул, выдохнул, улыбнулся и...

— Мадемуазель, вы крайне догадливы и к тому же просто обворожительны. Ваши ушки заставляют мое сердце биться, как будто я смертельно перепуганный кролик, только что ускользнувший из-под самого волчьего носа, — принял я её правила, все же скрипнув зубами.

Ну а что? Олдскул, так олдскул. Эта титястая даже и не догадывается, как я могу. А за дяденьку я ее анально покараю.

Но потом.

— Ну, я же говорила. Они не такие, как все, — заулыбалась титястая. — Я Марина, а это Катя, — кивнула она на подругу.

— Филин и Чиж, — жестами показав, ху из ху, представил я самцов.

Ну, вот захотелось мне так. К тому же, я их даже ни разу не обманул. Матвея уже полсела только Чижом и называли. Ну а я... А что я? Я им свою фамилию назвал.

— Кать, ты смотри, какая наглая стайка, — продолжала активничать Марина.

— Ага, клювы раскрыли, того и гляди налетят и затопчут. А потом ещё и обгадят до кучи, — буркнула подруга.

На такие безобидные подколы в свой адрес, если сравнивать их с “дяденькой”, я не обратил совершенно никакого внимания. Был спокоен, как удав. Точнее, филин.

— Мы не такие, — внезапно оживился мой балбес. — Мы тут, это. Чилим. Круто так чилим. И тут, бах! Вы не поверите, такие тяночки из мрака выплывают.

— Чё сказал? — не въехал я.

— Затролили дедушку! — чуть ли не синхронно прокричали подружки и прыснули со смеху.

— А пошли вы! — махнул я на них рукой. — Напиток богов будете? По писярику. В смысле, по пятьдесят грамм. За знакомство.

— Пряма богов? — заинтересовалась Катя.

— Ну, дык, — заверил я, доставая из-за пенька пузырь с нашим эликсиром и пару гранёных стаканов.

Девки от такого расклада зависли. Видно было, им и хотелось и кололось.

— А вы чего? Не будете что ли? — засомневалась Марина.

— Напоить и трахнуть нас решили? — вроде как с надеждой спросила Катя.

— Будем. Нет. Не отказался бы, но только по обоюдному согласию, — успокоил я подруг.

Мой невнятный ответ их явно не удовлетворил. Титястая даже рот открыла, чтобы отмазаться, а потом утянуть подругу в закат.

— Наш напиток богов по старинному рецепту сварен. Его вкус только в такой посуде раскрывается, — пошел я ва-банк. — А чтобы вы, милые девушки, убедились в нашей честности, предлагаю пить на брудершафт. Можно без поцелуев, — заверил я Марину, протягивая ей стакан с эликсиром.

— А это мы ещё посмотрим, — улыбнулась мне титястая, принимая стакан.

На её лице играла хищная улыбка. Мне даже неуютно как-то стало.

И пока я охреневал от таких раскладов, Марина меня добила. Она залпом влила в себя всё содержимое стакана. А я в него от души накапал. Грамм сто пятьдесят. Как минимум. И даже не поморщилась, а наоборот, вроде как во рту покатала наш продукт.

Я её даже зауважал.

— А мне? — вывела меня из ступора Катя.

— Я, кажется, влюбился, — судорожно сглотнув, выдал я, поворачивая голову в сторону Чиж.

У малолетнего балбеса видок был тот еще. Застыл с пустым стаканом в руке. Пришлось его толкнуть и волшебный подзатыльник отвесить, чтобы разблокировать мыслительный процесс.

— А, что? — ошалел он, подставляя граник для наполнения.

Катя мои ожидания не оправдала. Блондинка осушила стакан с ещё большей жадностью. А я то думал, что подруги нужны чтобы оттенять недостатки и подчеркивать достоинства. А тут обе — мечта поэта, — размышлял я, наливая себе и Чиж.

— За знакомство, — провозгласил я и, оттопырив мизинчик, медленно влил в себя волшебную самогонку.

— Давай сразу по второй, — потребовала Марина, как только мой стакан опустел.

Желание дамы — закон. Я и налил.

— Знакомиться то будем? — поинтересовалась Марина, когда самогонка залетела, как к себе домой.

— Так вроде уже как, — удивился Чиж.

— Да я не про это. Как такие красавцы в этой дыре оказались? Да ещё и сидят тут, скучают, — подмигнула мне титястая, примеряясь своей задницей к моим коленям.

И пока я пытался разобраться, самогонка это или ещё чего, Катюха хмыкнула, примостила свою пятую точку рядом с Чижом и давай губки облизывать. Юнец даже покраснел.

Пришлось опять перехватывать инициативу и вводить соблазнительниц в курс дела, в деталях описывая, какие мы с моим патлатым другом хорошие. И вообще — мечта всех девушек.

— Ну да, ну да, — хмыкнула Марина, услышав про девичью мечту. — Сидят два пенька. Душа компании. Два ипэшника, блин.

— А ты, сама то, откуда такая дерзкая нарисовалась? — поддел я.

— Из города. Мы с Катей в баре работаем. На лето решили вот обстановку сменить. Сняли домик. Неделю уже тут отдыхаем без мужского внимания, — просветила меня титястая. — Проводишь даму до кустиков? А Катя за мальшом присмотрит, — улыбнулась

она, вода наманикюренным пальчиком по моей щеке.

— А то, — выдохнул я.

До кустиков мы не дошли. Хер его знает, что это было. То ли действительно самогон получился с эффектом афродизиака, то ли так оголодала девчонка.

Кто кого поимел, я так и не понял, но было круто. Такого я ещё не испытывал.

— Слушай, Марин, — протянул я, затягиваясь сигаретным дымом. — А кто вы на самом деле такие? И что это было? А?

— Я же уже рассказала, — сверкнув белыми зубками, сказала девушка. — Мы с Катей в баре работаем. Тематическом. Там всякие толкиенисты и им подобные тусуют. Ушки мои видел? Это одно из условий.

— Ага, — согласился я.

— Если честно, меня от этого уже тошнит. — Мне двадцать три, а на перепихон времени нет. На работе тоже не вариант. Ты когда ахинею эту про Кемь и урок понес, я подумала, ещё один. А потом, смотрю, вроде нет. Брутальный такой. В косухе, с гитарой. стакан гранёный у него, самогон в полторашке. Романтика.

— И поэтому ты через пять минут меня в кусты потащила? — не сдавался я.

Эйфория уже спала и я про эксперимент вспомнил. Интересно же.

— Да хрен его знает. Просто. Меня тут никто не знает, я никого не знаю. Ты мужчина, я девушка. К чему условности? Или тебе не понравилось? Что заявление об изнасиловании пойдешь писать? — уже с нескрываемой неприязнью произнесла она.

— А что, были прецеденты? — ухмыльнулся я.

— Мелковат нынче мужик пошёл, — вздохнула Марина. — Пойдем уже. Поищем Катюху, а то как бы она друга твоего не затрахала.

— А может?

— А то! Ты на внешность не смотри. Она на сексе повернутая, — то ли завидуя, то ли издеваясь, огорошила меня новая подруга.

— И судя по всему, это заразно, — внёс я свои пять копеек. За что тут же получил легкий удар в плечо.

— Слушай, а если тебе брутальности захотелось, чего же ты уши то накладные носишь? — решил задать терзавший меня вопрос.

Ну не складывалась у меня пока что полноценная картина.

— Стильно и модно. В деревне так никто не ходит. Так что, пока что мы с Катюшей тут самые гламурные и модные, — удивляясь моей недалёковидности, растолковала мне Марина. — Меня ещё бородатые типы с коктейлями достали. А тут ты. Сама непосредственность и оригинальность, — разоткровенничалась девушка. — Ты не такой, как все. Такой, красавчик из прошлого. А с такими я ещё не трахалась.

От радости я только что не подпрыгнул. Новое приключение мне нравилось всё больше и больше.

И хотя сладкую парочку мы обнаружили на лавочке, и сидели, они, как ни в чем не бывало, судя по выражению лица моего патлатого друга, с ним случилось такое, что мне сначала интересно, а потом и завидно стало.

А пока девчёнки бегали до ветру, Чиж мне поведал, что они и не ходили никуда. Уселись поудобнее и давай целоваться да пальчиками друг друга ублажать.

— Трусы пришлось выкинуть, — хвалился патлатый.

— Сгинь, извращенец. Я с тобой больше ручкаться не буду, — сплюнул я. — Места, что

ли больше не нашли. Взяли и лавочку мне испохабили. Ты зачем мне это рассказал? Как мы с бабкой после такого на нашей любимой лавочке сидеть будем? — ворчал я на Чижа.

— Жопами, — прервала мою тираду бабуля.

Я огляделся.

— В форточке я, — уточнила старушка. — Ты там своему другу то скажи, чтобы в следующий раз предупреждали или пусть по людски сношаются. А то миловались-миловались, а потом он как захрипит, а девку судорога бить начала. Я подумала, сердце прихватило или нерв защемило. Молодёжь то нынче слабая пошла. За валидолом кинулась. Вынести хотела. Потом смотрю, вроде отпустило их. Языки вывалили и лыбятся на звезды.

— А вы что, за нами подглядывали? — чуть ли не взвизгнул малой.

— Не подглядывала, а следила, чтобы всякие непотребства на моей лавке не творили. А вы вон чего удумали. Я и не знала, что так можно. Завтра девкам расскажу, пусть попробуют. А то ведь так и помрут, не изведав этого. Как ты там говоришь, пальчиками надоть? И откуда понабрались то этого.

— Бааа, — не выдержал я.

— Чего?

— Ничего.

— Ну и сидите дальше. Бабушку больше так не пугайте только, — отмахнулась от нас родственница. — Вот молодежь пошла, уже и сношаться по людски не хотят.

Катя и Марина вернулись через пять минут. Девушки были крайне удивлены нашему рвению переместиться поближе к бане. Но эликсир богов сделал своё дело. Да и мы с Чижом в долгу не остались.

За патлатого не знаю, а я под утро, как и обещал, за дяденьку отомстил. Марине такая месть понравилась. Мне тоже.

Глава 23. Мандраж, кураж, трусами в рыло

Меня подводят к сцене,
И микрофон дают.
Потом несут в гримерку,
И на живот кладут.

Ведь я играю честный панк.
Скажите, где дорога в банк?
«Кирпичи».

Именно эту песню некогда популярной, но не утратившей своей крутости группы «Кирпичи» напевал я в четверг вечером. Ровно за сутки до феста.

Я как раз после разминочного бокала пива выперся на сцену для саунд-чека. И вспомнил тот хит.

Хотя о чем это я. Ключевые события вновь упущены. А дело было как-то так.

Подготовка к главному событию этого лета в селе Бухарино шла полным ходом. Третьего дня в наши пенаты пешим порядком прибыли двое патлатых парней в замызганных чёрных балахонах. Следом за ними было явление народу — фуры с музыкальным оборудованием и прочими прибабасами для создания музыкального праздника и соответствующей атмосферы.

Санычевские неопохмелённые работники под вежливые просьбы городских и подбадривающие крики непосредственного начальства, выкинули из машины части разборной сцены, коробки со сценическим светом, генераторы, разнокалиберные колонки, дым машины и ещё какую-то очень нужную лабуду.

Короче, всё было по-взрослому. Тусовка намечалась знатная.

Шутка ли, двадцать пять групп с нашей области и даже соседних регионов собирались отжечь на первом бухаринском рок-фестивале.

Всё шло, как по маслу. Только Саныч с участковым почему-то нервные ходили.

Хотя, усатого Забалуйко понять можно было. Он периодически обновлял списочные данные в сет-листе, а потом пытался прикинуть, сколько раздолбаев, охочих до деревенской романтики и прочих цветочков прибудет в его вотчину.

Цифра, по ходу, получалась внушительная. Он ко мне через каждый час подходил и грозил кулаком.

— Потравишь, прибью. А потом реанимирую и посажу, — грозился усатый.

И это напрягало. Зато Чиж довольный ходил. Его от патлатых соплеменников не отогнать было. Везде лез. Где поможет, где сломает, где в курс дела введёт.

Одним словом, активничал и в дело, и ни в дело.

Сцена росла как на дрожжах. А в четверг вечером, когда, собственно я и вспомнил про «Кирпичей» и нехило так занастальгировал, почти всё готово было.

Подключай пульт, настраивай звук и лабай на здоровье.

— Филин, гоу зажигать. Нам право первой брачной ночи перепало, — вернул меня в реальность возбужденный голос Чижа, когда я с блаженной улыбкой созерцал сцену.

Настоящую.

— А собственно, почему бы и нет, — согласился я.

Тестовый чек шёл, как по маслу. Точнее, лился рекой. Пока что, пивной. Ну а под пиво то, отчего же не поиграть.

Ну, мы и дали джазу перед звукарями и местными, решившими, что такое шоу пропускать никак нельзя.

Смутно помню, но кажись, после пяти вещей, которые мы с юным балбесом отрепетировали «от и до», я на самогон перешёл. А потом ещё пару раз на бис выходил и меня чем-то совершенно убойным угостили.

Дальше в памяти провал.

Проснулся я в палатке у звукарей. Слюны во рту не было совершенно, горло драло, голова гудела, пальцы опухли и горели огнем. Благо глаза разлепить удалось. Правда, как только взгляд сфокусировался, я об этом пожалел.

Таких жоп я ещё не видел. Большая такая. Необъятная, можно сказать. Как сказала бы моя бывшая зоотехническая подруга, задница явно принадлежала к курдючному типу весьма нелегкой особи женского пола.

Да еще и голая. И все это ливерное счастье в метре от моего фейса.

Как вам такое утро?

Шевелиться не хотелось совершенно, но интуиция мне подсказывала, что нужно срочно линять в сторону ближайшего леса. И лучше огородами. К этому же меня подтолкнула странная лёгкость в районе гениталий. Я даже рукой проверил.

— Мляяя, — протянул я, когда понял, что исподнего на мне не было. — Мляяя, — просипел я, осознав, что попытка принять вертикальное положение без посторонней помощи — это бред сивой кобылы.

Похмельный мозг был девственно чист. Как я тут оказался и какие планы у обладательницы жопы были на меня, и было ли между нами что-то?

Ответов не было.

Это было тайной, покрытой алкогольным угаром. И как я так вляпался? Наладил же точки соприкосновения с нормальными девчонками, а не идеалами красоты эпохи возрождения.

— Это фиаско, братан, — насыпал соли в сахар тихий голос Чижа, в котором только глухой не расслышал бы издевки.

— Ин-на, — буркнул я и, собравшись с силами, всё же сел.

— Ну да, ну да, — хмыкнул Чиж, протягивая мне запотевшую пластиковую полуторалитровую баклаху с пивасом. — А так?

За пузырь я ухватился, как тонущий за соломинку. Аккуратно открутил крышку и моментально простил юнцу его заносчивость и усмешку.

— Пшшш, — поприветствовало меня хмельное да пенное.

Я сглотнул от предвкушения. Ну как сглотнул, изобразил. Потом выдохнул и сделал первый, осторожный глоток. Холодненькое пиво приятно смочило язык, небо и провалилось в желудок. Я икнул, прислушиваясь к ощущениям.

Лихо опрокидывать в себя стопки с чистым спиртом или водкой, огромными глотками тушить горящие трубы пивом с дикого бодуна можно только в двух случаях.

Как по мне.

Первое, когда здоровья ещё овердохера и на кануне пил нормальное пойло. А второе — когда здоровья уже нет совсем и от принятого стакана зависит, переживешь ты это утро или

нет.

А когда тебе слегка за тридцать. И ты где-то посередине. Да ещё и бухал всякую дрянь вперемешку.

Без похмелки плохо, но и не всякая заходит.

Мне фортануло. Пиво прижилось. Я улыбнулся и присосался к пластиковому горлышку. Теперь было можно. Почти литр за раз выглохтал и не заметил.

— А теперь валим. Встать, только, помоги, — протянул я руку Чижу.

Разбираться с огромной жопой и что тут творилось прошлой ночью, как-то не хотелось от слова “совсем”.

Даже после опохмелки.

Если что, потом справки наведем. А сейчас пора валить в закат. Точнее, в рассвет. Отсыпаться, похмеляться и вываливаться на сцену с довольной улыбкой.

— Штаны то одень, — осадил меня малой. — И ты смог? — кивнул он в сторону огромной целлюлитной жопы, пока я фокусировал взгляд в поисках любимых и единственных портков. — Я бы не смог.

— Иди ты. Помоги лучше, — огрызнулся я, наконец-то, обнаружив свои потёртые джинсы, придавленные мозолистой пяткой обладательницы впечатляющей задницы. Рядом, кстати, обнаружился и один из патлатых. Его тощего тельца, из-за пышных форм, до этого мне просто видно не было.

Эвакуация прошла успешно.

А когда я на улице вдохнул полной грудью, да ещё пару раз приложился к фунфырику, в котором ещё булькало, а потом и закурил. Захорошело мне.

Такая ностальгия, такой кайф меня накрыл. Так счастьем торкнуло. Стоял, курил и как дебил лыбился.

Чиж даже носом поводил, пытаюсь понять, что я смолю. Очковал он зря. Все было легально, в сигаретах был табак. Мне так казалось.

— Жопа! — прервал моё единение с утренней природой хриплым голосом из палатки. — Метр на метр! В магазине лежит продовольственным. Мне бы сейчас хер с километр, я бы доставил ей удовольствие, — заверил округу голос.

Твердость намерений подтвердил звонкий шлепок.

— Иди сюда, любовь моя. Я так хочу тебе вогнать, — не унимался патлатый.

— Я сейчас блевану, — скривился Чиж, вспомнив габариты, объемы и прочие подробности моего похмельного утра.

— На вкус и цвет, — икнул я. — Так то, вроде и ничего, — протянул я, разглядывая на просвет остатки пены, стекающие по внутренней стороне опустевшей пластиковой баклахи.

Малой такого явно от меня не ожидал. Хлопнул себя по лицу, что-то забормотал, схватил меня за руку и потащил обмякающее тело в сторону деревни. А мне было уже на все пофиг. Иди не хотелось совершенно. А вот лечь и нихрена не делать хотелось дико.

Я это и пытался доказать Чижу, но подлый язык меня не слушался. А Чиж, обливаясь потом, тащил меня всеми возможными способами. Хрен его знает, как ему это удалось. Но до бабкиного палисадника он меня докантовал. Там меня и покинула силушка.

Сморило меня короче.

Второе пробуждение тоже приятственностью не отличилось. В себя я пришел от того, что мне на лицо что-то упало. Я попытался смахнуть. Не получилось. Это что-то размазалось по лицу и прилипло к руке, а над ухом зашумело.

— Ну пизнец, — резюмировал я, открыв правый глаз и узрев пальцы, измазанные птичьим дерьмом.

В родном доме меня, то ли не приняли, то ли не дотащили. Оставили под кустом сирени на растерзание пернатых дятлов-засранцев.

Поспал я, судя по положению солнца, знатно. Обед уже миновал. А то, что проснулся вовремя, стало ясно через пару секунд после осмысления хреновости моего бытия.

Сначала я слышал пыхтение, потом шаги. А потом стало писец как мокро и неприятно. Холодной водой меня облили, короче.

— Кто тут на, — возмутился я.

— Подъем, — невзирая на моё возмущение, заорал Чиж. — Через два часа на сцену!

— А повежливее рок-звезду разбудить нельзя что ли? — продолжал я катить бочку.

Но возмущения остались без ответа. Мне опять протянули руку и потащили во двор.

— Банька готова. Жару только много не давай, — напутствовала Чижа бабуля, когда дружан превозмогая мое праведное возмущение и сопротивление, тащил меня в сторону бани.

— А я играю колхозный панк, а значит должен иметь соответствующий вид, — протестовал я, еле-еле передвигая ноги.

— Да я после того, как в чувство придешь, с великой радостью тебя в навозную яму скину, — разозлился Чиж.

— Злой ты. А ещё друг, называется, — буркнул я и, выдернув руку, сам поплелся в сторону бани.

Что ни говори, а баня, действительно, творит чудеса. Всего-то через полчаса пыток веником и обливаний ледяной водой меня попустило. В животе забурчало и дико захотелось есть.

— Слушай, а чем всё вчера закончилось? Нихрена не помню, — спросил я у Чижа, когда мы вышли из бани на просторы бабкиного огорода.

— Пришёл ветеринар и у него был спирт. Чистый, — бросил Чиж. — Я не стал. А ты меня послал, и гранёный стакан чистяка залпом залудил. А потом Галька пришла.

— Это жопастая?

— Ага.

— А я чего?

— Да ничего. Лёха-звукарь к ней подкатывать начал. А ты возмутился. Галька сгребла вас в охапку и потащила в темноту. Бухаринские мужики её побаиваются. Ей двадцать восемь, а она уже трижды вдова. Не везет ей. А местные говорят, что она ведьма и затрачивает до смерти. Так что, с этим делом у неё туго. А тут целых два ухажёра. Одновременно. Что у вас там было, я не знаю. Я к Катюхе пошёл.

— Понятно, — протянул я. — Значит, бросил товарища на поле брани на растерзание оголодавшей валькирии и свалил со спокойной совестью.

— И ничего не свалил, и не со спокойной совестью, — возмутился Чиж. — Я как обязательную программу отработал, так сразу к тебе на помощь кинулся. Я тебя с трёх часов ночи искал. Даже пиво для тебя прихватил, — напомнил он.

— За пиво лайк и уважуха, — согласился я. — Только если я спирт бухал, зря ты мне его дал. После спирта даже воду лучше не пить и суп не есть. Накроет, мама не горюй.

Жизнь постепенно налаживалась, самочувствие стало чуть лучше, чем совсем хреново. Но жить можно. Чиж меня в дом завел, а там на кухне супчик куриный, капуста квашенная,

стопочка и пузырь с какой-то настойкой.

— Бабка сказала, три ложки съешь и писярик опрокинешь. Потом резко работаешь ложкой. Второй — после того, как всю тарелку навернёшь. Сказала, через двадцать минут будешь, как козёл молодой скакать.

— Про козла обидно, а вот за заботу респект, — вздохнул я и уселся за стол. — А бабуля, то, кстати, где?

— В смысле где? На сейшене. Поит городких лохов нашей самогонкой. И почти ничего взамен не просит. Так, ручку позолотить сотенной купюрой за стаканчик.

Бабкин супец оказался выше всяких похвал. Полчаса и от похмелья не осталось и следа. Молодецкой бодрости в теле, правда, не было, да и голова слегка туманная была, но жить можно. Меня даже опять на подвиги потянуло.

Послеобеденный кайф прервал чижовский мобильник.

— Вы где там? — услышал я бабулин голос. — У меня тут горючка кончается. Давай тащи всё, что есть! Срочно!

— Едем, — проорал Чиж и нажал “отбой”.

— Пошла торговля, — радовался малой, потирая руки. — Бабка говорит, три фляги уже реализовала.

Прикид для сейшена у меня оказался подходящим.

Хоть тело и сияло послебанной чистотой, а на сейшн напялил я свои выдавшие виды и заляпаные какой-то дрянью джинсы, которые ещё утром в палатке звукарей искал. На ноги — стоптанные говнодавы. А вот с футболкой облом вышел.

Самую крутую, но обосранную подлыми птицами, я напяливать на себя не захотел. А где другие хранились — не знал.

Решил рушить стереотипы и напялил сначала свою рубашку с выпускного, а на это воняющую чем то кислым косуху. Потом подумал и галстук на шею повязал. Он с выпускного в шкафу лежал.

Ничего, так кстати, смотрелось. Чиж оценил. И даже позавидовал.

У него-то прикид не такой олдвый был. Хотя тоже внушал уважение. Нечёсанный и засаленный хаер, который уже на плечи спадал. Серенькая, в обтяжку, футболка. Длинные шорты и раздолбанные кроссовки на голую ногу.

— Гитары в машине, пойдём, горючку загрузим и валим, — подмигнул он мне. — На батинном джипе поедем.

Бодун меня практически отпустил. Да и физнагрузка кстати пришлась. Пока фляги в багажник паковали и полторашки с разлитым самогоном таскали, употел весь. Зато силу в телесах почувствовал. Короче, к месту сейшена подлетели мы в полной боевой готовности.

И к слову, вовремя.

Вокруг бабки целая толпа мутных типов бомжеватого-бородатого вида тусила. Мне даже страшно на пару секунд стало. Видок то у бабкиных клиентов был охренеть каким брутальным. Бабуля же и вида не подавала. А только мы закончили с разгрузкой, как предприимчивая родственница так гаркнула, что все городские голодранцы моментально выстроились в очередь.

— Онлайн оплата по номеру телефона. У кого наличка и своя тара — без очереди. Ветеранам и пенсионерам рока — скидка десять процентов, — оповестила бабка страждущих.

Поняв, что тут все тип-топ, мы забрали из тачки гитары и попёрлись в сторону сцены.

У памятной, а точнее беспамятной лично для меня палатки звуачей, мы были ровно за минуту до начала музыкального действа. Временное строение располагалось в десяти метрах от сцены, так что мы не очковали совершенно. Да и открывали концерт не мы.

— Вы где, мля, лазаете? — поприветствовал нас патлаты. Кажись, это Лёха был.

— И тебе доброго утра, — парировал я. — Выспался?

— Какой на, выспался, на. Ты, на, куда, на, свалил на. Давай в сторону сцены пулей. Начинаем уже, — отмахнулся Лёха и, грозно размахивая руками, свинтил в неизвестном направлении.

— О даёт, — похвалил я звукаря. — Как будто и не бухал вчера. А он же тут часа четыре, как минимум, носится, — кивнул я в сторону удаляющегося собутыльника.

Ответа не последовало. Я повернул голову. Нет, Чиж стоял рядом. Точнее, тело его стояло. Статуей.

— Э, ты чего? — тряс я его вросшее в землю тело.

— Я срать хочу. У меня понос. Щас дно вышибет. Не успею, — чуть не плакал Чиж. — Я не могу!

— Добрый вечер! Добрый вечер чуваки и чувихи. Мы рады приветствовать вас на первом бухаринском рок-фестивале, — добил юнца ведущий, выскочивший на сцену, как черт из табакерки.

Видеть мы этого не видели, стояли позади сцены, а вот слышали прекрасно.

Да как потом оказалось, мы дохрена чего не видели и не замечали. Ну, сновали вокруг нас странные люди и хрен бы с ними.

— Держи гитару, я в толчёк, — пискнул малой и, передав мне инструмент, засеменял в сторону одинокой деревянной хижины типа уличного сортира с табличкой “Эм и Жо в одном флаконе”.

К его счастью очереди у дверей, пока что не наблюдалось.

— Э, вылазь уже, — постучал я ногой в дверь сортира, когда на сцену вышла вторая группа. — Нам скоро выступать. Да и другим облегчиться уже хочется, — добавил я, окинув взглядом, переминающуюся с ноги на ногу и неуклонно растущую около нас толпу.

Городские оказались воспитанными и гадить где попало были не приучены. Все тянулись в указанном направлении.

А тут занято.

Эдак, мы скоро аншлаг там, где не нужно соберем. На это я и намекнул Чижу.

— Не могу, — всхлипнули за дверью.

— Понятно, — смекнул я.

Гадать тут было нечего. У малого случился приступ медвежьей болезни. Разглагольствовать о важном было некогда. Действовать нужно было быстро и решительно.

— Жди тут, я быстро, — подбодрил я малого и ломанул до бабки.

И пяти минут не прошло, как я потребовал приоткрыть дверь туалета, а в появившуюся щель просунул руку с мятой полторашкой.

— Это смелость, пей быстрее и погнажи, — наехал я на засранца.

— А запить? А стакан? — потребовали с той стороны двери.

— С горла, как батя учил! — не выдержал я.

За дверью охнули, но судя по звукам, приказ выполнили. Не прошло и минуты, как дверь распахнулась и явила нам Чижа, в спущенных портках, хватяющего ртом воздух и размахивающего бутылкой с остатками нашей самогонки.

— Запить, быстро, — наехал я на толпу.

Ближайшие зассанцы сориентировались быстро. Чижу несколько понтовых эко-бутылочек одновременно протянули. Но тот отмахнулся.

Подошел ко мне и занюхал моими волосами.

— Уважаю, — протянул я, когда шкет натянул штаны и с блаженным видом отошел от меня. — Полегчало? Погнали зажигать.

Эликсир подействовал. И очень вовремя. Только мы подошли к сцене, как нас уже объявили.

Патлатые подключили нас со скоростью света. Хотя, там и делов то... Подсунул к акустике микрофон, вот и всё тебе счастье.

Мы по очереди брякнули и поняли, что назад дороги нет. И тут Чижа снова начало накрывать. Да и у меня поджилки затряслись и из головы вылетело абсолютно все.

— Мы шас, — буркнул я в микрофон и утянул Чижа за задник сцены.

— Давай, друг, — протянул я ему реквизированную у бабули бутылку — За звук.

Краткость — наше всё. Мы бахнули по очереди с горла и вальжной походкой выперлись на сцену.

Пока накинули гитарные ремни, пока настроили под себя микрофонные стойки.

— Привет, ребята, — крикнул я в микрофон и понял, зря я пожадничал и остатки добил.

Бабка же мне поллитра с горкой, примерно, накапала. Чиж около двухсот грамм за два захода накатила. А я залпом остатки добил. Да на старые дрожжи.

Подлый звукарь, услышав, что я уже ору в микрофон, врубил минус. Барабаны застучали, бас бумкнул и пальцы на удивление легко заскользили по гитарному грифу.

Чиж не отставал. Страх испарился, и душа вслед за музыкой воспарила над гудящей толпой.

А было этих зрителей там...

Хрен его знает, сколько точно, но не на каждая первомайская демонстрация столько бюджетников собирает.

Репертуар у нас был нормальный. Настроение боевое, вид аутентичный.

Короче, мы зажгли.

Да ещё как зажгли. После финальной песни у Чижа даже восторженные фанатки появились. С трех разных сторон в него трусами запустили. Мне прям завидно стало.

А этот, скривился что-то...

Глава 24. В плену порока и угара

Бери свою метлу полетели на шабаш,
Возьми с собой Апокалипсис — символ наш,
Сегодня настаёт Вальпургиева ночь.

«Сектор Газа».

Горланил я, спускаясь со сцены, совершенно не чую под собой ног. Как будто не шёл, а летел.

— Мы смогли! Мы это сделали! — заулыбался я, когда ступил на землю и ко мне пришло осознание реальности происходящего.

Башка, несмотря на принятый до выступления допинг, у меня была уже ясная. Настроение бодрое. А на бодун даже намека не было.

Чиж мои дифирамбы в нашу честь проигнорировал. Он сзади плёлся, и я обернулся посмотреть, чего это он там. Можно сказать, достигнута цель, к которой шли не одну неделю, преодолевая всякое.

Сбылась мечта идиотов, другими словами, а он молчит.

— Очень круто выступили. Правда-правда, — затараторил нарисовавшийся из ниоткуда паренек в черном балахоне с яркой рокерско-анимешной картинкой.

Вот додумался же какой-то идиот скрестить это. И чего он курил в этот момент?

— Ты кто? — охренев от увиденного, решил уточнить я.

— Волонтер. Музыкантам помогаю. Давайте вашу гитару, я её в палатку отнесу, — ничуть не смутился он. — Нас тут пятеро. Помогаем на общественных началах. А как ваша группа называется? А сколько у вас альбомов? А где их скачать? А сфотографироваться с вами можно? — засыпал он меня вопросами, протягивая руки к моей раритетной акустике.

Оказывается, это я после более детального допроса этого стилиаги узнал, была тут пара парней и три девчонки, решивших на голом энтузиазме примкнуть к музыкальной тусовке. Так сказать, погрузиться в неё и влиться в коллектив, попутно оказывая посильную помощь.

Не, ну а что? Лично я был только за.

От назойливого новоявленного фаната я отмахнулся, вручив ему свой инструмент и отправив в известном направлении.

А потом настал черед Чижа. Осмотрев своего балбеса, наезд решил отложить. Видок у него был тот еще.

Охеревшие глаза, руки подрагивают, ноги подгибаются. Видно из его башки самогон тоже выветрился и отходняк наступил.

— Вон там бабка самогоном барыжит, сгоняй до неё, возьми пузырь. Скажешь, Филин просил, — озадачил я помогаторшу, нарисовавшуюся следом за чуваком, принявшим у меня гитару. Она была под стать своему товарищу.

Розовые волосы, выбивающиеся из под капюшона балахона. На груди — серп и молот на фоне постапокалиптического деда, держащего в руке стакан.

— А вы мне автограф дадите? — выдвинула она свои условия.

— Квест выполнишь, подержаться даже дам. А будешь себя хорошо вести, ещё и на заднице распишусь, — подмигнул я.

Подруга оказалась понятливой, любящей музыку и в особенности музыкантов. Я так для себя решил, когда увидел, как она дунула до бабки.

А я, ожидая возвращения засланки, уселся на траву рядом с Чижом и закурил.

Ну а что ещё делать?

— А как ваша группа называется? А сфоткаться можно? — докопались до нас ещё две неизвестно откуда взявшиеся носительницы титек. Эти уже были в хиповатом прикиде и блондинистой породы.

— Э, я первый был, — вмешался в нашу идиллию паренёк, относивший мой инструмент.

— Да откуда ж вы беретесь то? Как тараканы на свет лезете что ли? — не выдержал я.

— Мы тут помогаем. Услышали, как вы играли. Нам очень понравилось, — смутилась одна из помогаторш.

— Ага, — поддакнула ей подруга.

Я лишь рукой махнул. А потом чуть сигаретой не поперхнулся. Лиц, докопавшихся до нас лиц женского пола я не разглядел, а вот фигуры в отсветах сценического света проявились зачетные. Особенно задницы, обтянутые тесными джинсами.

Да и голоса...

Даже намек на модный гламур не было. И это возбуждало.

Но только я открыл рот, чтобы навести мосты, как на сцене вжарила следующая группа.

Пришлось докуривать под нудное нытье о несправедливости судьбы и девичью недоступность. Новоявленные фанатки по своему истолковав моё поведение, примостились рядышком и с расспросами ко мне не лезли.

После финального аккорда коллег по сцене я даже сплюнул.

— Да, искренности нет. Очередная шаблонная штамповка, — сразу сориентировалась одна из помогаторш, верно прочитав мое отношение к творчеству выступавших. — Я Юля. А это Света.

— Филин, а это Чиж, — приосанился я.

— Серый, — влез анимешный роцкер и протянул мне руку.

Пришлось пожать. Подколоть резвого хлопца я не успел, выступавшие снова завели свою шарманку.

Пытка музыкой продолжалась недолго. Как только на горизонте замаячил наш розововолосый гонец, настроение резко пошло в гору. Я выхватил у запыхавшейся девушки пузырь и вручил его Чижу. Малой сел, сделал пару глотков прямо из горла и с наслаждением откинулся на спину.

Через минуту он начал возвращаться в своё обычное состояние.

— Вот что самогон животворящий с музыкантом, утомленным “Нарзаном” делает, — пафосно провозгласил я. — А теперь айда знакомиться в более интимной обстановке. У меня уши уже от этого нытья кровоточить начали.

Налаживать контакты я решил неподалеку. Метрах в трехстах позади сцены. Тут и музыка грохотала не так сильно. Так, легкий фон для настроения был, так что говорить можно было спокойно.

Да и выбранная полянка, скрытая от посторонних глаз низким кустарником, оказалась безлюдной.

Как говорится, то, что доктор прописал.

— Эх, молодёжь, — проскрипел я, старательно пытаюсь изобразить умудрённого

опытом чувака. — На зелёнку пришли, а про стаканы и не подумал никто. Придется со ствола.

— Я не умею, я не буду, я не хочу, это что за колхоз, — наперебой завозмущались волонтеры.

— А какого тогда? — гаркнул я.

Молодая смена от таких наездов растерянно переглянулась. А я, как это ни странно, получил дикое удовлетворение от ощущения своего морального превосходства.

Типа, я шаристый такой. Настоящий лидер.

— Учитесь, пока я жив, — бурчал я, вживаясь в роль. — Бутылку пол литровую нашли мне. Быстро, — озадачил я парней. — Так, а вы быстренько закусь намутите, — добрался я и до девчонок. — Там вон смородина росла. По горсточке собрали, и будет у нас пир горой.

Мои поручения были исполнены не молниеносно, но в обозначенные сроки. Пацаны сгоняли до сцены и притащили оттуда требуемое. Девчонки надрали смородину.

— Вот вы одаренные личности, — ворчал я на пацанов, доставая из кармана косухи перочинный ножичек. Вещь в хозяйстве нужная, на холодное оружие не тянет, а поэтому он всегда при мне был.

Так, на всякий случай.

— А мы-то чего? Вы же сказали, принеси пустую поллитровку. Мы квест выполнили, — отмазывался паренёк, пристраивавший мою гитару.

— Мне бутылка для чего нужна была? Чтобы стаканы из нее сделать, — вдарился я в разъяснения. — А если вы к сцене ломанули, так там можно было нормальными стаканчиками разжиться, а не морочить голову людям, — осадил я помогатора.

Но юная смена не обиделась, а услышав про крафт стаканчиков из бутылки, наоборот придвинулась ко мне поближе.

Один Чиж продолжал соблюдать нейтралитет. Этот-то уже знал, чего и из чего бухнуть можно и каким подножным кормом это дело закусить.

— Вот, — обрадовался я, когда дно и горлышко были отделены друг от друга. Середину я за ненужностью выкинул. — Итого, имеем мы две кастомные рюмки, слегка початую полтораху самогона, три жмени ягод и семь голодных рыл! — резюмировал я.

Помогаторы переглянулись.

По ходу поняли они только про рюмки.

— Первыми остаграмливаются герои этого вечера. Это мы, — кивнул я в сторону Чижа. — Остальные наблюдают и внемлют.

Покривлявшись для пущего понта, я накапал в самоделки грамм по пятьдесят. Протянул Чижу бутылочное доньшко, но тот хмыкнул и требовательно протянул руку к горлышку.

— Не понял, — не въехал я.

— Не в кайф со дна, — растягивая слова и стараясь вложить в них максимум пафоса, заявил малой.

— Не в кайф ему. Удобство ему подавай, — разворчался я.

— Так ты же мастер, вот и покажи класс, — продолжал борзеть Чиж.

Пришлось держать марку.

С доньшка пить слегка не с руки и Чиж об этом знал. А попутно, самоутвердился, пошатнув мой авторитет, решил.

Меня бурили пять пар горящих глаз. Три из них потенциально жаждали лицезреть меня на себе.

Отступать было нельзя.

— Ну, за знакомство, — провозгласил я тост и показал, что может мастер литербола.

Огненную воду закинул в страждущее и побаливавшее от вокальных нагрузок горло, три ягодки сверху и жмуришься от удовольствия. У Чижа такой лихости ещё не было, но в грязь лицом он не ударил. Закусил ягодками, занюхал моей башкой и смачно рыгнув, изобразил полнейшее умиротворение.

— А ну, делай как я, — велел я, протягивая импровизированные стаканы помогаторам.

На этих двух балбесов, увязавшихся за нами, я никак не рассчитывал. Я за традиционные сочетания и совокупления полов. А без них — два на три, как по мне, весьма интересный расклад. Если я двух и не потяну, так Чиж любому подсобит. А в оргиях на открытом воздухе я уже лет нцать как не участвовал.

А так захотелось что-то.

А как избавиться от нежелательных соперников? Накачать синькой. Как итог — два варианта. Либо зарыгают озорной блевоткой всю округу, либо вырубятся под ближайшим кустом. Так что налил я им от души.

Пацаны видать на девченок тоже виды имели. Вылакали двойную дозу с чувством собственной важности и понтами. Хотели без закуски. Не прокатило. Самогон хоть и хороший получился, но послевкусие было не совсем элитным.

— Куда по стольку, — возмутился я, когда увидел, что они решили ополовинить наш стратегический ягодный запас. — Кишкоблудство хуже наркомании, — вещал я, стуча по наглым рукам. — По три ягодки и хватит.

Помогаторы прониклись и сникли.

Подругам я налил в разы меньше. Лично отсыпал в подставленные девичьи ладошки по пять ягодок и проинструктировал, что их лучше не жевать, а давить языком.

— Вкус более насыщенный получится, — аргументировал я.

Три девицы под луной наставления мои выполнили “от и до”. С розововолосой правда заминка небольшая вышла. Но я лихо выхватил у Светы освободившуюся тару. Бегунья за бутылкой даже с Юлькой чокнуться успела.

Судя по выражению лиц, мой подход им понравился.

— Между первой и второй, можно выпить ещё пять, — провозгласил я, накапывая себе и Чижу.

Второй заход проделали в том же порядке и объемах. Теперь нужно было немного подождать. И слегка побалаболить, располагая к себе юные умы.

Не прошло и пяти минут, как все пять помогаторов почувствовали скрытый эффект нашего эликсира.

— За дружбу, — провозгласил я.

Третий тур выявил первое слабое звено нашего коллектива.

Оба парня, как только самогон окропил их ротовые полости, икнули по три раза, зажали ладонями рты и дунули к ближайшим кустам. Буэээ получился у них знатный.

— Ну ёпрст, — обрадовался я. — Всю малину заблевали. Может слегка сменим место дислокации? Как-то мне неприятно теперь тут, — аргументировал я, старательно изображая заботу об оставшихся в строю.

Мой крокодилий поступок вознёс нас в возбужденных девичьих глазах. Эликсир любви разогнал их кровь, подогрел там и перепрограммировал мозг в нужном мне направлении.

Пока юные алконафты орошали рвотными массаами кустарник, мы свалили по тихой

грусти на другую полянку.

На новом месте я сразу же перешёл к активным действиям. Подсел к Чижу и спросил: “Ты кого будешь?”

Дружан от таких вопросов и ухом не повел.

— Двоих оставшихся, — прошептал он после секундной заминки. — Кого — не принципиально. Как в порнухе попробовать хочу.

Такой наглости я от него не ожидал. Как говорится, научил на свою голову.

— Светик, про этих-то всё понятно, а ты, такая красивая, какими судьбами тут оказалась? — начал я сближение, обозначив Чижу свою добычу.

Малой тоже зря времени не терял и, приобняв оставшихся девиц, начал заливать им, какой он крутой музыкант и как тяжело бремя славы.

— Хочется большой и чистой любви, а они во мне только статус и кошелёк видят, — свистел Чиж.

Девчонки повелись и наперебой стали утешать беднягу.

— Я писить хочу, проводишь, а то я боюсь, — бросив взгляд на троицу, ошарашила меня Света.

— Ну дык, — охренел я от таких раскладов.

А потом всё как-то само собой получилось.

Довела меня подруга до ближайших кустов, повернулась спиной и, совершенно без стеснения, освободила свою задницу от тесных джинс и трусиков. Присела слегка и начала делать свои дела.

За три с копейками десятилетия такого со мной ещё не было. Мой подпитанный самогоном детородный орган чуть ширинку не порвал.

— А и пофиг. Сама напросилась, — буркнул я, расстегивая штаны.

Мозг отключился, конец требовал более близкого знакомства с девичьим срамом.

Еле дождался окончания процесса. Только Светик задвигала задницей, собираясь встать, как легкий толчёк в спину заставил принять её коленно-локтевую позу.

— О, да, — выдала она, когда я совершенно позабыв про кучу болячек, передающихся половым путем и другие неприятные последствия случайных связей, познал Светлану.

Получив одобрение, я перешёл к более активным действиям.

— погоди, давай лучше в миссионерской, — промурлыкала девушка, когда её слегка попустило.

Желание подруги, тем более не замороченной на интимных условностях, — закон.

Правда, в традиционной позе, у меня как то не задалось. А всё Светка виновата.

Улеглась на спину, раздвинула ноги и с блаженным выражением лица уставилась на ночное небо. И как я ни старался, а от разглядывания звезд она не отвлекалась.

— Ты чего? — не выдержал я, когда почувствовал, что все мои старания не находят отклика.

Нет, там было тепло и уютно, но выражение лица. И эти широко распахнутые глаза, заморожено смотрящие в небо.

— Ничего. Мне хорошо, — промурлыкала напарница по интиму.

— Я вижу, — надулся я, слезая с дивчины.

— Ты чего? — не поняла она.

— А ты чего? — буркнул я.

— Ничего. Говорю же, хорошо мне. Представляешь, меня в первый раз на природе

имеют. Да ещё и под звёздным небом. Мне подружки рассказывали, как это круто. Говорили, такой романтик. Голову вообще теряешь. А я не верила. А сейчас лежу и понимаю. Не врал, — разоткровенничалась Светка и наконец-то перевела взгляд с неба на меня.

— Ну вот, считай, твоя мечта сбылась, — буркнул я.

Важность момента для девичьей души я понял. И даже немного проникся моментом. А вот орган мой такое отношение к процессу используемого им объекта, как то не оценил.

— Ну ты чего? — начала теревить меня Светка, когда я принялся натягивать джинсы.

— Да, — отмахнулся я. — Устал. Пить хочу. Пойдем, горло промочим, — выщеганивал я себе технический перерыв. — Да и Чиж с твоими подружками теперь заскучал. Комары ещё всю жопу закусили.

— Ага, прям так и скушает, бедненький, — съехидничала Светка.

Деваться ей было некуда. Я уже даже заправился и закурил, а она всё ещё проветривала свою прелесть.

Поняв, что продолжения здесь и сейчас не будет, вздохнула, натянула штаны и с понурой головой потопала за мной.

Бросать начатое я не планировал. Хотел допинга принять и вновь попытать счастья. Но на этот раз никаких миссионерских позиций, а то подлые комары мне так точно всю задницу сожрут. Только стоя под сосною. Да так, чтобы шишки с дерева летели.

И задницу чтобы не оголять.

Но планам сбыться было не суждено. Чиж, подлец, время зря не терял. Загнул обеих помогаторш и по очереди их пользовал. Я только завистливо присвистнул, бочком-бочком и кустами добрал до импровизированного столика, взял пузырь и ещё раз завистливо вздохнув, отправился восвояси.

— Ну вот, а ты говорил, скушают они, — наехала на меня Светка, когда я завёл её за ближайший куст.

— Да погоди ты. Сейчас продолжим, — разозлился я.

Бахнул прямо из горла три добрых глотка и протянул тару подруге. Та тоже приложилась. Но без фанатизма. Я закурил. На нервяке опять приложился к бутылке. Закусил сигаретным дымом, сплюнул и плюхнулся на траву.

Светка видать поняла, что я не специально обломил ей весь кайф. Не успел бычок отправиться в полёт, как она уже сопела в районе моей ширинки.

А пока она боролась за своё половое счастье, я успел ещё пару раз приложиться к бутылке.

— Светка, скидавай штаны, ебаться будем, — ожил я, когда понял, что меня не хило так торкнуло и здравый смысл вновь покинул меня.

В этот раз далеко и надолго.

Действовал я, как и планировал. Грубо и бесцеремонно.

Загнул подругу раком и вогнал по самые помидоры. Драл так, что яйца звенели. Благо, что действие под деревом происходило, и она в него руками уперлась.

Но с допингом я слегка переборщил. Эрекция то была, а вот конца и края совокупления не предвиделось. Я уже выдохаться начал, а Светка от наслаждения сначала подвывать начала, а потом натурально на луну завывала.

Видать от кайфа.

Но меня уже было не остановить. Пот крупными каплями катился по лбу, по щекам,

щипал глаза, но я не останавливался и не сдавался. Светка уже не просто выла, а раза два кончила, и порывалась соскочить с процесса.

Но мы-то не лыком шиты. Особенно после самогона.

Упругую жопу держал я крепко.

Сил уже практически не было. Но я чувствовал, что вот ещё совсем чуть-чуть и я, наконец-то, получу желанную разрядку.

Да ещё какую.

Но когда я был на грани, весь кайф обломил Чиж. Подкрался тихо так сзади, постучал по плечу и бесцеремонно на ухо мне и говорит: “Беги к сцене, а то пизнец тебе завтра будет. Я сказал, что ты домой пошёл. Отмазывайся, что там был. И да, я тебе ничего не говорил!”.

— Чего, — не въехал я, благо, что выскочил из светкиной прелести.

А пока я тупил, случилось непоправимое. Детородный орган начал орошать буйную растительность семенным материалом. Но кайфа от этого я не испытал. Так и стоял я злой и с приспущенными штанами.

Светка, когда поняла, что я всё, брякнулась рядом.

Минут пять мы приходили в себя, а потом до меня дошло, что мне Чиж втереть пытался.

Пришлось быстренько приводить себя в порядок, закуривать и топать к сцене. Естественно в одиночку.

Светку я попросил слегка задержаться. Да она и не против была. Она так и лежала бесштанная дивчина и созерцала звезды. Все-таки странные они эти дети цветов.

Как оказалось, вернулся я вовремя.

Маринка, словно разъяренная фурия, носилась вокруг сцены, грозя всем и каждому всеми возможными карами, если меня не сдадут с потрохами.

Я же не знал, что наше выступление она посмотрела откуда положено. А потом моя заботливая Мариночка до бабули за бутылкой сбегала, как положено очередь отстояла, а когда вернулась, то за сценой нас не нашла. Бабка тоже не знала, где мы. Вот и отправилась подруга меня искать. В темноте, да ещё и по кустам.

А там после нашего самогона такое творилось.

И ведь почти нашла, и почти предъявила. Спасибо Чижу и его скорострельности. Попользовал малой две дырочки и отпустил их с миром. А тут вой из-за кустов. Ему интересно стало. Маринка тоже в этом направлении двинула и чуть Чижа не раздавила. Благо, Чиж моментально сориентировался. Хитростью да обманом, а оттащил Маринку подальше от облюбованных мною кустов. Она только силуэт мой увидела.

Вот на это и давила.

— Дык, к нам же в село рокеры со всей округи стянулись. Все патлатые и в косухах. Вот ты и перепутала, — строил я линию защиты своей чести, удерживая сверкающую глазами подругу, в крепких объятиях и мелкими шажками увлекая её в сторону уже знакомой поляны. — Я же тебя, солнышко моё, около сцены не обнаружил и от того сильно расстроился. И домой пошёл. Вот хочешь, я тебе своим половым достоинством поклянусь, что я дома был, кино смотрел, кисель пил и кашу манную трескал. И ни с какой Светкой под кустом я не развлекался.

— Да иди ты в жопу! — взвизгнула она.

— Ну что ж, в жопу, так в жопу, — вздохнул я и запечатал её рот своими губами.

Марина, конечно, пыталась сопротивляться, но опыт не пропьешь. Пальчики свое дело знают.

— Я тебе сейчас железобетонный факт, доказывающий, что сексу у меня не было, предъявлю, — максимально сухим голосом выдал я, оторвавшись от маринкиных губ.

Девушка даже удивиться не успела, как я ловким движением рук приспустил её безразмерные джинсы и загнул в коленно-локтевую позу.

— Я стар, я мега стар, я супер стар, — выдал я голосом киношного злодея. — А потому, два раза без перекура не могу.

— Чего? — вывернув голову в мою сторону и скосив глаза, удивилась девушка.

— Старый, говорю, стал. Встает медленно, — хмыкнул я, освобождая от розовых трусиков оперативный простор на девичьей заднице. Удовлетворения я так и не получил и хотелось это устранить.

Член был со мной солидарен.

— Иду на сближение! Разрешите посадку. Стыкуемся, — выдал я.

— Ой, мляя, — взвизгнула Маринка, выгнувшись дугой, когда я без всяких прелюдий доказал ей твердость своих намерений. — Не та дырка, болван.

— То-то я смотрю, нам тут не сильно рады. Ооо! Давай, родимая. Давай. Влез! — комментировал я свои действия, совершенно не обращая внимания на маринкины попытки остановить пенетрацию.

— Козёл, — возмутилась девушка, когда поняла, что настрой у меня серьезный.

Я это посчитал за комплимент и проявил активность.

— Ну, вот видишь, дорогая. Сегодня у меня еще никого не было. Мир? — предложил я подруге, медленно двигая тазом, вспоминая блаженную улыбку Светки. — Смотри, вон Большая Медведица, а вон Малая. А вон звезда падает. Смотри-смотри быстрее. Красота же, — вещал я, не прерывая процесс соития.

— Ой! Иди ты. Нет, стой! Да, жестче! Нет, нежнее! Да еби ты уже по нормальному, — завопила она.

Ну а если девушка просит, я и задвигал тазом в такт музыке. Слабая доля — назад, сильная — вперед. А когда драмер, собака сутулая, двойки в бочку заиграл, Маринка дугой выгнулась и как завоет на луну.

И тут я снова прихрипел, а потом и кончил, решив про себя, что пользованием девок на природе в полнолуние нужно завязывать. А то кто этих ушастых разберет. Обратится ещё в кошкодевочку. И чего мне потом с ней делать? Рыбкой кормить и за ушком чесать? А большее мне принципы не позволяют. Я ж не зоофил какой.

— Во-во, и я про тоже, — поддакнул я пытавшейся отдышаться подруге и упал на траву. — Солнце, дай, пожалуйста, огня.

Глава 25. Ночная философия

Эй, зазноба выходи скорей на двор,
Я специально для тебя гитару припёр,
Я сыграю для тебя, на аккордах, на блатных,
Ну а коль не выйдешь ты, то получишь под дых.

“Сектор Газа”.

Напевал я, прогуливаясь под маринкиными окнами воскресным вечером.

Фест прошел на славу. Гари мы дали. И если несознательные гости, перепившись нашего самогона, сразу после захода солнца устроили в окрестностях сценической площадки массовую оргию. Да такую, что ей бы и древние греки позавидовали.

Я-то тут при чем?

Это все свежий воздух и живой звук. А меня там не было. Даже рядом не постоял. Естественно, по официальной версии.

Давеча, вроде как, даже делом подруге это доказал. И пофиг, что доказательная база встала только благодаря невероятно приятственной на ощупь заднице и самогону. Марина, вроде как, мне даже поверила.

Если кратко пробежаться по событиям сегодняшнего дня, то фест закончился, мое здоровье тоже. Артисты и зрители массово сваливали в родные пенаты, а звукар и техработники похмелялись, разбирая аппаратуру.

Чиж свалил им помогать, а я, почесав репу, двинул к подруге.

— Маринка, выходи, — орал я на всю округу, окрыленный небольшой порцией бабкиного самогона.

Для подруги я тоже немного в шкалик накапал. Нужно же его куда-то девать было.

Спрос то на наш эликсир был бешеный. По началу.

Беда пришла откуда не ждали. Городские гости, несмотря на свой конкретно брутальный вид, оказались жутко восприимчивыми к нашему самогону. Косил он их после третьего стакана, как град — подсолнух.

Чиж мне рассказывал, что к финалу шоу без смеха лицезреть просторы в отдалении от сцены было невозможно. Голые задницы, знатно покусанные комарами, краснели по кустам то тут, то там. Пройти по ближайшим зарослям и не вляпаться в блевотку было просто невозможно.

А сколько использованных гандонов реяло над полем битвы с зеленым змием, то неведомо никому.

Были и положительные моменты. У правоохранительных органов, в лице Петровича, к нам претензий не было.

Как выяснилось позже, гостей тоже всё устроило. Каждый получил то, зачем сюда приехал. А некоторые даже больше.

Только бабуля расстроилась. Как она выразилась, осадочек у неё остался.

— И куды я стопятьдесят литров самогонки теперь дену, — сокрушалась бабуля, когда я добрым воскресным утром, и пофиг что часы пятнадцать нуль нуль показывали, соизволил протрять глаза и закинуться калориями. — Совсем измельчала молодежь. Я-то думала, не

хватит. А оно вон как вышло. По три стакана и уноси готовенького, — ворчала она, заботливо накапывая мне за ужином в граник.

Тут бабке нужно отдать должное, как говорится, отнеслась с пониманием к моему новообретённому статусу местной рок-звезды и состоянию здоровья после вчерашнего и позавчерашнего. Ну а после красочной лекции в моем исполнении о жизни и приключениях дедушки Оззи, сдобренной парой видосов с концертов, вопрос о необходимости похмелиться больше не стоял.

Тем более что добра осталось, как старушка сказала, на две деревенских свадьбы хватит. Ну а если самогонки в накат, то и о настроении для любимой девушки нужно позаботиться. Тем более что наш эликсир зарядил меня бодряком, а нутро уже требовало второй дозы и единения с противоположным полом.

— Марина, ну вылазь уже! Хорош дуться, — вопил я, настойчиво тарабаня в окошко.

Раму вынести мне не удалось. В окне промелькнул силуэт подруги и мне, то ли погрозили кулаком, то ли титьку показали.

Я не понял.

Почесав репу, я решил подождать. Уселся на завалинку и начал коптить небо. Зазноба долго ждать себя не заставила. Всего-то через полчаса вырулила. В легком сарафанчике, с прической и макияжем. Одним словом: “Вся прекрасная такая, растудыть её туды.”

О чем я ей, собственно, и сообщил. В благодарность меня даже в щёчку чмокнули и по рукам, которые в этот момент пытались проинспектировать скрытые сарафаном прелести на предмет наличия нижнего белья, ударили.

— Успеешь ещё, — отрезала Маринка, кокетливо одергивая задравшуюся одежду.

— Сегодня до утра не получится, — вздохнул я. — Я весь день проспал. Бабка мне за это предъявила. Там забор направленный, грядки не поены, куры не доены, козлы не выгулены. Короче, работы у меня на завтра непочатый край. И всё с рассветом начать делать нужно. А я старенький. Мне поспать хочется.

Масштаб я конечно слегка преувеличил. Нет, бабка меня озадачила, но слегка. А завтра после обеда я планировал на рыбалку с ночевкой свинтить. Надоело мне с первыми петухами ложиться. А так был шанс под благовидным предлогом нажраться печёной картошки с яйцами и от души поспать на свежем воздухе.

— Так что, погнали вечерний моцион совершать и звёздами любоваться.

— Не, я без лубриканта или презерватива, на худой конец, на звёзды больше не смотрю. У меня после прошлых просмотров задница ещё не зажила, — буркнула Марина.

— С хераль он худой то? — возмутился я, но этот щепетильный момент Маринка тупо проигнорировала.

Так и сидели мы как два пенька. Минуты две.

— Что-то так экспериментов сексуальных захотелось, — вздохнула девушка.

— Кнут, наручники и маску, правда, сварочную, я знаю где нарыть, — моментально возбудился я на новые свершения.

Но беда пришла откуда не ждали.

— Дяденьке такое вредно, дяденьке спокойный и размеренный секс нужен, — прощбетала подлая девушка, теребя меня за щеку. — Давай лучше традиционный просмотр устроим? Классический, так сказать. По олдскулу. Как в твоей молодости! Правда же говорят, что раньше только в позе бревна, под одеялом и в абсолютной тишине. Да?

— Ага, и только по праздникам. В определенные часы и когда луна в нужной фазе.

Иначе, на костер, — съехидничал я.

— Гонишь? — заерзала Марина. — Как же вы жили то? А если прям захотелось?

— Газетку почитал и перехотелось, — буркнул я, думая, как соскочить с этой темы.

Вот не много же мне лет. Слегка за тридцать. Всего-то на десяточку побольше, чем этому ушасту. А все равно в пенсионеры записывает.

— Олдскул, значит, хочешь, — переспросил я, с загадочным видом почесывая затылок. — Ну, тащи свечи, сметану с оладушками и пошли в койку. Сейчас будет тебе олдскул. Как в кино, мля.

— А сметану с каким процентом жирности нужно? А оладушки — это что? — зависла Маринка.

— А мука то, хоть, есть? Масло там. Маргарин, сковорода, простокваша? — огласил я весь список, поняв, что перед соитием придется мне покашеварить слегка.

— Масло было, кажется. А про остальное не знаю, — ошалела от моих познаний девушка.

Пришлось всё брать в свои руки и топтать к девчонкам. А после ревизии продовольственных запасов, по большей части представленных бичпакетами и прочей быстроприготавливаемой химикалией, с озабоченной мордой двигать до бабки.

Выцыганив у ошалевшей от моих запросов старушки необходимое для оладушек, потопал обратно. Про сметану, правда, забыл на радостях.

Маринка в мое отсутствие времени зря не теряла. Древнюю чугунную сковородку от нагара отмыть пыталась. Весь маникюр испортила, руки в кровь о металлическую губку исцарапала, а успеха не добила.

Пришлось и тут всё брать в свои руки и проводить ликбез, что не надо с таким усердием это драить.

Типа, и так сойдет. И вообще, это древнее антипригарное покрытие.

— Не очкуй, я все выпуски “Галилео” смотрел, — успокоил я подругу, когда всё было помыто, отмерено и разложено. — Правда, подзабыл малость.

— Кого ты смотрел? — удивилась Марина?

— Пушного! Чувак такой мега-крутой. По телевизору передача шла, так он там заумные вещи двигал. И всё понятно.

— В смысле крутой? Ты меня совсем за дуру держишь? Если бы хоть кто-то по крутости был подобен Моргенштерну, я бы про него точно знала? — съехидничала Марина.

— Ну, уж умнее — это однозначно, — буркнул я, замешивая тесто.

Тонкостей и пропорций я не помнил, решил кухарить на глаз. В нужные моменты память сама подсказывала, как это делала бабка. Так что я с наглой мордой тупо копипастил.

Ну а чтобы Маринка под ногами не мешала и своими патлами в мое тесто не лезла как дитё малое, делегировал я её к своей бабке, велев нормальной сметаны притащить. Но не слишком жирной. Я же девушку накормить, а не прочистить решил.

А пока она выполняла выданный мною квест, горка незамысловатого лакомства росла. К Маринкиному возвращению на столе уже дымились внушительная такая горка румяных оладушек. Ну и я с хитрой мордой тоже ожидал благодарностей. Есть то я не сильно хотел. Бабуля с пустым желудком меня на улицу никогда не пускала. А вот от сладкого, не отказался бы.

— Да тут же один холестерин. И вообще, такая пища вредит фигуре, — попробовала

отмазаться от моего угощения Маринка, когда я замешал сметану с сахарком и показал, как макать в него оладушек.

— Не бойсь, мы лишние калории физической активностью сожжём. А холестерин натуральным лекарством вымоем. Самогон называется. Он, знаешь, как сосуды чистит, — заверил я девушку.

Сопротивляться было бесполезно. Да и желудок у подруги урчал без передыху. А после дебютного оладушка Марина забыла и забила на все вредности.

Метала со стола так, что за ушами трещало.

— А где ты так готовить научился? — слегка подзабавив желудок, поинтересовалась девушка.

— Так я ж не мальчик. Много умею, ещё больше знаю, — подмигнул я ей.

— Не то, что некоторые, — вздохнула подруга и вновь набила рот.

Я таким аппетитом не отличался. Так, заморил червячка и замутил себе чая. Сидел, прихлёбывал, любовался девушкой и жмурил глаза, представляя, как мои губы скользят по её губам. Как мой шаловливый язычок ласкает соски, а рука медленно скользит всё ниже и ниже. Поглаживает, раздувшийся от хорошего ужина животик. Поглаживает нежную кожу на лобке. Пальцы погружаются в податливую и горячую девичью киску. И им становится жарко. Так жарко, что обжечься можно.

— Ай, мля, — вскрикнул я, приходя в себя.

Замечтался я знатно. Пальцы в кружку с горячим чаем запустил.

— Ты чего? — дернулась Марина, окинув меня излучающим всевселенское счастье взглядом.

— Не, нормально всё. На красивую девушку засмотрелся, — подмигнул я.

Марина хмыкнула и потянулась к последнему оладушку.

— А я бы за тебя замуж пошла, — потягиваясь на стуле, призналась мне подруга, когда тарелка опустела. — Готовишь ты круто. И пенсия у тебя, полюбому, не маленькая. А ещё и стоит. Идеальный папик.

От таких откровений я аж чаем подавился. Он у меня носом пошёл. Еле откашлялся.

— И кто тебе про это подсказал? — заинтересовался я.

— В книжках читала. В интернете сайт есть. Там лучшие авторы современности публикуются. Там и нашла. В книге “Откровения старой девы” вычитала. Автора, правда, не помню, — призналась Марина.

Я лишь вздохнул. Второй сытный ужин, запитый чаем заставил меня развалиться в кресле. Нижний мозг настоятельно требовал воссоединения с красной девицей, а оставшиеся части тела намекали на необходимость усвоения калорий.

Ну а что лучше всего делать после сытного застолья? Только философствовать. Желательно о том, как всё хреново и что вокруг все мудаки.

— Ты бы с шаблонной литературой завязывала бы, — хмыкнул я. — А то совсем дурой станешь.

— Это почему ещё? — надулась Марина. — Обычно говорят, чтобы успеха добиться, читать нужно.

— Не всё и не всем, — отрезал я, усаживаясь поудобнее. — Они специально искажают реальность, чтобы бабла срубить.

— В смысле? — удивилась подруга.

Я вздохнул. Монолог предстоял длинный. Совпадение или нет, но эту тему я на

похмельном досуге уже как-то обдумывал. А поводом к размышлению стало очередное творение про попаданца в СССР. А тут как раз ситуация подходящая.

Лекцию начал издалека.

— Вот смотри, — ухмыльнулся я, уверенный в верности моих мыслей. — Представим, ты — попаданец в прошлое. Пусть у тебя даже будут все полагающиеся плюшки в виде ноута с кучей важной и полезной инфы. Послезнания. Да что хочешь. И перенеслась ты, например, в лето 1940 года.

Вводная Марине понравилась и она, предвкушая вопрос: “Твои действия”, даже заулыбалась.

Видимо соригинальничать хотела.

— Допустим, тебя не расстреляли, как шпиона, не закрыли в дурку, как опасную для общества. Всё у тебя сложилось, и ты попала к мелкому чиновнику, который тебе поверил. Через него ты выходишь на самый верх и добираешься до самого, — воздел я палец к потолку.

От обрисованных перспектив Марина даже застыла.

— Твои действия, — ласково поинтересовался я.

— Нууу, — протянула девушка. — Если действовать по шаблону, как большинство попаданцев, я товарищу Сталину ноутбук покажу и ролики, в которых первые дни войны запечатлены. Чтобы предотвратить такие жертвы.

— Ну и дура, — хмыкнул я. — При таком раскладе, тебе, как минимум психушка светит. Лично я так думаю.

— Это еще почему? Ноутбук будет самым ярким доказательством, что я путешественник во времени! — начала заводиться Марина.

Я лишь ухмыльнулся, довольный, что наивное дитя стереотипов попала в мои интеллектуальные сети.

— А как доказательство, я смогу покопаться в ноутбуке и найти какое-нибудь событие, которое случится на днях. Такое событие найду, о котором никто и знать не должен, — яростно отстаивала свою позицию девушка. — Или наоборот, озвучу такой факт из прошлого, о котором никто кроме Сталина не знает.

— И тебя расстреляют за шпионаж — буркнул я.

— А при чём тут это? — оторопела Марина. — Там же, я же...

— Чтобы хоть чуть-чуть понять, что за время было и как там всё работало, смотри советскую классику. Вдумчиво так смотри. Например, фильмы Озерова пересмотри. Это кинорежиссер, если что. Там есть про это, хоть фильм и сняли в восьмидесятых годах прошлого века.

Я жадно затаился. Задела меня эта тема. Да и для себя я новые открытия по ходу пьесы делать начал.

— Ты думаешь, Сталину не докладывали о планах Гитлера? Ещё как, если выразаться современным языком, сливали инфу. Даже самую секретную. Так и показывают, как дань нашей разведке. А что Сталин?

— Что Сталин? — как попугай повторила за мной Марина.

— А Сталин болт на это клал. Я точно не помню, процитировать не смогу, если интересно сама найдешь и посмотришь. А если кратко, то он говорил, что это дезинформация. И это верховный вождь говорил не раз. Даже после провалов, даже когда “деза” подтверждалась фактами. Суть в чём, у вождя народов права на ошибку не было, и он

это понимал. А как врага легче всего обмануть? Сливать специально подготовленную инфу о событиях, которое потом произойдет. На пятый раз сомнений уже не будет и тут херак и большой облом. Все не на севере, а с юга ломают.

Я перевел дух. Марина попыталась мне возразить, но я добил её очередным аргументом.

— Вторая важная составляющая навеяна фильмом “Терминатор”. Часть первая, — хищно улыбнулся я. — Если бы машины не послали терминатора в прошлое, их бы тупо не было. Так что, временная петля, или как это там называется. Вобщем, всё взаимосвязано. Если ты прибыла из будущего, то все действия, которые ты предпринимашь, ведут лишь к тому, что все события происходят ровно также, как происходило в твоём времени. Если проще, то ты становишься тем катализатором, запускающим необратимый процесс твоей реальности.

— Чего? — не вдуплила Марина.

— Того! — добил я. — Другая вводная. Например, ты перенеслась в прошлое, чтобы спасти Союз от развала. Допустим, никто из высокопоставленных чиновников и не задумывается о собственном обогащении. Всё для страны, всё для народа. А тут ты такая красивая. И давай самому честному напевать, мол, а товарищ Брежнев страну в застой вгонит, а товарищ Горбачев Союз вообще развалит. А попутно на уважаемых членов того времени псевдорасследования своих современников озвучиваешь. Обличаешь, так сказать.

Я перевел дух.

— Этим самым ты, — я грозно ткнул в Марину пальцем, — побудила человека думать об этом. Он и думает. В итоге додумывается до того, что если они такие плохие, а чем я хуже. И понеслась моча по трубам. Друзья этого вельможи смотрят на твоего просвещенного чинушу и тоже начинают тырить и морально разлагаться.

Видимо слишком уж я сгустил краски. Марина даже дышать перестала. Заслушалась.

— Любое действие, имеющее хоть какое-то значение в судьбе человека, происходит не с бухты-баракты. Нужен толчок. Вот поговоришь ты с кем то, чисто из благих намерений, а собеседник твой и не задумывался об этом никогда. Такой пример нарисовался. Ты перенеслась в прошлое, нашла Чикатилу и давай его уму разуму учить. Что мол, насиловать и убивать — плохо. И между делом, проскальзывает у тебя, как бы, безобидная и совершенно воспитательная фраза: “Да и как можно девушку взять против её воли? Только псих от такого удовольствие получит!”.

— Чикатило, такой, почесал репу и только про удовольствие то и запомнил. На подкорку ему это записалось. И начинает его эта мысль терзать. Мучается-мучается человек, а потом решается и творит то, от чего ты отговаривала. И всё. Временная петля замкнулась. Отсчёт пошел. А виновата во всем этом безобразии — ты! — снова ткнул я пальцем в расстроенную Марину.

— А я-то тут при чем? — хлюпая носом, спросила она.

— Это я так, к примеру. Сегодня же ты у нас путешественница во времени, жаждущая исправить все косяки и предотвратить всё.

Достучался ли я до девичьего разума или все было впустую, я так и не понял. Марина отвернулась и, сопя в две дырочки, уставилась в ковер, висевший на стене.

— Я тебе даже примеры могу привести. Реальные, — хмыкнул я.

Девушка молчала.

— Вот смотри, если покопаться в биографиях, то практически у каждого исторического персонажа есть такой момент в жизни, когда ему как “обухом по голове дали”. Писец какой-

то случился. И он такой, бац! И что-то кардинально меняет в себе или своем отношении ко всему. По моей теории получается, путешественник во времени решил изменить будущее в своих интересах и, вернувшись в прошлое, решил или устранить, или изменить судьбу этого человека, а соответственно и переписать всю историю. Но всё пошло именно так, как и было в реальности путешественника. То есть, попаданец создал не альтернативную историю, а свою реальность.

Видимо проняло девчонку. Она даже поежилась, но продолжила молчать. Я ей не мешал. Сидел тихо и даже не шевелился.

Пусть подумает.

— Это всё твои придумки, — бросила мне Марина, спустя минут пять. — Домыслы. Так в реальной жизни не бывает.

— И тут вы, юная леди, снова ошибаетесь, — обрадовался я. — Пример из жизни. Абсолютное большинство молодых людей бухать начали из-за интереса. Тупо интересно было, что это такое — похмелье. Загадка. И нафига тогда взрослые бухают, если потом так плохо. Лично я так в первый раз и попробовал самогон. Чисто ради эксперимента. Похмелье, как и следовало ожидать, не было. По началу. А когда понял, что такое этот бодун, оказалось поздно было пить боржоми.

— Ещё один пример из жизни, — вновь завелся я. — На одном из уроков учитель нам начал рассказывать, какое зло наркотики, как нариков ломает, и как они лежат в отключке, запускают себя, сопни и слюни пускают. И всякое такое в этом духе. Так самое интересное, что до этого урока лично я про наркотики и слыхом не слыхивал. А как узнал, так у меня дикий интерес появился, чего это за дрянь такая и почему все про это знают, а я нет. Несправедливость. Надо исправить. Спасибо судьбе, что не срослось. Не было у нас в деревне нариков. А когда в город перебрался, взрослее стал да и позабыл об этом.

Видимо, этот факт попал в самую точку. Случалась у Марины подобная ситуация в жизни. Видно это было. Вновь замолчала моя подруга и засопела в две дырочки.

— Не переживай так, милая леди, — успокоил я Марину. — Вот видишь, судьба послала тебе меня. Давай расценивать это, как знак или предупреждение от совершения чего-то страшного. И вообще, вдруг я сейчас мир от ядерного апокалипсиса спас, — нагонял я жути, подсаживаясь поближе.

— Ага, как же. Тоже мне спаситель, — хмыкнула Марина.

— А почему бы и нет, — прошептал я ей на ухо.

— Уйди, дурак, — взвизгнула подруга. Но было поздно. Губы встретились, руки сплелись, мы плюхнулись на кровать, и состыковка вновь прошла успешно.

И опять без презерватива.

Глава 26. Развлекуха по олдскулу

Солнце осветило горизонт —
Утро оборвало мой сладкий сон,
Я проснулся, я был поражён:
Ощутил годам урон.
Словно в первый раз я увидел свет,
Словно в первый раз я был им согрет,
Годы ощутил, хоть я и не дед —
Мне сегодня 30 лет!

“Сектор газа”

И хотя ни у меня, ни у Чижа сегодня тридцатилетнего юбилея не было, а на дворе, точнее в полях, был вечер, мы летели по пыльной дороге на моей верной “старушке” навстречу ветру и приключениям. И орали именно эту песню.

Ой, извините. Я опять слегка форсировал события. Восстанавливая хронологию.

Пять дней прошло и ничего интересного не случилось. Так, бухали по чуть-чуть. А как иначе? То один в гости зайдёт, то другой, то к зазнобе забегу.

Вот и это утро было ничем не примечательным, разве что бодун почти не ощущался. Хотя накануне я был практически трезв, и кишки подкручивало по привычке и по причине затянувшегося алко-марафона.

Утренние задания бабули были исполнены как по щелчку пальца, а с обеда я начал готовиться к вылазке на природу. Нашел в сарае свои старые бамбуковые удочки, поклянчил по соседям и нашел-таки леску, поплавки и крючки.

Привел свои древние снасти в божеский вид. И даже червяков накопал, попутно проведя среди кандидатов на крючок планёрку. Каждому червя объяснил, кого и какого размера я хочу на него поймать.

В детство в общем впал. Хотя бабка сказала, это больше на “белочку” похоже. Но мне было пофиг.

Всё шло к тому, что вечернюю зорьку сегодня я проведу в окружении огромных комаров на берегу реки. А если повезёт, то даже рыбы наловлю.

Не повезло. Не фортануло. Вмешался случай.

Я удочки уже к мотику примотал, рюкзак на спину закинул. Да на свою беду присел и закурил на дорожку. Это меня и сгубило.

Через пару затяжек во двор влетел взбудораженный Чиж.

— Санёк, дело есть. Нас тут, это. Поиграть и попеть нужно. На День рождения зовут, короче, — сбивчиво выпалил любитель обломать мои планы.

— И? — потребовал я продолжения.

— Чего и? — не въехал Чиж. — Ехать надо!

— Нахухуа? — попытался я вытянуть из балбеса весомый аргумент, который заставит меня отбросить желанный момент единения с природой, о котором я последние пять лет мечтал.

— Ну так, Миха же зовет, — аргументировал малой.

— А это кто? — начал терять я терпение.

— Хороший знакомый. В колледже вместе учились, пару раз в лагере вместе тусили.

Батя у него высокий чин имеет, а сын просто хороший человек. А у Михи сегодня юбилей. Восемнадцать лет мужику стукнуло.

— Под майфун отпразднует. А если так хочется, один дуй, — отмахнулся я. — Я-то почти почётный предпенсионер из лихих девяностых и пьяных нулевых. Стесняюсь спросить, за каким хреном я на эту вписку припрусь? — начал злиться я.

Сегодня мне действительно, ну никак не хотелось тусить. Печень по утрам уже не ныла, а настоятельно требовала перерыва. Я её успокаивал, что сегодня точно всё, а вечером обязательно какая-нибудь херня случалась. Ну или я с кем-нибудь случался.

А на трезвую как-то...

Но балбес не сдавался. В красках, слезах и соплях обрисовал мне, что ему грозит за игнор такого приглашения. И авторитет его, с таким трудом заработанный, и весь прогресс и всё прочее, на что я его сподвиг. В общем, все накроется медным тазом. Если по культурному.

Я почесал репу, а потом погладил пузо в районе печени.

— Уболтал, чёрт языкастый, — сплюнул я, скидывая рюкзак. — Иди червей на волю выпускай, гринписовец долбаный.

— А с какого момента я гринписовцем то стал? — завис Чиж.

— С того самого, как полсотни невинных обитателей навозной кучи от неминуемой гибели в пасти речных рыб спас, — буркнул я. — Куда поедет то хоть?

— Дык, тут не далеко. Полчаса ходу. В Забродинск, — подмигнул мне балбес, схватил банку с наживкой и слинял.

Я на него даже наехать не успел, за такое «тут рядом». До этого, мини-города, а если точнее, большой деревни, километров сорок пилить.

Это если полями.

А по трассе, под все сто с хреном выходит.

Но как говорится, пацан сказал — пацан сделал. А пока мотик разукomплектовывал, даже успокоился немного. Прикинув, что херли рваться, если не судьба. А против неё не попрешь.

А тут и Чиж явился. Резво помог мне коляску прицепить. Полный бак обещал заправить, струны новые курьером заказать.

Короче, накормил он меня обещаниями, как кандидаты в депутаты. У меня даже подозрение нездоровое появилось, какого лешего он на эту днюху ломится, как пустобрёхи в думу.

На это я Чижу и намекнул.

— Да там, говорят, Алёнка будет, — раскололся малой после неоднократных наездов. — Она такая...

— Ты ей вдуть чтоль решил? — разбил я юношеские чувства своим цинизмом.

Дружан даже дернулся от неожиданности. И смутился.

— Не сразу. Потом. Она действительно такая... — юноша мечтательно закатил глаза, обрисовывая руками силуэт своего объекта воздыхания.

— На неё, знаешь, сколько пацанов передергивают? А она недоступная. Ни на кого внимания не обращает. Говорит, принца жду. А тут такой шанс. Прикинь, — совершенно без

стеснения выдал мне Чиж. — А тут я. Точнее мы. Ты же мне поможешь?

— А вот это уже совершенно другой коленкор, — похлопал я дружана по плечу. — Так бы сразу и сказал, что к крутой тёлочке решил свои шары подкатить. А то насвистел мне тут, про авторитет пошатнувшийся, уважаемые люди. Нет бы сказал, хочу свой писос в неизведанной лунке покупать, — подбодрил я малого. — Давай люльку цеплять и погнали уже. А то время срать, а мы не ели.

Сборы прошли как один миг.

Воодушевлённого Чижа и подгонять не нужно было. Он даже бенза мне полный бак залил и пятёрку в довесок дал.

Облачились мы с ним в брутальный и соответствующий нашим сценическим образам шмот, в котором выступали на фестивале. Зацепили гитары, пятилитровую баклаху с самогоном и дунули по полевой дороге навстречу приключениям.

Первая остановка случилась почти сразу за околицей Бухарино.

— На посошок не бахнули, — объяснил я причину заминки.

Малой инициативу поддержал и через пять минут мы продолжили свой путь. Потом остановились ещё раз. А потом ещё и ещё. То слить лишнюю жидкость нужно было, то восполнить её запас.

Выпивали мы по чуть-чуть. Чисто символически. Но мимо Любавино мы пролетели хорошо разогретые и с песнями. А потом и “тридцать лет” затянули.

Точный маршрут по полевым дорогам до Забродинска я помнил смутно. А тут ещё и темнеть начало.

Благо направление было известно, и я крутил ручку газа до отказа.

А когда по моим подсчетам до конечной точки нашего маршрута оставалось километров десять, Чиж начал паниковать, что мы не туда едем.

— Не ссы в компот, там повар ноги моет, — успокоил я инициатора нашего путешествия. — Щас найдем аборигена и узнаем, где мы не туда свернули, — отмахнулся я, всматриваясь в петляющую дорогу, хранящую глубокие следы активности сельскохозяйственной техники.

— Ночью, в полях? — охренел от моей уверенности Чиж. — Ай, мля.

Я влетел колесом коляски в глубокую калдобину и балбес прикусил язык.

Видимость была хреновая, пришлось сбавить обороты.

— Главное, верить в успех и не унывать! А остальное само собой сложится, — подбодрил я дружана. — Щас мы посадку пообедем, а там до твоего именинника рукой подать.

Крутой поворот я прошёл не спеша. Сразу за посадками дорога снова круто поворачивала на право, а потом расходилась в три разные стороны. Пряма, как в сказке.

Только вместо камня свет фары выцепил из сгущающейся тьмы девичью задницу. Остальное рассмотреть не удалось. Белое пятно метнулось в сторону кустиков, а я резко затормозил.

— Чего уставились. Пописать уже нельзя спокойно, — взвизгнули в кустах. — Извращенцы херовы.

Мы с Чижом переглянулись. Я хмыкнул, заглушил движок и вырубил свет.

— Не бойся нас, красна девица. Мы тебя не обидим, — попытался спародировать я древнерусского богатыря.

Мультфильм про богатырей смотрел недавно, вот и запомнил. Всё хотел эту фразу

ввернуть к месту, а тут такая удача.

— Чего? Не местные что ли? — охренела незнакомка.

— Сюда ходи, говорю, — сплюнул я. — На Забродинск куда поворачивать?

Кусты зашевелились и вскоре явили нам любительницу орошать полевые дороги.

При ближайшем рассмотрении в лунном свете, девка оказалась ничего так. Небольшого роста, волосы до плеч, титьки в количестве двух штук присутствовали. Жопка — затянута в тесные джинсовые шорты. Тридцать килограмм, как и восемнадцать лет, на вид, ей точно было, значит к спариванию готова.

Чиж зассанку тоже положительно оценил. А я напряг мозг. Уж больно знакомой она мне показалась. Или реально старею, и вся молодежь для меня становится на одно лицо.

— А подкинете? — улыбнулась нам незнакомка.

— А то, — обрадовался я. — Прыгай назад. Долетим с ветерком и музыкой.

Обещанное нами было исполнено в полном объеме. Орала мы громко, газу я тоже поддавал от души. А отчего ж не газовать то, когда чем больше скорость, тем сильнее спиной ощущаешь приятственную упругость девичьих титек, что прижимаются к тебе.

Дорогу нам показали, а нужный дом мы нашли без труда. Единственная трёхэтажка на всю округу. Чего её искать то.

— Мальчики, а что вы тут делать планируете? — поинтересовалась подруга, когда мы запарковали своего железного коня.

— Нууу, — задумался я. — Бухать. На днюху позвали.

— Ой, а можно я с вами?

— Я не против. А за именинника не знаю, — пожал я плечами.

За то, что явились мы с лишним ртом, я не переживал. Чижу вообще всё было фиолетово. Он предвкушал встречу с виновницей своих ночных поллюций.

Ничем не примечательный и традиционно грязный подъезд принял нас радушно. По звукам музыки определили нужную нам квартиру и с гитарами наперевес отправились на штурм.

Звонка не было. Достучаться получилось не сразу. Но были настойчивы, нас услышали, и музыка за дверью стихла. И я, доказывая серьёзность наших намерений, опять вежливо так, с ноги, постучался.

— О, дружище, здорово! — поприветствовал нас слегка покачивающийся юноша, возникший из-за открывшейся двери. По-видимому, виновник сабантуя. — А это кто с тобой?

— С днюхой, Миха, — подтвердил мою теорию Чиж. — А это со мной. Считай, подарок. У тебя сегодня в качестве подарка квартирник от настоящих рок-звезд.

— Фига се, — обрадовался Миха. — Залетайте.

Я от такого представления сильной радости не испытал, а вот наша спутница расцвела.

— Пацаны, знакомьтесь, — кивнул на нас виновник торжества, когда мы вошли в зал, в центре которого стоял праздничный стол.

И его убранство меня совершенно не порадовало. Бутылка водки, три шкалика вина и куча энергетиков. Из калорий — роллы и прочий фаст-фуд. И никаких тебе салатов, в которых так приятно поспать.

— Филин, — представился я, откинув прочь закравшуюся в голову мысль, а нах я сюда припёрся.

— Для тех, кто меня не знает, я Аня, — представилась наша спутница и, схватив меня за

руку, потащила за стол.

Ответом нам была гробовая тишина. В тусовку мы пока что явно не влились. А значит это нужно исправить.

— О, Алёнка, привет, — обрадовался Чиж, обнаружив виновницу нашего вояжа. — Как жизнь? Хочешь песню сыграю?

Что ответили другу, я не расслышал. Кто-то опять врубил музыку. Если это можно назвать этим словом. А молодежь рассосалась по углам и, потеряв к нам всякий интерес, погрузилась в мобильники.

— Мдааа, — охренел я.

В морды нам не давали и на улицу не выгоняли. Но и текущий расклад меня не устраивал. Пришлось всё брать в свои руки. Да и Чижу помочь хотелось. А то он бедняга вокруг этой Алёны круги нарезает, а она и ухом не ведёт.

— Уважаемые чуваки и чувихи, — прокашлялся я, добравшись до компа и вырубив пародию на музыку. — Сегодня мы собрались тут по уникальнейшему случаю. Другу моего друга с сегодняшнего дня можно спать без трусов. А чтобы этот день запомнился на всю жизнь, предлагаю устроить тематическую вечеринку с полным погружением во времена, когда виновник торжества гадил под себя и независимо от своего прикида и состояния вызывал умиление у всех лиц женского пола.

Тусовка от моих слов зависла.

— А потому, в задницу новомодное пойло, налетай на натуральное, — озадачил я толпу, выставив на стол початую пятилитровку с бабкиным самогоном. — Хлебай, внучки, ханку. А батя сейчас вам покажет, что и как.

— А кто не с нами, тот лузер, — вставил свои пять копеек довольный такой переменной Чиж.

Молодежь прониклась. Даже телефоны в карманы переключали.

Мастер класс по правильному питию кошерного самогона был воспринят на ура. Лайфхак с запивом оценили все. И после второго захода уже начали соревноваться, кто совсем без закуси накатить сможет.

А после пятого тоста наши ряды начали редеть. Самогон косил молодёжь на ура. Причем всех одинаково. Пацаны зажимали рот рукой, пытаясь сдержать озорную блевотку, и ломались в подъезд.

Обратно, почему то, никто не возвращался. Меня этот факт начал напрягать.

Чиж тоже был недоволен развитием событий. Он-то уже попривык к самогону. А вот его пассия первые три тоста поднимала банку с энергетиком. Потом инициатор моего путешествия, вспомнил о чудодейственном эффекте нашего самогона и с юношеским фанатизмом стал склонять подругу к дегустации элитного эликсира богов. Старания оказались напрасными. Понюхав содержимое стакана, протянутого ей, недотрога выразила своё фи и виляя задом свалила в ночь.

— Ну и хрен с тобой, — буркнул Чиж, плюхнувшись рядом с нашей попутчицей. — Давай выпьем, а?

Окинув взглядом выживших, я решил сходить проветриться. Докопался до именинника и меня выпустили подымить на балкон. Миха вышел вместе со мной.

— Слушай, как тебя там, — пьяно икая и пытаясь сфокусировать взгляд, выдал юнец. — Придумал ты конечно круто. Я никогда ещё так не нажирался. Не суть. Слушай, я можно я вашу подругу... Ну ты понял. Она такая клёвая. А сегодня такой день. А у меня, прикинь, ещё

девушек не было. Ты прикинь, если сегодня всё получится. Я это точно на всю жизнь запомню, — изливал мне душу Миха.

— Гавно вопрос, — подмигнул я начинающему ловеласу. — Я тебе ради такого дела даже помогу. Щас покурю и намекну Аньке, что на неё кое-кто запал. А ты пока тут воздухом подыши, её подожди. Гандоны то хоть есть?

От таких перспектив именинник радостно икнул, подтверждая наличие резино-технических изделий номер два, необходимых для безопасного соития и полез ко мне обниматься.

— Считаю, что это наш с Чижом подарок тебе на совершеннолетие, — подзадорил я пацана, еле вырвавшись из пьяных объятий.

Действовать я решил без всяких прелюдий. Зашёл и увёл у Чижа его собутыльницу, теперь оказавшейся единственной девушкой в компании пьяных подростков. Хотя из последних, что-то предпринять мог только Чиж. Трое оставшихся, чьих имен я и не запоминал, в расчет можно было уже не брать. Стояли, упершись лбами в стенку и чего-то там мычали.

Прощупав почву на предмет её морально-половых чувств, и выяснив, что излишней скромностью подруга не страдает, задвинул ей тему про тайного воздыхателя и прочий романтический бред.

По ходу, я переборщил.

Лихо опрокинув стакан Анька ломанула штурмовать балкон. Что ею двигало: самогон с возбудителем или чувства, я не заморачивался. Подсел к Чижу и задумался.

— Ну вот и нафига ты её увел, — отвлек меня от размышлений за жизнь дружан. — Трахаться охото, аж дымит. Я уже её приболтал, а ты и сам не стал и другим не дал.

— Ай, остат, а. Имениннику подарок сделал, — отмахнулся я. — Щас посидим ещё немного и к проверенным девкам поедем. Чего тебя вечно тянет тыкать во всякое подозрительное. А ну как она лядь какая. А у тебя же, как всегда, с собой из джентльменского набора только стакан и член.

— Про набор — это ты зря, — огрызнулся Чиж. — А вот про лядь, навряд ли. У нее там такие заросли, что не каждый согласится.

— Фига се, — удивился я активности другана.

— А ты как думал. Я её значит, тут завёл, а кто-то на всё готовенькое, — возмутился Чиж.

— Не гони волну. Твой друг прямо сейчас мужчиной, может, становится, а ты за него даже и не рад. Я ему сказал, что Анька — это наш ему подарок на совершеннолетие. А понравится или нет. Это уже не наши проблемы.

Про мужчину я, кажись, переборщил.

Миха с Анькой вернулись с балкона и, держась за руки, уселись на диван.

— Слышь, ты мне друг? — толкнул меня Чиж, сверля взглядом новоиспеченную парочку. Отвлеки Миху на пару минут. Я давление с яиц скину, так сказать, распакую и разогрею подарок. А потом этот недотепа пусть делает с ней всё что хочет. Её драть надо, а он её за ручку гладит и на ухо что-то шепчет, — бурчал малой.

Я аж роллом подавился. Никогда бы не подумал, что меньше чем за два месяца из застенчивого юноши получится настоящий альфа-самец подтипа ёбарь-террорист.

А раз такое дело, друга нужно выручать.

Отвлечь внимание именинника решил проверенным способом.

— Миха, кам цу мир, — махнул я имениннику. — Давай выпьем по чуть-чуть. За любовь, дружбу и красивую девушку.

Счастливый юнец просьбу выполнил беспрекословно.

— Ну чё? — кивнув в сторону оставшейся в гордом одиночестве Аньки, спросил я у паренька.

— Блин, прикинь, я её уже поцеловал. В щечку, — зарделся краской юнец.

— Ну, поздравляю, — охренел я от такого прогресса.

В сравнении с этим персонажем Чиж точно повышать придется. Хотя, куда уж выше то.

— Держи, — протянул я имениннику два пластиковых стаканчика. Один с самогоном, второй с томатным соком. — Кровавую Мэри делать будем. Сок бахай весь, а потом это дело самогоном заливай и глотай, — инструктировал я. — Вкусняшка необыкновенная.

Миха так и сделал. Ну и я повторил. Мол, смотри, как надо. И не давая опомниться имениннику, опять ухватился за пузырь с самогоном.

— Мишаня, сорян, братуха. Соль забыл. Ща я тебе ещё круче сделаю, — завлекал я паренька в алконафтовские дали.

— Держи, это уже можно залпом, а можно через соломинку, — подмигнул я имениннику.

Модернизированный коктейль Мишане пришелся по вкусу. А пока он с довольной мордой хлебал моё пойло, я украдкой глянул на кресло. Оно пустовало. А значит, первостепенная задача выполнена, продолжаем марафон.

После третьей мне дико захотелось на воздух. Да и со стороны кухни подозрительные звуки стали доноситься.

Чтобы не палить контору пришлось прикинуться пьяным шлангом и, повиснув на имениннике, мотивировать его кантовать меня в сторону балкона.

— Дай попробую, — пьяно покачиваясь, потянулся Миха к моей сигарете, которую я даже и прикурить не успел.

— Да гавно вопрос, — хмыкнул я. — Для хороших людей — дерьма не жалко.

Именинник, неумело зажав пальцами сигарету, попытался поймать кончиком никотиновой палочки пламя. Не срослось. Сжалившись над пареньком, отобрал сигарету и, прикурив, вернул её.

— Глубоко только не затягивайся, — предупредил я.

— Да я с десяти лет парю, — раздухарился Миха и затянулся во всю мощь своих лёгких. Потом ещё раз. И ещё раз.

После третьей тяги его морда начала зеленеть. Сигарета выпала из расслабленных пальцев. Благо на балкон упала и я её затоптать успел.

— Мля, — буркнул именинник и зажав ладонью рот, словно лось на случку, ломанул в квартиру.

Блевать в зале он счёл моветоном.

Вызывать ихтиандра через белого друга тоже на захотел. Я хрен его знает, чем он думал, но ломил он на кухню. Я следовал за ним.

На кухне Мишаня чисто на автомате щелкнул выключатель и перед нами такая картина нарисовалась. Классика жанра с порнохаба. Подарок в позе рака на кухонный стол облокотился, а Чиж сзади наяривал. Юнца даже присутствие посторонних не смутило.

Миха злобно зыркнув на это, отпрыгнул лишнее в раковину и вытер рот.

Чиж процесс не прервал, но двигаться начал медленнее.

— Убью, сука, — икнул хозяин хаты, схватил с кухонного стола ножик и бросился в атаку.

Увернуться парочка бы не успела. Пришлось вмешаться. Благо я стоял ровно позади бухого ревница. Да и резвости в нем было совсем ничего.

Аккуратненько так левой рукой под шеей приобнял именинника, а правой, руку с ножичком перехватил. Да тоже малость не рассчитал.

Мишаня рванулся вперед, сам себя придушил моей рукой и рывнувшись пару раз рухнул на пол. Дружан замер и посмотрел на меня.

— Филин, братан, а можно я кончу, а потом поговорим? — шумно сглотнув, выдал Чиж.

— Валяй, — усмехнулся я и, заботливо уложив Миху на бок, отправился в зал.

Не успел я покинуть поле битвы, как за моей спиной раздались шлепки. Молодежь спаривалась несмотря ни на что.

— Эх, а ведь и я когда то таким же был, — взгрустнул я и, выйдя на балкон, опять закурил.

Грустил я не долго. Единение с природой прервал умиротворенный Чиж.

— И чего это было? — кивнул он в сторону кухни.

— Тебя и твою напарницу по случайке от гибели спас. А Мишаню — от необдуманного поступка, — хмыкнул я.

— А чего он так? — не въехал малой.

— Ну... Она могла стать его первой девушкой, а ты слегка так его опередил, — прикинул я. — Молодость, гормоны, самогон.

— Ну, так и сказал бы. Чего за нож то сразу хвататься. Я ж не жмот. Другу бы я уступил. Тем более в такой день, — недоумевал балбес.

— А он как очухается, ты об этом ему сам и скажи, — похлопал я по плечу юного ёбаря.

— Мальчики, помогите, — прервал нашу дискуссию девичий вопль.

— Алярм! — завопил я и стремглав бросился на кухню.

Спешил я зря.

Я-то подумал, что Мишаня в себя пришел и харакири себе решил сделать, а он просто блевать начал. С чувством он это делал. Я три раза его перетаскивал, а он все не унимался.

Хотел поднять его и в раковину рвущиеся из него потоки направить. Не осилил. Да ещё и пакеты с томатным соком, стоявшие на столе, на пол уронил.

Когда всё закончилось, на кухне такой апокалипсес творился. Словами не передать. Обмякшее тело я положил на пол. Аккурат меж двух красных луж.

— Может “скорую”, — кивнул на дружана Чиж.

— Ну нах, — отмахнулся я. — Погнали лучше минералки наберем. Вернемся, желудок ему ещё раз промоем. К утру, как новенький будет. А за минералку он нам отдельное спасибо скажет. Да и этой троице зомби прогуляться не помешает, — вздохнул я, кивнув в сторону подростков, валяющихся в зале на полу.

Бухих зомбей мы с горем пополам, а в относительное чувство привели. В ванной бошки их под холодный душ засунули и зомбя даже двигаться сами смогли.

И вот мы бодрой походкой ломанули за водкой. Точнее, за минералкой. Алкашки то у нас ещё в накат оставалось.

Впереди брела троица зомбей, а по-другому их никак и не назовёшь. Стекланный и ничего не соображающий взгляд, говорить не могут, только мычат. Ноги еле двигаются, руки

плетьюми болтаются. А пока из подъезда выбирались ещё и перепачкались все. Так что и видок у них был соответствующий, и аромат.

Замыкали полуночное шествие я, Чиж и довольная Анька. Чёрт его знает, где и чем там мой юный товарищ ковырялся и как так смог, но мне завидно стало. Тоже захотелось так девушку порадовать.

Глава 27. Приключения продолжаются

Я живу на Ваях
Мне, поверь, не ведом страх,
Но от этой страшной мысли
Происходит стук в зубах.

На Чижовке ты живёшь
И к тебе не пройдёшь.
Так чижовские замесят
Что до дома не дойдёшь.

“Сектор Газа”.

— Минералка, ми-не-рал-ка, — талдычил я, трясая за плечи зомбя, казавшегося самым трезвым. — Купить где? — злился я. Битый час круги нарезаем, а ни одного признака цивилизации так и не встретили.

То в помойку упрёмся, то к посадке выйдем, то ещё в какую-то хрень неведомую. А нам бы ларёк.

— Там, — еле ворочая языком, отмахнулся начинающий литерболист.

Хотелось конкретики, но большего от него я не добился. Пришлось нам всей компашкой, погоняя бухую троицу, чесать в указанном направлении.

И мне это начинало нравиться.

Свежий и, действительно чистый воздух небольшого поселка, слегка проветрил голову и наполнил моё сердце радостью. Чиж тоже радовался и понятно чему.

Анька... Та вообще светилась, как лампочка Ильича. А что до самочувствия погоняемых нами зомбей, так нам на это было наплевать. Мы их с собой, можно сказать, за компанию взяли. Или от греха подальше.

Хрен его знает.

Когда мы уходили, Мишаня то в отключке был. А вот сколько он в таком состоянии протянет? А ну как пока мы важную задачу выполняем, он очухается и пойдет со сна опять ножичком махать.

Вот и взяли мы с собой невменяемый и трудно кантуемый балласт.

Так мы и шли, наслаждаясь сельскими видами, и обществом друг друга. Пока Чиж не проявил бурную радость от того, что он самый глазастый оказался и искомое засёк.

Круглосуточный алкомаркет типа ларька стоял под единственным на улице фонарём. Рядом, как и полагается, подозрительная троица тусила.

Зомбей и тут решил поберечь. Хрен его знает, на какой ступеньке они в тутошной системе иерархии.

Оставили их на попечение Аньки в тени забора под лавочкой, а сами двинули совершать подвиг.

Местные за нами наблюдали издали. А когда я начал загружать большой пакет полторашками, зашевелились.

— Эй, пацаны, закурить не будет? — предъявил нам самый мелкий.

Габариты у гопоты были далеко не впечатляющие. На мордах полное отсутствие интеллекта и последствия постоянного злоупотребления синькой.

— Так вы чё, ещё и не местные что ли? — навёл справки второй шкет.

Так я и определил главаря и его шестёрку.

Первого в случае кипиша первым гасить надо, а от второго можно любую подляну ожидать.

Расклад стандартный до одури. Вождь синерылых, почти на голову возвышавшийся над своими соплеменниками, покачивался в центре. С флангов его прикрывали шестерка номер раз и номер два. Ради халявного бухла, готовые на всё.

— Это смотря с какой стороны посмотреть, — блеснул я интеллектом.

— Чё? — зависла троица.

— Через плечо. Говорю, когда я этот район держал, вы ещё в батиных яйцах прели, — обозначил я своё главенство.

— Не понял. Ты чё? — продолжал тупить главарь, то сжимая, то разжимая кулаки. — Я не понял, ты на батю моего что ли наехал? Да я тебя...

— Вот дурак. Я тебе говорю, твой батя мне за самогоном бегал и шестерил как мог, а ты щенок, пасть на меня раскрываешь? — начал злиться я, разминая руки и шею.

Чиж, почувствовав развлекуху, пакет отставил и тоже присоединился к психической атаке. А я хмыкнул, вспомнив его демарш на нашей первой дискотеке.

— Дружище, ты их аккуратно бей, ладно? — бросил я, слегка повернувшись к Чижу. — Как там говорить, то? “Победа будет за нами, мы поедим?”. Мочи козлов! — взревел я и ринулся в атаку на опешившую от нашей наглости гопоту.

Малой слегка замешкавшись, рванул на самого мелкого. Как он потом мне доказывал, чтобы тот под ногами не путался.

Свистел балбес или нет, не знаю. А троицу мы знатно с пути нашего смели. Почти, как в кино. Брюс Ли позавидовал бы. Вандам и рядом не стоял. Чак Норис бы нас зауважал, если бы увидел, как мы их лихо разметали.

Но насладиться победой мы не успели. Мелкий гопник, поверженный Чижом, оказался читером.

— Пацаны, наших бьют! — завопил он во всю глотку, стартуя в сторону ларька из позиции раком на четырех конечностях.

Ну вылитый snork из лампового и обожаемой моим поколением игрушки “Сталкер”.

Хорошего пинка для старта ему явно не хватало. Но мы, в отличии от наших вражин, свято чтити пацанский кодекс, гласящий: “Лежачих — не бьют”.

Хотя удрать у него не получилось. И мы тут были совершенно не причём.

Всё синька виновата.

— Пацаны! — прозвучал повторный клич над полем битвы поверженного алко-бойца.

Промедление было смерти подобно. Это я сразу смекнул. Троица была в своих пенатах. Шанс, что их всего трое на этой локации, был весьма мал. Как минимум ещё столько же где-то рядом висает.

— Валим, нах, — прикинув хер к носу мотивировал я Чижа.

И подхватив злосчастный пакет, стартанул в спасительную темноту неизвестной улицы.

— Анька, бежим, — бросил я, пробегая мимо забора, под которым дислоцировалась троица зомбей.

Вопросов она не задавала. Поняв, что люля грозят всем, кто не местный, пристроилась в

агрегарде. Баласт пришлось бросить на произвол судьбы.

Ну, уж извините, своя шкура — дороже.

Бежали мы долго. Минуту, не меньше. А потом адреналин отпустил, дышалка сбилась, и мы дружно перешли на шаг.

— Это что сейчас было? — шумно вдыхая после каждой фразы, спросила Анька.

— Норматив ВФСК “ГТО” по сматыванию от недружественных аборигенов на длинные дистанции и по пересечённой местности, — едва ли не выплевывая легкие, отмахнулся я. — Ну нах. Вернемся домой, сяду на диету. Курить брошу, с синим завяжу, — зарекся я.

— До завтра то продержишься? — хмыкнул Чиж.

— А иди ты, — обозлился я. — Так то, люлей мы чуть из-за тебя не получили.

— Это с хера ли? — удивился малой.

— А кто меня в эту дыру притащил?

— А ты весь такой, прям против был! — огрызнулся Чиж. — Пинками тебя сюда пригнали. Да? Сам вопил, погнали, вдарим настоящий рок в этой дыре.

— И даже гитары не расчехлили, — вздохнул я.

По большому счету, малой был прав. Но я уже пришел в себя, и обиды не было от слова совсем.

Да и весело же было.

Гопоте навешали, сами не огребли. В пакете минералка и пара баклах пива. В хате нас дожидается самогон и лёгкая закуска.

А то, что бухать и курить обещал завязать, так это с нового дня нужно начинать. И лучше с глубокого бодуна.

— Ладно, забей, — улыбнулся я. — Погнали к Мишане. Сдается мне, ищут нас.

— Полюбому, — согласился Чиж. — А иди то куда?

Вопрос оказался злободневным. Я дорогу смутно помнил, а тут ещё и забег этот по темным и незнакомым переулкам. Пришлось сознаться в своей географической импотенции.

— Вот вы даёте, — заржала Анька. — А по навигатору слабо? Или религия не позволяет?

— Вот ты капитан очевидность, — огрызнулся я на новый мозг нашего коллектива. — Сразу, как адрес назовёшь, так и пойдём. Надо у местных поспрашать.

— Поспрашали уже, — буркнул Чиж. — Тут на весь колхоз всего одна трёхэтажка. И на карте она по любому есть.

— Такой умный, да? Тебе череп не жмет? — начал заводиться я.

— Есть слегка. Особенно с похмелья, — обрадовался малой.

Поумничать у меня не получилось. Прогресс меня поймел, а потом вывел наши бранные тела к трёхэтажному челоуейнику.

Отсутствовали мы, чисто по моим ощущениям, часа два. Плюс-минус. Но когда зашли в подъезд, я завис.

— Кажись, ошиблись мы, — втягивая носом тонкий аромат хлорки, витавший в воздухе, остановился я.

— Да нет, всё правильно. Вроде, — подозрительно озираясь по сторонам, протянул Чиж.

Подъезд был девственно чист. В элитных новостройках так чисто не бывает. А тут в захолустье...

Летающая тарелка, припаркованная на детской площадке, смотрелась бы естественнее,

чем это.

— А, не. Всё правильно пришли, — обрадовался малой, увидев знакомую дверь.

Чиж с довольной улыбкой дернул за ручку и офигел. Дверь была закрыта.

— Блин, я точно помню, когда мы уходили, она открытая была. Я даже проверил, — пробормотал озадаченный балбес.

— Ну, тут два варианта. Или Мишаня очухался и дверь закрыл, или родаки вернулись и по ушам ему надавали, — почесав репу, блеснул я дедукцией.

Как бы то ни было, но в хате были наши шмотки. Решили брать квартиру штурмом.

В запертую дверь долбили мы долго. Минут пять. И всё безрезультатно. Поорали даже немного, в промежутках прикладывая ухо к двери. Но в квартире царил тишина.

Наши вопли наши отклик у соседей.

— Вы кто такие и херли вам тут надо? — окинув нас подозрительным взглядом, поинтересовался дедок, выглянувший из квартиры напротив.

— Папаша, всё норм. Мы к другу пришли, а он не открывает, — обрисовал я ситуацию.

— Ну вот и идите отсюда нахрен. Вас тут не ждут, — перебил меня дед.

— Да мы бы с радостью. Ключи от мотика и вещи наши у Мишани остались, — огрызнулся Чиж, пнув дверь неприступной хаты.

— А мне насрать. Ещё раз по двери двинешь, я тебе в жбан двину и скажу, что так и было, — ничуть не смутился дед.

— А не много ли ты на себя берёшь, папаша? — удивился я.

— Слышь, пацаны и пацанесса, я же ясно сказал, шли бы вы нах отсюда. А то у нас тут кабаны совсем дикие. Ноги, нахрен, покусуют. По самые яйца и титьки, — на полном серьёзе заявил нам дед. — А ещё и отмудохать могут.

Мы рты раскрыли в непонятках.

— Ну чего зависли? Майора звать будем? — улыбнулся дед. Не по-доброму так, а с подвохом.

Кто такой майор и что от него лучше держаться подальше мы поняли через несколько секунд. Когда дед слегка дверь приоткрыл и там довольная морда кавказской овчарки нарисовалась.

Чижа и Аньку как ветром сдуло.

— Всё-всё-всё. Извините за беспокойство, мы уходим. На улице под кустиком Мишаню подождём, — пятясь вниз по лестнице, извинялся я.

— И тебе не хворать, — заржал дед и хлопнул дверью.

Совещание на тему “Кто виноват и что делать?” развернули на лавочке. Залив жажду пивом, пришли к выводу, что в гостях хорошо, но дома лучше.

Банально потому, что дома желающих двинуть в морду в разы меньше.

Но возвращению в родные пенаты мешала суровая реальность. Ключи от мотика лежали в моём рюкзаке, а рюкзак в хате. Там же дожидались своего часа гитары, которые на произвол судьбы, даже временно, бросать не хотелось совершенно. Да и самогон было жалко. Как минимум трёшка на хате осталась.

— Чиж, а ты же парень сильный да ловкий. Высоты не боишься совершенно и готов на любые подвиги? — взял я на понт юнца.

— Что есть, того не отнять, — развернул плечи балбес.

— Тогда предлагаю план-капкан. Высота детская, балконы не застеклены. Дверь на балкон, насколько я помню, осталась открытой, — изложил я суть. — Ты аккуратно

залезаешь на мишанин балкон, прислушиваешься, если хозяин с ножом на тебя не бросается, проникаешь в квартиру и открываешь нам дверь. Мы заходим, берем своё и так как нам тут не рады, валим в сторону дома.

— Гениально, — хмыкнул Чиж.

Отмазываться он не стал. Мой план нам показался надёжным, как швейцарские часы. А главное, отказаться Чиж не мог. В противном случае Анька всем подругам бы по большому секрету про очкуна рассказала бы. Способ древний, как говно мамонта, но до сих пор рабочий.

На первом этаже балконов не наблюдалось. С горем пополам, а взгромоздили балбеса мне на плечи, и он смог дотянуться до балкона второго этажа. Сделал усилие и даже, кряхтя подтянулся. Перехватился поудобнее, потом ещё раз и ещё, выматерился и умудрился упереться ногой в край бетонной плиты.

Матюкнулся ещё раз, взобрался на металлические перила. Встал на них, держась за стену, и ухватился за мишанин балкон.

— Давай-давай. Ещё чуть-чуть, — громким шёпотом подбодрили мы нашего верхолаза.

Но не срослось. Только начал малой подтягиваться, помогая себе ногами, руки сорвались и пал посланец к нашим ногам. Благо буйная растительность удар немного смягчила.

— Чиж, ты чего? Ты как? — рванули мы к летуну.

Тот лежал, не шевелился, пучил глаза и бесшумно открывал рот, пытаясь вздохнуть.

— Э, ты чего? — похлопал я его по щекам. — Кончай придуриваться, а то Анька тебе больше не даст.

Шут его знает, от этого или нет, но Чиж начал приходить в себя.

Через минуту он уже сидел и глубоко вдыхал ночной воздух. Окрылённая Анька даже приобняла балбеса и попыталась его поцеловать.

— Ёптыть, — просипел малой, оттолкнул подругу и ломанул в сторону кустарника.

— Чего это с ним? — опешила девушка.

— Не знаю. Может, вспомнил чего, — предположил я.

— Ааа, — раздался радостный вздох из темноты. — Успел. Чуть в штаны не обосрался.

— Романтический момент потерял, — констатировал я и закурил.

Через пять минут, когда Чиж, почесывая задницу, вылез из кустов, провели второе заседание нашей элитной алко-группы. От повторного штурма балкона было решено отказаться. Ломиться в дверь тоже не решились.

— Нужна засада. Накроем поляну на мотике и будем терпеливо ждать, когда наш забаррикадировавшийся друг соизволит выйти на белый свет, — постановил я.

Пока пиво не кончилось, время летело быстро и незаметно. А как баклахи иссякли, то и анекдоты перестали вспоминаться, комары появились, у Чижа жопа болеть начала, у Аньки голова, а мне жрать и спать захотелось.

До рассвета было далеко. До Мишаниного пробуждения — ещё больше. Пришлось доставать из недр коляски стратегический запас с прошлой пьянки — полторашку самогона, аккуратный шмат сала и краюху хлеба.

Душевно посидели. Я даже не заметил, как вырубился.

— Подъём, алконафты! — вырвал меня из лап Морфея старческий голос. — Подъём, я сказал! Майор!

— Гау, Гау, — тащил меня в реальный мир собачий лай.

Перед глазами всплыл образ вчерашнего нелицеприятного знакомства с мишаниным соседом. Пришлось открыть глаз и попытаться принять вертикальное положение.

Тело нещадно болело. Причём всё.

Спал я сидя на мотике, приложив голову на бензобак. Как не навернулся — загадка.

Чиж со своей пассивностью примостился в коляске. И там им было в разы удобнее, чем мне. И теплее.

Я поёжился. По утрам уже прохладно, однако.

Солнце вроде как всюду светило, но грело пока что слабо. Значит сейчас часов семь утра.

Мне так показалось.

— Я вам говорил, чтобы культурно себя вели? — спросил дед, грозивший нам знакомством со своим псом, по кличке Майор.

— Угу, — согласился я, обшаривая мутным взглядом окрестности в поисках сосуда с живительной влагой.

— Держи, — усмехнулся дед, протягивая мне баклагу минералки. — По ходу ваша, если у мотоцикла валялась.

— Спасибо, — присипел я и присосался к бутылке.

Обычно этот момент в книгах описывают так: «Герой с каждым глотком ощущал, как возвращаются силы, голова свежеет, а мысли становятся ясными».

Нихрена подобного.

В восемнадцать лет может так и есть, надо на Чиже проверить, кстати, но со мной этот фокус не прокатил. Желудок тяжелел, руки тряслись, башка пульсировала.

— Дааа, — протянул дед. — Видать, хреново тебе.

— Есть такая маза, — согласился я.

— Короче, мазафакер, нотации я тебе читать не собираюсь. Наведёшь обратно порядок в моем любимом скверике и мы в расчете, — выдал квест любитель собак.

Я аж подавился. До боли знакомой интонация и фразы мне показались. Как будто дежавю.

— Грабли и пакеты мусорные — у подъезда найдешь. — Один грести будешь или с этими, — дед кивнул на сладкую парочку, сопевшую в коляске, — мне плевать. Мы с Майором сейчас немного погуляем, а через полчаса назад придем. К нашему приходу тут всё должно быть в первозданном виде. Травинка к травинке и ни одной мусоринки. Задачу понял или Майора нервировать будем?

Крыть было нечем. Посмотрел я по сторонам и вздохнул. Вроде посидели чуть-чуть, а мусора валялось, как будто масштабная пьянка тут была.

— Ну вот и ладненько, — подмигнул мне дед. — Время пошло.

— Гау, гау, — заверил меня, что поблажек не будет, хвостатый друг пенсионера.

Делать было нечего. Вздохнул, перекурил и разбудил сопевшую в коляске парочку, виновную в моих злоключениях.

Отпоил их минералкой и мотивировал на трудовой подвиг, в красках описав предстоящее знакомство с зубами Майора. Чиж для вида повозмущался, но за граблями и пакетами сбегал.

— Ну вот, совсем другое дело, — раздался за нашими спинами голос деда, когда мы уселись перекурить после ударного субботника. — А вы собственно, чего тут сидели то? В гости что ли к кому приехали?

Пришлось снова вводить любителя чистоты в курс дела.

— А, ну если к Мишане, то пошли, — подмигнул мне пенсионер. — Вместе постучимся к нерадивому хозяину. А то навели вчера шухер на весь подъезд, да ещё и бычить начали. Вот и припугнул я вас своим хвостатым другом. А сейчас, вижу, ребята вы нормальные. А нормальным пацанам, отчего же не помочь.

Подъезд вновь встретил нас кристальной чистотой. Отчего так стало, я теперь не удивлялся. При таком то жителе попробуй своё свинство не убери. Ни одна милиция не спасет. Да и судя по кличке пса, дед перед нами не простой. Как минимум, отставной вояка или мент на заслуженном отдыхе. А с таким связываться — себе дороже.

Церемониться с соседом дед не стал. Встал спиной к мишаниной двери и давай со всей дури ногой долбить по ней.

— Мишаня, открывай. Собака с милицией пришла! — информировал он после серии ударов.

И Мишаня сдался. Открыл дверь, бледный, как поганка. Трясущийся, как алкаш после недельного загула.

— К тебе гости, — подмигнул нам дед и с гордо поднятой головой удалился восвояси.

— Во дает, — восхищенно протянула Анька, разглядывая закрывающуюся дверь грозного соседа.

— Д — дисциплина, — съёрничал Чиж и нагло отодвинув Мишаню, просочился в хату. Ну и мы двинули следом.

Хозяин жилплощади радости отчего-то не проявлял. Тупо пялился на нас с раскрытым ртом и выпученными глазами. Мы тоже в долгу не остались. Молча скинули в коридоре верхнюю одежду и отправились хоромы осматривать на предмет, чем бы опохмелиться.

Первое, что реально бросилось в глаза, в квартире была идеальная чистота. Даже малейшего намека на вчерашнюю попойку не было.

Хозяин жилплощади радости по-прежнему не проявлял.

— Слушай, друг мой, Мишаня, — наехал на дружана Чиж. — Это за какие-такие косяки ты нас на улице ночевать бросил? А?

— Блин, а вы живые, что ли? — натурально удивился вчерашний юнец, наконец-то придя в себя.

— А почему должно быть наоборот? — не въехал я.

— А что вчера было? Я последнее, что помню, как мы с Саньком на балконе курили. А потом, бах и всё. Проснулся ночью, на полу, в луже крови. Рядом нож валяется, — поведал нам юнец. — Начал вас искать. А нет никого. Хата разгромлена, всё кровийцей залито. Выбегаю в подъезд, а там ещё хлеще. Очканул я. Ну, думаю, поножовщина тут была. Родаки убьют, если узнают. Давай по-быстрому в подъезде порядок наводить. Только убрался там, домой зашел и дверь закрыл, как в неё ломиться начали. Ну всё, думаю, менты. А в хате такой компромат... Решил не открывать. Ну, они подолбились-подолбились и ушли. В кустах засаду устроили. Я с балкона видел. Ну, думаю, вы меня так просто не возьмете. Окно поплотнее занавесил и давай тут тоже всё драить.

Я еле-еле сдержался, чтобы не отвесить этому очкуну подзатыльник. Хотя, с другой стороны, просыпаешься посреди ночи, ещё от пьянки не отойдя, а тут такое. Во что угодно поверишь.

— Так, стоять, Сивка, — насторожился Чиж. — А мусор ты куда дел?

— Выкинул на мусорку, — пожал плечами Мишаня.

— А наши шмотки, гитары? — насторожился я.

— Так я же говорю, ментов испугался, а это улики. Выкинул я всё.

— Дебил, мля. Куда выкинул, помнишь? — взревел я.

— Ну, да.

— Манда, — срифмовал я. — Руки в ноги и быстреей.

Сегодня удача вновь была на нашей стороне. Коммунальщики мусор ещё не вывозили. Так что рюкзак почти не пострадал. А гитары этот мнительный юнец, оттер полотенцем, в одеяло завернул и в старый диван, который около мусорки стоял, заныкал.

Обошлись малой кровью. Но расшатанную нервную систему и потерю алкоголя потребовали возместить.

Натурой.

Мишаню даже уговаривать долго не пришлось. Он так обрадовался, что его бить не будут и в тюрьму не повезут, что сгонял до магазина и притащил целый ящик какой-то пародии на джин-тоник.

С похмелья — самое то. Было бы, если бы...

Домой мы вернулись на следующее утро.

Проспал я до вечера. Я бы и дальше с удовольствием поспал, да Чиж, зараза, разбудил. У него видок был тоже, тот ещё. Посидели мы с ним на кухне, подлечились супчиком и стопочкой, да и разошлись как в море корабли. Чего он приходил, я так и не понял.

А меня и весь следующий день бодуны мучали. Пока я про ночное обещание не вспомнил. Три дня ни капли спиртного не потреблял. Или даже побольше. Подумал даже, ну его на такие алко-марафоны.

А потом меня отпустило.

Глава 28. Пёсий шампунь для карманного Лас-Вегаса

Ты говорила, что ни с кем ты не была,
И что я первый кому ты дала,
Ты робко на мою фуфаечку легла,
При этом не забыв раздеться догола.

Пока осуществлялся половой контакт:
Как говорил Семён Давыдов: это факт!
Меня ты наградила парочкою вшей,
Свой наглый хавальник ощерив до ушей.

“Сектор Газа”.

— Слышь, карманный бильярдист, ты задрал уже! Помылся бы что ли, — предъявил я Чижу, когда мы с ним вечером восседали на любимой и уже ставшей легендарной лавочке около бабкиного палисадника.

Солнце в очередной раз клонилось к закату, все дневные квесты, выданные бабкой, были успешно выполнены. Данный себе зарок «завязать на время с синим» я также успешно выполнил, а потому ужин был сдобрен стаканчиком молока.

Меня даже с него накрыло.

Сытая душа рвалась в сторону дивана, но тут, как по расписанию, ровно в девятнадцать ноль-ноль ко мне заявился Чиж.

Неладное в его поведении я почуял сразу. Но он молчал, а я с расспросами не лез.

Развлечение на вечер мы ещё не придумали, а потому сидели и балдели. Настроение, по крайней мере, лично у меня, было отпадное. А в воздухе витала лёгкая интрига. А всё из-за подозрительного поведения этого юного балбеса.

Как мы на улицу вышли и на лавочке примостились, он рук из карманов не доставал. А всё там что-то шерудил и шерудил. У меня даже нехорошие подозрения появились.

— Так, колись, чё за ботва? — докопался я до него, когда остаток сигареты стартовал в сторону дороги. — Ты на кого там рукоблудишь, собака ты сутулая?

— Сам ты дрочер, — парировал мой наезд Чиж. — Почесать уже нельзя.

— Ну, я и говорю, помылся бы ты, ёжик, — хмыкнул я.

Но бильярдист моего веселья не разделил.

— За день уже два раза, — буркнул он, ещё сильнее голову склонив. Прямо, как красна девица. И даже покраснел слегка. — А всё равно чешется.

— Так, а давай-ка по порядку и на чистоту, — заподозрил я неладное, сложив в уме два и восемь. — Когда чесаться начало?

Малой вздохнул, шмыгнув носом и задумался.

— Два дня назад, примерно — поделился он.

— А ссыться как? — не отставал я.

— Как всегда, кажется, — после минутного раздумья выдал Чиж подробности своего деликатного недомогания.

— Итого, почти неделя. Из симптомов — чешется вокруг, а ссыться нормально. Так-так-так, — прищурился и радостно потирая руки, озвучил я свои мысли. — Я вас от души поздравляю, молодой человек. Если мои догадки верны, то вы теперь точно не мальчик, а полноценный мужчина. Причем с интересным таким мини-букетом, — похлопал я по плечу юного ловеласа. — А я тебе говорил, нечего чужие подарки трахать. Нет, блин, я же лучше знаю! — тролить я малого.

Чиж молчал, лишь на меня не по-доброму так поглядывал.

— Ладно, забей. Помогу я твоему горю! Погнали в баню, ревизию ваших гениталий делать будем, — потрепал я его по шевелюре.

В баню, в стенах которой этим летом располагался и сельский бизнес-центр, и производственная площадка алкогольного холдинга, и уютное пристанище для страждущих секса, Чиж топал повесив голову, и попутно впитывая мою мудрость. А чего ему веселиться? Теперь бабкину баню, по ходу, в кожвендиспансер переквалифицировать придется.

— Я, почему про неделю то заговорил? Большинство половых неприятностей дня через три проявляется, — делился я познаниями. — У тебя, судя по первичным признакам, банальные вши лобковые. Или мандавошки, если по научному. Или наоборот. Не суть. Тут ещё всё проверить надо.

— И чего теперь делать? — занервничал юноша. — Если у меня они, ну вши эти.

— Ничего. К доктору топать.

— А без него никак? Если я к нашему фельдшеру с таким заявлюсь, — начал канючить Чиж. — Вся деревня ржать же будет. Ни одна тья меня даже близко не подпустит. А батя точно прибуёт.

— Стоять, Сивка. Команды впадать в уныние не было! — парировал я. — Тем более, ещё нихрена толком не ясно. Одни теории.

Ясно стало через пять минут, когда Чиж стоял передо мной со спущенными штанами, а я, подсвечивая себе мобильником, пристально разглядывал его буйную лобковую растительность.

— Мдя, — резюмировал я. — Дело ясное, что дело тёмное. Поздравляю вас, молодой человек. В порно сниматься вам не грозит, — намекнул я на размеры чижевского достоинства. — А вот мандавошек выводить, если хочешь жить долго и счастливо, придётся! — изрек я, скептически разглядывая нескольких мелких тварей, копошащихся в зарослях юношеского лобка.

От таких перспектив балбес совсем голову повесил. Даже носом пару раз шмыгнул, а потом и вовсе, как был со спущенными штанами, так и сел на лавку.

— И чего теперь делать? — завёл свою шарманку больной?

— Резать к чёртовой матери! Не дожидаясь перитонита! — выдал я свой вердикт.

Если честно, я какого-то киногероя процитировал. Кого — не помню, зачем — не знаю.

Цитата просто прикольная.

— Кого? — прикрыл руками свои “драгоценности” малой.

— Не его, — кивнул я в сторону чижевских причиндалов. — Растительность. Всю и как в песенке: “Под самый корешок”, — напел я.

Блохастый идею заценил и уже шарил взглядом по бане в поисках бритвенного станка.

Искомый предмет обнаружился на окне. Рядом помазок даже лежал. Я и рта открыть не успел, как он скинул портки, схватил бритву и рубанул наотмашь. По факту, не совсем так, но со стороны это выглядело...

Я ещё не видел, чтобы кто-то с таким остервенением боролся с растительностью на своем теле.

Результат был предсказуем.

— Ай, мля, — завопил звездюк, разглядывая основание своего корешка.

— Неловкое движение неопытной руки привело к повреждению кожного покрова, — констатировал я. — Теперь главное, чтобы всякая зараза в ранку не попала. Предлагаю туда пописать.

— Да иди ты нахрен, — взревел Чиж, размахивая окровавленной бритвой. — Только и знаешь, что издеваешься надо мной. Нет бы помог. Друг, называется. Троль долбаный.

Доля правды в словах Чижа была. Но поверхностная.

— А как тебя, балбеса, по-другому учить? А так, чикнул тупой бритвой, которой я морду по утрам брею, по своему корнюшончику. Только так и никак иначе, чтобы ты на всю жизнь запомнил, что чужие бритвы брать нельзя. Чем я теперь морду своего лица облагораживать буду?

— Да куплю я тебе бритву! — огрызнулся Чиж. — Делать то что?

— Водой тепленькой полей и не мельтеши тут. Нехер в бабкиной бане живность вредную плодить.

— Да иди ты, советчик херов, — перебил меня балбес.

Воспитательный процесс пришлось прервать. Конец, хоть и не сильно, но кровоточил. Чиж тупо истерил. Пришлось махнуть на всё рукой и топать домой за спецсредствами.

По возвращению он уже не истерил, а с надеждой смотрел на меня и с горестью на свой кровоточащий корешок.

— Сейчас будет немного неприятно, — предупредил я, капая на ранку немного йода.

Как только йод попал на пораненный орган я понял, что недооцениваю возможности чижовской глотки. А когда балбес успокоился, то поделился со мной своими наблюдениями, соображениями и знаниями на тему, что я мудака конкретный и вообще, даже фашисты так над людьми не издевались.

— Он же жжётся, писец как! — протестовал балбес против дальнейшей обработки раны, когда на ранку попала всего одна капля йода.

— Ааа, — обрадовался я. — Не паникуй! Есть другое проверенное средство — зелёнка! Щас мы твои фаберже то, того.

Следующие пятнадцать минут из бани кроме матов ничего не звучало.

— И чего ты орал? — возмутился я, разглядывая своё художество. — Эх, какой живописец во мне погибает. Причем натуральный. По живой писе...

— Сразу, как криворукость исправишь, — огрызнулся блохастик.

— А ты сам попробуй этот долбаный пузырек без последствий открыть, — парировал я.

Чиж на мою реплику лишь скептически хмыкнул. И чего он взъелся? Ну, испачкался я немного, пока пузырек открывал. Теперь у меня не человеческие кисти, а натуральные ладони Шрека. Ну не понравилось мне, что на ватной палочке мало раствора. Ну, капнул на ранку из пузырька пару капель. Так никто же не просил вопить и размазывать это дело по всему причинному месту.

— Польза, однозначно, есть! — успокоил я другана. — Во-первых, с таким хреном ты до полного своего излечения ни к одной трян не сунешься, а значит, пресечём эпидемию на корню. А два, обеззаразили мы всё знатно. Теперь никакая зараза в рану не заберется.

Балбес моего оптимизма не разделял. А когда понял, что водой с мылом это дело не отмывается, ещё больше загрустил.

— Я достал карандаши, краски я достал. И на ватманском листе, хер нарисовал. Да ещё и вышло ж так, эт надобно ж суметь. Хер с картинки, как живой, приятно посмотреть, — напевал я, весьма довольный собой, запустив опустевший и вымотавший мне все нервы пузырек из под зелёнки в сторону слива. — Надевай портки. Будем дальше думать, как избавить твои гениталии от незваных квартирантов.

Варианты, причём, проверенные предками, конечно же были. Я, как минимум десять озвучил, пока мы на крылечке банном сидели. Но обливать своё зелёное и пораненное достоинство солярой, брызгать туда дихлофосом или спалить к чертям собачьим всю растительность вместе с живностью, Чиж категорически не соглашался.

Ехать в город за аптечными спецсредствами тоже не вариант. Во-первых, поздно, а во-вторых — палево.

— Слушай, а давай мы твоих питомцев со светлячками скрестим! — попытался я разрядить обстановку. — Они плодятся охереть, как быстро. Прикинь, через неделю у тебя будет свой карманный Лас-Вегас. Снимаешь, такой, труселя ночью, а там всё светится. Нарядно и празднично.

— Да иди ты, — огрызнулся балбес. — Нет бы что действенное предложил.

Взгляд у Чижа был натурально, как у кота из мультика. Жалостливый и просящий.

Пришлось смилостивиться.

— Есть один вариант, — подмигнул я юнцу. — Лечиться будем прогрессивным методом. Нам нужен пёсий шампунь от блох! Будешь потом, как породистый французский пудель благоухать.

Тут я не выдержал и заржал.

— Я в таком виде в город не поеду, — запротестовал Чиж.

— А нахухуа нам в город? — удивился я. — Мы к Ксюхе поедем. Я у неё во дворе, помнится, пару кошек видел. Значит, у неё может быть то, что нам нужно. — Или, может быть скрестим мандавошек и светлячков?

Цензурного ответа на этот вопрос от юноши я не дождался. Возражений тоже не было. Как и желания составить мне компанию.

Ситуацию исправила пара подзатыльников и аргумент, что если будешь сидеть в люльке, то никто и не спалит его позорного недуга, который я в подвиг обратить собираюсь.

— Ты, главное, сиди, помалкивай и скорбное выражение лица держи. А когда понадобится, поддакивай мне. Большого от тебя не требую! Всё сделаю сам! Ты, главное, не очкуй, — настраивал я дружана, выкатывая свою “старушку” на вечерний променад.

Чижу ничего не оставалось, кроме как пыхтеть.

До нужного нам места долетели без приключений. Правда, наша грудастая знакомая, бурной радости от визита дорогих гостей не выражала.

Пришлось импровизировать на ходу и, не перегибая палку, придумывать отмазы, нахера нам, двум балбесам-алкашам, ночью понадобился шампунь от блох.

— Да честное слово, котёнка на улице подобрали. Маленький такой, беззащитный. Мы еле-еле у собак его отбили. Хорошо, загрызть не успели. Мы с Чижом ему все ранки обработали. Зелёнкой, — заливал я, показывая в доказательство своих слов руки, перепачканные этой хренью. — Так жалко его стало, решили выходить, чтобы милейшее существо выросло и превратилось в огромного и наглого котяру. Но это потом, а сейчас нам

крайне шампуня для котиков не хватает. Желательно от блох. Загрызут ведь блохастика. На него сейчас без слез не взглянешь, — давил я на жалость, выразительно глядя на товарища, грустившего в люльке. — Весь в зелёнке, израненный. Томится сейчас взаперти. Лежит там один и грустит, — давил я на жалость.

Ксюха прониклась. Забежала в дом и не успел я докурить, как она выбежала с нужным нам пузырьком и каким-то пакетиком.

— Шампунь нашла, но есть средство получше — ошейник! Для маленьких котят — самое то, — щебетала Ксюха, распаковывая пакет.

Представив, как это будет смотреться на зелёных причиндалах моего дружана, я захрюкал.

— Ты чего? — почувяла неладное милфа.

— Не, ничего. Он у нас, просто, совсем маленький ещё, — подмигнул я Чижу. — Миниатюрный, весь такой. А ты нам такое большое украшение для нашего малыша предлагаешь, — ушёл я от прямого ответа.

— А, ну да, ну да. Держи тогда шампунь. Можете не возвращать. Вы там только поаккуратнее его купайте. Вот тут инструкция есть. Её нужно строго соблюдать, — инструктировала нас любительница котиков. — Вы только, как подлечите котёночка, мне его обязательно покажете, — протянула она.

— Покажем-покажем, и даже погладить разрешим, — заверил я, запрыгивая с добычей на свой драндулет.

Чиж красный, как рак, так и сидел в коляске. На Ксюху почти не смотрел. Я его даже на эту тему подкалывать не стал. Вручил я ему лекарство для его “блохастика,” и дунули мы восвояси.

А дома я, сделав над собой громадное усилие, пришёл на помощь другу. Что смог, то с шутками и прибаутками состриг ржавыми ножницами, обнаруженными в моем гараже, а остатки волосяного покрова Чиж от души залил шампунем.

— Смывать через десять минут. Через два дня процедуру повторишь самостоятельно. И чтобы убрал тут все за собой. Где сидел, там все кипятком залей. Не хватало ещё мне от тебя эту гадость прыгучую подцепить, — выдал я установку.

Чиж кивнул. А меня от таких приключений на жор пробило. Никогда такого не было. И вот опять.

Видать, старею.

— А можно я пузырёк у тебя оставлю. А лучше, давай, я пару дней у тебя в бане поживу. А то вдруг они в кровать запрыгнут? А я потом опять заражусь. Да и батя спалить может. Мне тогда точно кранты, — взмолился Чиж, завершив уборку.

— А хрен с тобой, — разрешил я.

Дружан, всё таки, как ему откажешь.

Ночных калорий мы вкинули на свежем воздухе. Запили это дело чаем с интересной настойкой и собирались уже разбежаться на покой, как в калитку постучали.

Ну как постучали. С ноги раза три.

— Санёк, открывай, на, — орал Саньч. — Я знаю, что ты тут.

Навык “ванга” у Чижа оказался прокачан. Почувяв грядущие звездюля, балбес сквозанул в сторону бани. Я за собой косяков не чувствовал. Калитку открыл без опаски.

— Саня, мля, ты тут один? Чижа рядом нет? — озираясь по сторонам, спросил фермер.

— И вам здрасьте, — поприветствовал я друга.

— Забор покрасьте, — буркнул Саньч. — Или ты уже? — кивнул он на мои зеленые руки.

Задвинуть отмазку про котика я не успел.

— Ты это. Тут такое дело. Поехали со мной в одно место доедем. Мне одному, стрёмно что-то.

— Да не вопрос. А что за тема? — моментально возбудился я на подвиги.

По ходу, выручать мужскую часть семейства Крабовых, тренд моего сегодняшнего вечера.

— Потом, — отмахнулся Саньч. — Погнали, некогда.

Только мы сели в фермерский джип, как я обнаружил и другое семейное сходство. Саньч руку в карман запустил и тоже шерудить там начал.

— Не понял, — насторожился я.

— Да ну нах эти фестивали. Подцепил я третьего дня в соседнем селе кралю одну, — изливал мне душу Саньч, газуя по полевой дороге через ямы и канавы. — Анькой её зовут. Неделю она мне мозг парила, а в ту пятницу дала. Не ахти какой соской, оказалась, правда. Ещё и права качать начала. Ну, я её посреди поля и высадил. Будет знать. А сегодня утром у меня подозрение появилось, что она мне память о себе оставила. Хиппи долбанная. Я-то вначале обрадовался таким экзотическим дебрям. А оно, вон как вышло. Развела, блин, пристанище мандавошек, — возмутился фермер. — С доктором я уже договорился, а одному ехать стрёмно как-то. Ты только это, не вздумай сболтнуть кому. А перед Чижом об этой теме даже и не заикайся. Ты понял?

Последнюю фразу друга я уже не слышал. Беззвучный смех сложил меня пополам. Ни вздохнуть, ни выдохнуть.

— Э, ты чего? — подозрительно скосился на меня дружан.

Я только рукой отмахнулся.

Отпустило меня минут через пять. Но и то не до конца. Как гляну на злую рожу фермера, так опять пополам складывает.

Так мы ехали до самого города. Саньч злился, я ржал. Мне около больницы даже в морду дать обещали, если я своё поведение не пересмотрю. Пришлось превозмогать.

Пока Саньч прохлаждался у доктора, я совсем отошёл. И даже взремнул немного. А потом меня разбудил довольный фермер.

— Погнали домой. Излечение обмыть надо, — подмигнул он мне.

— Фига се наука как далеко зашла, — удивился я.

— Да какая к херам наука. По науке три дня обрабатывать и расчесывать это дело нужно было. Мы по старинке. Под котовского и дустом сверху.

— А сюда нафига мы перлись, если это и дома можно было сделать? И нафига ты меня с собой попёр, если у тебя тут вип-условия? — не въехал я.

— Ты дурак? — неподдельно удивился Саньч. — Дома сам, а тут молоденькая медсестричка есть. Она всю грязную работу своими ласковыми пальчиками и сделала. И даже мылом душистым всё помыла. Хочешь, понюхать дам?

— Да иди ты, — отмахнулся я.

— Вот и я о том же. Так, я не понял, ты вискарь или конину будешь? Я тут один кабачок кайфовый знаю.

Глава 29. Вечерний кайф или в поисках вдохновения

Ох, тяжёл крестьянский труд,
от него и кони мрут,
Всё на мне хозяйство дом
пропитался весь говном,
Ох, тяжёл колхозный труд,
на меня весь день орут,
Председатель и парторг,
хоть живьём ложися в морг!
“Сектор Газа”

Напевал я, безжалостно истребляя сорняки на бабкиной делянке с картошкой. Её копать уже скоро, а позьмо заросло так, что не поймёшь, где что. Вот и проявил я инициативу на свою голову. Точнее, ляпнул не подумавши, а бабка меня этим озадачила.

— Инициатива, любит инициатора, — сказала бабуля. — Вот и помогай.

Правда, вместо слова “любит” она адаптированный сельский вариант употребила. Как говорится, поражающий глубиной мысли.

Со стороны, это я про прополоть шесть соток картофельного поля не руками, а мотыгой, казалось, легко. Особенно, если чужими руками. А когда сам. Ну его нафиг, такие расклады.

Вот так, работая руками, я познал дзен “Колхозной”.

— Эй, крестьянин, кончай филонить, — прервал мои потуги Чиж.

Дружан разлегся в тени заросшего бурьяном забора, и с довольной мордой трескал честно стыренное с бабкиного огорода яблоко. Как и когда он там материализовался я не засек.

— Неправильно, вы, товарищ Филин, огороды полете. Вы это на трезвую голову делаете, а нужно по-пьяни, — спародировал балбес мультяшного кота, ставшего первым прославившимся дауншифтером и пропагандистом сельской жизни.

— А вы, товарищ Чиж, я смотрю, тоже не по феншую живете. В гости с пустыми руками ходите, яблоки по садам тырите, — парировал я.

— А как иначе. Одни машут мотыгой, а другие на травке балдеют. И заметь, мотыгу держишь ты, — с важным видом выдал юнец.

Вот не переставал он меня удивлять. Каждый день чего-нибудь, да отчебучит.

— Чего? — завис я.

— Ничего. Титул “Знаток олдскула” переходит мне! — усмехнулся Чиж. — Вчера Цоя играли? Играли. Зацепило меня, решил погрузиться в тему. Он оказывается ещё и в кино снимался. Вот теперь и думай, где я этого набрался, — важничал малой, дожёвывая яблоко.

Я лишь усмехнулся. Как там в попсовой песенке то было? “Малыш растёт не по годам”... Или там не про юнца, а про половой член?

А пофиг.

Порадовал меня Чиж и точка. Кажись сейчас у молодежи, как-то так изъясняются.

— Так, философ, ты за каким припёрся то? Советы советовать? Так мы без сопливых всё знаем, — огрызнулся я. — А если помогать, то вторая тляпка в сарае.

— По делу я, — вздохнул малой. — Разговор есть, — с максимально серьезной мордой заявил малой и свалил в сторону сарая.

Вернулся он через пару минут. И с мотыгой. Это меня несказанно порадовало. А вот раскрывать причину визита Чиж не спешил. Пристроился рядом и включился в мою битву за чистоту бабкиной делянки.

Дело спорилось. Работали мы молча. И только звон мотыг и щебетание птиц ублажали наш слух.

— Слушай, ты только не смейся. У меня к тебе разговор есть. Серьезный, — не выдержал Чиж минут через пятнадцать работы.

Квест был практически пройден, а значит можно и поболтать.

— Валяй, — согласился я, вытирая рукой стекающий по лицу пот.

— Короче, — вздохнул дружан. — Я тут вчера сидел вечером. С улицей облом вышел, я дома и завис. Сидел и ковырял на гитаре мелодию одну. Ковырял-ковырял, а потом бах и в голове текст песни возникать начал, — повествовал малой не прекращая махать мотыгой.

— Обо что песня? — заинтересовался я.

— Про музыку. Представь, сидит такой чувак в комнате один. Ни друзей у него нормальных нет. Подруги тоже разбегаются или пользуются им. В общем, сидит он такой и понимает, что ему только с гитарой хорошо. Только когда её он в руках держит, то по-настоящему счастлив. Вот, — на одном дыхании выложил балбес свою идею.

— Хм, — задумался я. — Тема, кажется, не сильно избитая и может прокатить.

— Да-да-да, — обрадовался малой.

Я остановился, пристально посмотрел на другана, набрал в легкие воздух и запел:

“Пой же, пой. На проклятой гитаре

Пальцы пляшут твои вполукруг.

Захлебнуться бы в этом угаре,

Мой последний, единственный друг.

Не гляди на её запястья

И с плечей её льющийся шелк.

Я искал в этой женщине счастья,

А нечаянно гибель нашел.

Я не знал, что любовь — зараза,

Я не знал, что любовь — чума.

Подошла и прищуренным глазом

Хулигана свела с ума.”

Чиж застыл, как истукан, и смотрел на меня с раскрытым ртом.

— Ну да, что-то это я и хотел. А это кто? Это твоя? А аккорды покажешь? — засыпал он меня вопросами, когда переварил поступившую информацию.

— Песня не моя. Называется, “Пой же, пой”. Кто придумал музыку — не знаю, автор строк, если мне не изменяет память, последний поэт деревни. То бишь — Есенин. Знаешь такого?

— Чего? — не въехал малой.

— Ну, поэт такой. Известный. Он ещё про “Белую берёзу под моим окном, что принакрылась снегом, точно серебром” написал. Ты в школе это должен был учить, — охренел я от пробелов в знаниях отечественной классики. Тем более, по деревенской тематике.

— Про берёзу слышал, а про гитару нет, — взгрустнул малой.

— А ладно, забей, — усмехнулся я и срубил финальный на сегодня сорняк. —

Поработали знатно, погнали творчески развиваться и морально разлагаться, — подмигнул я другану.

На сегодня наше моральное разложение заключалось в самогоне и исполнении самобытной музыки. Остальное, приелось как-то. Даже бабы.

Да и Чиж после избавления от мандавошек, как то к противоположному полу охладел. Или просто более разборчивым стал.

Страх взял верх над гормонами.

Кажется, так это по науке трактуется.

Заседание нашего “Колхозного панк-клуба” мы устроили на крылечке бабкиной бани. Удобное, я скажу вам, место. Никто нам не мешает, и мы никого не тревожим. Птички поют, огород зеленеет.

Красота.

И опять же, до погреба, в котором закусью разжиться можно, совершенно не далеко. А если перебрал, то в бане отлично выспаться можно. На скамейке спать неудобно, правда, ну так, когда в каждом глазу по нольпяхе плещется, на такие мелочи плевать.

Пока Чиж накрывал поляну, я сгонял за своей гитарой. А без неё никак. Музицировать и творчески развиваться же сегодня собрались.

Накатили по первой, потом по второй и разговор у нас пошел. Точнее песня пошла. Чиж мастерски подхватил акустику и нежно провел по струнам. Взял блатной аккорд и запел:

“Я лежу, на небо гляжу,

Образ твой на нём собирая.

Ведь тебя до сих пор я люблю.

Это я уж точно знаю.

Не могу тебя я забыть.

Не могу! Тебя везде вижу.

Я не знаю, как мне быть.

Я везде твой голос слышу”.

Заливался Чиж, старательно изображая чёткий пацанский голос. Такой, слегка гнусавый, слегка не смелый, но вызывающий трепет наивных женских сердец.

— Припева ещё нет, я сразу второй куплет начну, — не переставая наигрывать мелодию, подмигнул мне малой. — Он мне больше всего нравится.

“Помоги гитара мне,

Ты одна моя подруга.

Не изменишь, лишь ты мне

И заменишь мне ты друга.

Раны на душе ты зальешь,

Песенкой, любой весёлой.

Никогда ты мне не даешь

Повода забыть тебя снова.”

Чиж взял финальный аккорд и, с силой ударив по струнам, с наслаждением слушал постепенно затухающие ноты.

— Ну как? — заискивающе улыбаясь, спросил он у меня.

— Для дебюта — неплохо. А если в целом... Вам бы молодой человек словарный запас

расширить. Над рифмой поработать, — затягиваясь табачным дымом, выдал я вердикт.

Малой явно не такого отзыва ожидал.

— Да погоди ты обижаться, — успокоил я его, разливая по третьей. — Идея в тексте есть. На музыку, пусть она и примитивная, слова нормально ложатся. Три бластных аккорда — наше всё. Больше и не нужно. Текст чуть поглубже проработай и будет норм. Такая чисто пацанская песня получится! — заверил я. — За творчество.

Мы чокнулись и выпили. Как это ни странно, но со временем эффект афродизиака наш самогон утратил. Или мы припились. Так что киряли мы без оглядки и опасения, что поутру проснемся в объятиях какого-нибудь местного крокодила.

— Хочешь, я тебе главный эффект хита открою? — приобняв Чиж, поинтересовался я.

В душе у меня в этот момент такой кайф, такое всевселенское счастье творилось. Словами не передать. А поделиться хотелось.

— Давай, — обрадовался малой.

— Смотри, зачем пацаны на гитаре учатся играть, пальцы в кровь сбивают, кучу времени тратят. А потом, бах, проходит несколько лет и инструмент уже на стене пылится. И берут его только по праздникам. Как думаешь?

Чиж задумался.

— Для себя. Наверное, чтобы друзей порадовать, девчонку поразить, — предположил он.

— Почти, — ухмыльнулся я. — У меня есть два мнения на эту тему. Первое — это действительно для себя. Из таких и вырастают настоящие музыканты. А второй вариант — самоутверждение. Абсолютное большинство начинают терзать струны, чтобы самоутвердятся. Крепко в головах юношеских сидит миф, что на гитариста тёлочки сами вешаются. Полностью опровергать эту теорию не буду. Такое тоже случается, но редко. А побочный эффект — если хоть немного получается, то в компании ты не последним перцем будешь. Опять же, подросток увереннее становится и в будущем это ему на пользу идет.

Я делился со своим юным другом не только соображениями и накопленным опытом, но и тем, что терзало меня долгие годы. Последние пять лет я себя не мог простить, что забросил гитару, сочинительство.

Мог бы сейчас лабать кавера или даже свои песни в каком-нибудь зачуханном кабаке и кайфовать от того, что бухой в соплю слушатель что-то там мычит. То ли пытается подпевать, то ли не по нраву ему что-то.

А потом затянул пару проверенных хитов, пусть даже чужих, и тебя эта пьяная публика уже на руках носить готова. Каждый с тобой выпить хочет. Зауважали, одним словом.

Нечто подобное уже было. В Любавино. Мне потом, правда, чуть череп не проломили.

Но кайф то я ощутил.

Нужным и востребованным себя почувствовал. Впервые за последние пять лет вкус жизни почувствовал.

Но это было в деревне. Где местные не избалованы всякими развлечениями. А в городе так уже и не проканаает.

Хотя...

— Филин, про самоутверждение я понял. А секрет то в чём? — вырвал меня из раздумий Чиж.

— А? Какой секрет? — затупил я.

— Хита, — растерянно протянул малой.

— Так, я же тебе говорю, чтобы текст девчонкам понравился. Про любовь там, как парень на всё готов ради неё. А ещё лучше, как чувак без неё страдает. Девки же, когда песню слушают, они всё на себя проецируют. Сидит она такая и представляет, что это про неё. И если текст жизненный, то ты на волне. А вторая сторона этой медали — пацаны на тебя ровняться начнут. Они же тоже хотят женского внимания. Но это всё теория из прошлого. Так сказать, рецепт народного хита. В пример, тут “Сектор” можно привести. Почему Хоя слушали и до сих пор каждый второй гитарист его песни играет, хотя он про чистые и светлые чувства не пел?

Чиж завис.

— Да потому что он о жизни пел. Потому что почти в каждой песне каждый нормальный пацан себя видел! — улыбнулся я. — Вот так вот.

— А секрет то в чём?

— Да ни в чём? — начал злиться я. — Напиши песню, в которой ты расскажешь, как мандавошек подхватил, или как к Мишане на днюху съездили. Или как Ксюху натянул. Так сказать, поделись опытом.

— Хм, — задумался малой. — А про Ксюху, это идея. Что-то давненько не держал я в руках пышную женскую грудь...

— И? — не въехал я.

— Ну да, — заржал Чиж. — Погнали в Любавино. Там сегодня кабак открывается. Какому-то городскому дебилу это показалось хорошей идеей, — лыбился малой. — Второе, после местного клуба, культурное заведение будет. Сегодня весь любавинский бомонд там будет. Приключения гарантированы! Заводи “старушку”, погнали контент для песен мутить.

И ведь зацепил он меня. Пять минут назад не хотел никуда ехать, а после таких новостей руки сами сгребали всё, что в дороге понадобится может. Меня даже пустые карманы не насторожили.

— Давай на посошок, — подмигнул я другу, разлив по пятьдесят.

— Будем, — подхватил малой. — Только ты это. Если я к Аньке подкатывать начну, хоть по морде мне бей, а уединяться с ней не пускай. Только-только чесаться перестало.

— Свежо придание, да верится с трудом, — усмехнулся я. — Ты мне лучше расскажи, с какого ты её там встретить то надеешься? И второе, а как же тётя Ксюха? — попробовал я подловить мальчика.

Мой вопрос Бухаринского секс-символа ни разу даже и не удивил. Он наоборот, чуть ли не заржал в голос.

— Ксюха — хороша. Если ты понимаешь, о чём я, — подмигнул мне малой. — А Анька... Она решила, как кое-кто из нас, сменить обстановку, обнулиться, уйти в отрыв, наверстать упущенное и всё в таком духе. Короче, решила она вспомнить хиповскую юность и ломанула в деревню к тётке. Не заладилось у неё с роднёй только. Вот и хипует где придётся, — просвещал меня Чиж.

— А самое интересное, что в полях то она, по ходу, благодаря бате нарисовалась. Лично она так прелюдию к нашей встрече описала: «Да есть тут козёл один. Обещал подвезти, а как понял, что карася попарить ему не удастся, свалил в закат». А она в полях осталась, — на серьёзных щах заверил меня дружан.

— Ну да, ну да. Совсем ни разу не попарил, — заржал я, вспоминая ночной фермерский променад в частную клинику.

Глава 30. Кабаки и бабы

А если хочешь ты отметить день рождения хорошо,
Иди в кабак!
А если хочешь хорошо со своей девчонкой отдохнуть,
Иди в кабак!
А если хочешь чтоб от улыбки треснула щека,
Иди в кабак!
Если хочешь этот вечер ты запомнить на всю жизнь,
Иди в кабак!
“Сектор газа”.

Орал я не жалея глотки основную строчку, а Чиж вдохновлёно дополнял: “Иди в кабак”. Потом я опять задавался вопросом, а Чиж уверял: “Иди в кабак”.

Так мы и ехали. Точнее летели на моей верной «старушке» по полевой дороге, подставляя встречному ветру свои пьяные и довольные морды. И как я ни накручивал ручку газа, а наши вдохновленные души летели впереди мотика.

Именно так мне в тот момент казалось.

До пункта назначения домчали мы быстро. Новое заведение нашли без труда. По пьяным воплям и отзвукам музыки сориентировались.

Городской инвестор, видать, рассчитывал на постоянный интерес гостей к этой деревеньке. Или решил превратить Любавино в мекку сельского туризма.

Именно такие выводы нарисовались в моей голове, когда я взором опытного рекламщика оценил фасад здания, а потом и внутренний интерьер клуба.

Снаружи это был сарай — сараем, с криво прибитой табличкой, информирующей, что сие место отныне именуется “Горячий стручок». Чуть пониже висела ещё одна дощечка с наскальным рисунком, расшифровав который мы поняли, что «Стручок» — это культурное заведение в стиле лофт и работает ежедневно с семи вечера до пяти утра.

— Где то я это уже видел, — поделился я с Чижом наболевшим. — Не нравится мне это место.

— Кабак, как кабак, — хмыкнул дружан. — Погнали.

Что за образы всплывали в моей голове я понял, когда мы ввалились в модный сарай и огляделись.

Эта рыгаловка выглядела, один в один как “Крученая сиська” из Тарантиновской нетленки про вампиров. Единственная разница — вместимость. Любавинский стручок максимум рыл пятьдесят мог вместить. А тот легендарный кабак, вроде бы побольше.

— Дружище, тут явно не хватает нашего дуэта и развратной девахи, что будет плясать под наш аккомпанемент, — похлопал я по плечу Чижа.

— Давай сначала местность прощупаем. Что-то, как-то... Не пойму, короче, — взбрыкнул малой.

Я лишь пожал плечами, поправил болтающуюся на ремне гитару и мощными гребками раздвигая праздношатающиеся по залу бухие тела, двинул в сторону барной стойки. Столики тут были, целых тринадцать штук. Но сегодня меня манила аура бара.

Чиж тоже поймал струю и двигал позади меня.

— Есть чё вкусного пожрать, а то в горле пересохло, — поприветствовал я бармена — моего ровесника, щеголявшего в стереотипном байкерском прикиде, гордившегося классическим пивным пузом и бородой, как у гитариста из «ZZ Top».

Я его так про себя и окрестил.

Бородач смерил меня взглядом и ухмыльнулся. Я тоже показал зубы, типа шутку оценил — смешно и взобрался на высокий барный стул.

— Двойной виски, пожалуйста, — щелкнул пальцами, устроившийся рядом со мной Чиж.

— Паспорт есть? — повел бровью ZZ Top.

— Батя разрешает, — парировал малой.

— А мне пох, кто и чего тебе разрешает. Морда твоя мне не нравится. Могу предложить только коктейль. Молочный, — буравя балбеса немигающим взглядом, донес свою мысль бородач.

— Филин, эт чё? Это мы в логово пидорасов что ли пришли? — толкнув меня в плечо, намеренно громко проорал Чиж.

Реплику слышали все. И те, кто надо и не надо.

— Обоснуй! — скрипнул зубами бармен, косясь на сидящих неподалеку местных мужичков. Они тоже слышали базар малолетнего балбеса и уже готовились либо громить кабак, либо бить морду Чижу. И что начнется раньше, зависело только от юнца.

— Я не баба, чтобы тебе моя морда нравилась. Это раз. А два, ты на какой такой молочный коктейль там намекал? Я чёт не понял. Или может я ослышался? — борзел Чиж.

Ответа не последовало. Бармен тупо начал ржать. Трясущийся в приступе хохота повелитель бутылок даже местную публику расслабил. Мужички потихоньку от нас отвернулись, признав своих, и вернулись к обсуждению насущных проблем.

— А ты малый не промах. Но без паспорта я тебе всё равно из алкоголя ничего не налью. Мне работа дороже, чем амбиции какого-то пиздюка, — разглаживая бороду, выдал бармен.

— Чувак, да ладно тебе, — вступился я за дружана.

— Даже и не уговаривай. Без паспорта только молоко и горячий шоколад, — уперся бородач.

— Я если ты вискарь мне дашь, а я ему передам? — нашелся я.

— Бабло за заказ гони, а потом и делай с алкашкой всё, что тебе хочется. Хоть выливай, хоть дрочи в стакан и пей, — подмигнул мне ZZ Top.

Я аж завис от таких базаров.

— Слышь, а чё это у вас так принято с клиентами что ли общаться? А как же “Клиент всегда прав”, улыбаться этому мудаку, даже когда он тебя материт. И всё такое? — возмутился я.

— Дык, в том и фишка этой шараги. Соблюдаем только законодательство, а все остальные уловки гей-ропы идут лесом, — обрадовался ZZ Top. — Полная аутентичность и самобытность.

— Что не мешает копипастить популярные образы и обстановку, — поддел я бородача.

— А это уже не ко мне. Мешку с деньгами, спонсировавшему открытие этого бедлама, именно так захотелось. Бабло его, чё хочет, то и строит.

— Ааа, — махнул я рукой. — Харош про работу. Наливай, давай. Чиж, гони монету на базу. Я её торговцу передам.

Малой опешил.

— Я бабло не рожаю и не рисую. У меня нет. Я думал ты банкуешь, — отмазался балбес.

Ситуация не радовала. Как-то стрёмно даже выходило. Привыкли, блин, за два с копейками месяца, что чаще всего на халяву керогазим.

Хотя, ни хера не на халяву!

— Чувак, у нас тут с баблом напряженка нарисовалась, но мы натурой готовы оплатить, — кивнув на висевшую на спине гитару, намекнул я бармену.

Но бородач даже и ухом не повёл и наливать нам не спешил.

— Братка, да мы же местные звёзды. Ты чего? Не узнал нас? Тут фестиваль был давеча, так мы там хэдлинерами были! — встрял в разговор малой.

— А, ну это в корне меняет дело, — обрадовался бородач. — Гоните лавеху и я вам сразу же с превеликой радостью накапаю, — завёл он старую песню. — Точнее, тебе накапаю, — кивнул он на меня. — А ты сначала паспорт покажи, — зыркнул бармен на Чижа.

Расстроились мы с малым синхронно. Мелочёвка то в карманах была...

Но цены на brutальный алкоголь в этом оплоте культуры были зверские. Правда, пивас дешевизной отличался. Бадяженный, наверное. Это мы и решили проверить. Поскребли мы с Чижом по сусекам и на пару бокалов даже хватило.

— Промочим глотки, и если этот бородач драку не развяжет, зафигачим концерт. А артистам завсегда бесплатно нальют, — подбодрил я балбеса.

Пивас к нашему изумлению оказался не разбодяженным от слова “совсем”. Даже, по моему экспертному мнению, слишком тягучим.

— Я что-то не понял, — охренел я, после первого глотка. — Чё это?

— Читай по губам — натуральное пиво, — хмыкнул бородач.

— А газ где? А чего тянется так? И мутное? — не унимался я.

— Я же тебе дураку говорю, натуральное, — начал злиться бармен. — Собственное производство. Делаем из так называемой «сгущенки». Себестоимость литра ровно в два раза ниже рыночной. Отсюда и такая цена.

— Реально? — не поверил я.

— Реальной некуда. Натуральное баварское. Не веришь, сгоняй к немцам и сравни, — возмутился ZZ Тор. — Из этой же линейки могу предложить сидр, хмельной квас и березовицу.

— Чего?

— Забродивший березовый сок, — вздохнул бармен. — Гони монету, угощу всяким разным.

Я покосился на Чижа. Малой с блаженной лыбой потягивал выданное нам пойло и об отсутствии финансов на продолжение банкета не переживал совершенно. А мне уже ох как захотелось попробовать всё и сразу.

— А в долг никак? — почесав затылок, попытал я счастье.

— Не-а, — отрезал бородач.

Выход подсказал малой. Точнее его профиль.

— Саныч! — хлопнул я себя по лбу, доставая мобильник.

Облом ждал и тут. Абонент перекрылся из зоны доступа сети. Был вариант ещё участкового тутошнего на спонсорство раскрутить или Ксюху, но это уже в крайнем случае.

Когда нормально накидаемся.

— Братан! — снова начал канючить я. — А у тебя же сцена сегодня свободная? — подмигнул я бармену, кивая на небольшое возвышение неподалеку от барной стойки.

— Типа того.

— А давай мы, учитывая пожелания публики, мальчика поиграем. За процент с кассы в литровом эквиваленте, — пошел я ва-банк.

Бармен радости по-прежнему не проявлял.

— Аванс не просим, оплата по факту, — успокоил я. — Никакого шансона, в нашем репертуаре только русские-народные-блатные-хороводные.

— Валяй, — отмахнулся от нас ZZ Top.

Я толкнул Чиж и кивком головы указал на сцену.

— Ога, — обрадовался малой. — Пиво не допивай. Мне для голоса нужно.

Настроились мы моментом. Комбик и подобие пульта тут были. Даже с провода и микрофоны нашлись.

— Раз, два раз. Яйцетряс, — проверил работоспособность микрофона малой.

От таких приветствий зал замер.

— Трям, — взял я первый аккорд, решив ловить баланс “гитара-вокал” по ходу пьесы.

— Бумц, бумц, бумц, бумц, — задал ногой ритм Чиж, и я заиграл вступительный соляк весьма актуальной в текущей ситуации композиции. Про мужика, которому нужно пропивать всё, что есть.

Первые два куплета шли как-то тяжело. А потом я разошелся, накрутил на пульте, что хотел и фигачил уже без соляков и прочих понтов. Малой тоже вошёл в раж.

— Ааа водка стоит сто рублей. Это не беда. И ваще то тут не водка. Так одна вода, — симпровизировал малой, кивая в сторону барной стойки, за которой лыбился бармен.

А чего ему грустным быть. Мужички оживились. Прониклись. Подпевали нам и выстраивались в очередь за лекарством для душевных ран. Ну а чем в деревне их заливать принято? Одно только напрягало. Откуда деньги? Не в долг же они бухают.

С такими мыслями я и кончил. В смысле, песню завершил.

— Ааа, — поддержала нас пьяным воплем толпа.

Я вздохнул. Фурор, хоть и не большой, мы произвели. Но наливать нам благодарные зрители не спешили.

Чиж, правда, не унывал. С довольной улыбкой помахал полупустым бокалом пива залу и затянул песню про день рождения. Тридцать лет, если кто не понял.

Алкогольного подаяния я не дождался, пришлось подыгрывать на сухую.

Бокал балбеса опустел после третьей песни. О чем он и сообщил разогретым зрителям визуально. А потом запустил пластиковый стакан в сторону зала и затянул “Бомжа”.

— А малой то не промах. На жалость решил давить, — ухмыльнулся я.

То ли мужики расчувствовались, то ли Чиж так проникновенно канючил. А не успел стихнуть финальный аккорд, как подбежал к нам мужичок из местных, и новый бокал пиваса балбесу протянул.

— Гуляй, пацаны, — подбодрил он малого. — Аванс сегодня.

— Намек понял, — обрадовался балбес.

Мне тоже два раза повторять не нужно было. Заиграл про аванс. Навык “Ванга” окупился. В конце финального куплета перед моим лицом возник стакан. По ходу с водкой.

На добродетеля я взглянул такими глазами... Кошак из Шрека бы позавидовал. Но

играть не бросил.

— Смертельный номер, — завопил Чиж, наблюдавший картину краем глаза. — Исполняется в первый, и, надеюсь, не в последний раз. Гитарист демонстрирует сеанс одновременной игры и потребления алкоголя. Алле, оп!

— Вот же сволочь, — только и успел я подумать, как стакан приблизился к моим губам и начал наклоняться.

Пришлось тянуться к нему губами и всасывать ту дрянь, что мне предложили. А это была водка. Дрянного, я вам скажу, качества.

Но играть я не бросил.

— Красава, — завопила толпа, когда добродетель показал пустой стакан залу.

— Курить, — просипел я, пытаюсь удержать в себе голимую сивуху.

Больше чем за месяц привык уже к хорошему самогону, а тут такое.

Сигаретка нашлась быстро. Мне её тупо в рот вставили и зажигалку даже поднесли. Типа, ты играй, не прерывайся, а об остальном мы позаботимся.

Оказанное доверие пришлось отрабатывать. Хотя играть стало веселее.

Репертуар у нас был обширный, зрители благодарные. Смертельный номер ещё три раза повторили. В стакане с каждым разом всё больше плескалось, но меня это уже не останавливало.

Чиж тоже пивком в охотку баловался. Одним словом, всё шло, как по маслу. Пока малой не затянул “Нас ждут из темноты”.

Бухал то я без закуси, вот и шарахнула мне в голову моча, что было бы неплохо испанского мотива в эту песню добавить. Ну и добавило на свою голову.

В первом же припеве толпа разверзлась и перед нами нарисовалась Анька. Та, что Чижа мандавошками наградила.

Ей, видать, тоже хорошо было. Так задницей крутить начала! Мужики смекнули, что к чему, смели с ближайшего к сцене стола все, что там было и водрузили на него нашу знакомую.

А та и рада стараться. Крутит задницей под нашу самодеятельность. А потом и оголяться начала. И только до трусов она дошла, как я кончил. Играть, в смысле, кончил. Песня закончилась. Да и пальцы перерыва настоятельно требовали.

И тут меня такой флешбэк постиг. Мужики, один в один, как в Тарантиновской кинохе лицами поменялись. Ломанули к Аньке и давай её за всякое лапать и на близости настаивать.

А эта дура не придумала ничего лучше, как схватить, что из валяющихся на столе шмоток под руку попало, и ломануть к нам. С воплем: “Помогите, вые. ть хотят!”

Я даже и сообразить чего происходит, не успел, как эта мандель спряталась за моей спиной, а я лицезрел как минимум десяток синих и жаждущих близости рыл.

В голове была полнейшая пустота.

И как выпутываться из этой херни было непонятно. Хотя один проверенный вариант, всё же был...

Я, аккуратно отодвинул микрофонную стойку, перехватил инструмент поудобнее, на манер биты бейсбольной, и с воплем: “Кому испанский галстук! Недорого! — размахивая древней акустикой над головой, начал пробиваться к выходу.

Эффект неожиданности сработал в нужную сторону. Анька и Чиж смекнули, чё по чём и прикрывали тылы, отмахиваясь микрофоном и стойкой от этого девайса.

Эффект неожиданности сыграл нам на руку, но до выхода мы добежать не успели. Мужики отвисли, перекрыв единственный путь к отступлению.

Я уже замахнулся, прицеливаясь вмазать по самой наглой башке.

— Бах, бах, бах, — раздались три резких и сухих, но оглушительно громких щелчка. Как будто пастух кнутом вдарил.

Толпа затихла и замерла. Мы тоже застыли.

— Чё это было? — пискнул кто-то.

— А ну стоять, млять! — прогремел знакомый голос.

— Петрович! — расплылся я в улыбке, признав участкового.

— Петрович! — обрадовался Чиж.

— Пять минут и больше вас двоих я ни в этом кабаке, ни в этой деревне не наблюдаю. Никогда! — отчеканил мент. — И шалаву свою забирайте. Время пошло!

Усатый не шутил. Это я по растопыренным усам понял.

Да, пинание наших бранных тел он выстрелами в воздух предотвратил, а вот отписываться за пальбу ему теперь до китайской пасхи придётся.

— Спасибо, Петрович, — шепнул я, прежде чем закрыть дверь этого гостеприимного заведения.

— Ты ещё тут? — скривился мент.

Намёк я понял. Не дурак. Буркнул на замешкавшегося Чижа, отвесил пенделя Аньке и быстрым шагом двинул к своей старушке.

— Нет, вот ты мне скажи? Как так? — возмутился я, нарезая круги вокруг джавы. — Как ты тут нарисовалась то? Откуда ты такая? По морде же видно — не местная! Ты заговоренная что ли? Как тебя не встретим, так в лютый писец стопроцентно вляпаемся.

— Из города. Приехала на фестиваль. А по поводу приключений, так это же наоборот прикольно. Будет, что в старости вспомнить, — заулыбалась Анька.

— Ога! — оскалился я. — Чиж, вон, тебя точно до самой смерти вспоминать будет. Как выпьет стопочку в хорошей компании, так и будет вспоминать.

— Дебилы, — огрызнулась Анька. — Злые дебилы. Полюбому от недотраха! Может потрахаемся? А? А то мне сегодня переночевать негде.

— Ты видел? Нет, ну ты видел? Точнее, слышал? — завопил я, размахивая руками. — Злые мы. Значит. От недотраха. Может потрахамся? — передразнил я подругу. — Прыгай в коляску и мандой там не трясись! В бане отмоешься, живность выведешь, а потом и переночуешь. И то, если насосёшь на ночлег, — смилостивился я, почесывая причинное место.

— Что-то чешется в мудях, не помру ли я на днях? Череп ломит, спасу нету! Кто там квакает в кустах? — продекламировал Чиж, взбираясь на сидуху “старушки”. — Хотя, нет. Ты говорила, что ни с кем ты не былааа, и что я первый, кому ты дала! — заорал дружан мне в ухо, и мы поехали в родные пенаты.

Анька вроде бы возмутилась нашей бестактности и пошлым намёкам на наличие у неё живности, но слова её потонули в реве мотоциклетного движка.

Глава 31. Как в старой сказке

Делать нам нечего, и вот один раз
Решили записать альбом, ну полный атас!
Даже не альбом, а сказку ваще
Где участвует козёл — Бессмертный Кашей
Где участвует царь с сыновьями и женой
Также Баба-Яга со своею избой
«Сектор газа».

Мурлыкал я себе под нос, наблюдая закат с крыльца бабкиной бани. А чего ещё делать, если настроение подходящее? Минорное такое. Да и с чего бы радоваться то? Ближе ко второй половине августа всегда такая фигня. Одним прекрасным вечером ты ощущаешь дыхание осени и всё. Писец.

А ты ещё столько не сделал...

Об этом я думал и вчера, да и сегодня взгрустнулось что-то. И это несмотря на половые ништяки. А что без них бы было бы?

Итак, восстанавливая хронологию.

За три дня, что прошли с момента нашего визита в недружественное нам село ничего интересного не произошло. Моя бабка Аньку приняла, против её обитания в бане не то, что не возражала, а недоумевала, какого лешего подругу в бане то поселили.

— Ну трахайтесь вы в бане, если вам так нравится. Спать то и дома можете. Диван то большой, — недоумевала она.

Про Анькину живность, и что она из-за неё третий день на половом карантине и прочие моменты нашего знакомства я тактично умолчал. Благо Анька помогла. Заверила мою старушку, что она хипповую юность вспоминает. А без единения с природой нужного эффекта не будет.

Короче, махнула бабка на нас рукой, и посасывала нам Анята по утрам и вечерам. Нам — это мне и Чижу.

— Ну а что? Хипповать, так хипповать, — пронеслась в моей голове мысль, как только солнце скрылось за ближайшим лесом.

— Филин! Филин! — вырвал меня из размышлений вопль Чижа. — Санёк, чего перекрылся? Я тут охеренную тему придумал, — обрадовал он меня, подойдя к бане.

— И вам здравствуйте, — ухмыльнулся я. — Чего за тема?

— С пацанами в группе придумали. Видос снять нужно.

— Чего?

Тема оказалась стара, почти как и я. Можно сказать, она стала идеей фикс для нескольких поколений фанатов “Сектора”.

Расклад вырисовывался такой.

На одном из интернетных форумов балбес заобщался с поклонниками хоевского творчества. Слово за слово и пришли они к тому, что секторовская сказка — величайшее творение всех времен и народов.

Народное достояние и никак иначе.

А народное достояние должно быть доступно народу не только в формате аудио.

— Видос “Сказки” нужен! — горячился малой.

— Так есть же уже. И не одна версия, — парировал я.

— Да там не то! Одни нарезки! А мы профессионально хотим сделать. В деревне наснимать, а на форуме чувак есть, он такие видосы монтирует, — не сдавался Чиж.

Я лишь хмыкнул. Когда то я тоже мечтал снять свою нетленку по мотивам Хоя.

Но не срослось.

А потом, когда несколько любительских версий посмотрел, понял, что у каждого своя сказка должна быть!

Со своим Иваном, своей царевной и злобным Кашеем.

— У каждого своя картинка сказки. Понимаешь? В единственном экземпляре! И показывать её должна фантазия в голове слушателя. Когда за окном ночь, ливень или дубак, а ты такой лежишь в теплой кровати и кайфуешь от того, что тебе в наушниках Юра Хой вещает: “В русском царстве жил-был царь. Превеликий государь. Он был стар, но хер стоял. Всех он в царстве заебал!». И ты такой, бах и себя представляешь. Или друзей вспоминаешь, — вдарился я в размышления.

— А если так? — залыбился малой, достав из-за пазухи литровый шкалик коньяка.

По ходу у Саныча подрезал.

— А лучше так, — парировал я, толкнув дверь и кивнув на столик в предбаннике, где была накрыта зачётная поляна в древнерусском стиле. — Бабка по осени всякие соленья в бочках мариновать будет. А тара ещё не освободилась. Надо помочь бабуле. А тут вы со своими буржуинскими пойлами, — поддел я Чижа. — Предлагаю поддержать отечественного производителя. Тем более что он местный, — вещал я, доставая из закровов десятилитровую банку с нашей самогонкой. — Последняя, — вздохнул я, нежно стирая с банки пыль.

Возражений не поступило. Малой запёрся в предбанник, где мы и дерябнули за встречу. А потом к нам присоединилась Анька, и мы повторили тост. Потом пропустили ещё по пятьдесят, и ещё по стопочке. Наливать из десятилитровой банки, правда, неудобно было.

Но мы не роптали.

— Смотри, я Иваном буду, батя — царем, ты Дракулой, а Анька — царевной, — не сдавался малой. — А твою бабку мы уговорим бабой Ягой побыть. Круто я всё придумал?

— Ну да, — хмыкнул я. — С Иваном и царевной нареканий совершенно нет. “Тёлкой стала хоть куды, от башки и до манды. Вся прекрасная такая. Растудыть её туды”, — процитировал я, указывая на выпирающие прелести будущей царевны.

Только вот подруга нашей радости не разделяла. Сниматься отказалась наотрез.

— Идея крутая, но моего личика там мелькать не должно. А вот камеру я поддержать могу. У меня в рюкзаке, кстати, гоупрошка завалилась. Так что я оператор! И режиссёром ещё побыть могу, — выдвинула моя квартирантка свои условия.

Я только головой покачал, а потом ещё минут десять отбрыкивался и отбрёхивался от оказанной мне чести. Видать громко аргументировал, на шум бабуля прибежала.

— Чего? Я — баба Яга. На ютуб? Да вы што? Совсем, что ли? С дуба рухнули? — завелась бабуля, когда Чиж ввёл её в курс дела. — Я же не подготовилась! Полчасика погодите, я хоть наряжусь, — добила меня бабка. — Я мигом. И самогонки мне оставьте!

А пока родственница наводила марафет, Анька за камерой сбегала и какую-то раскадровку придумала. А тут и бабуля пришла. В фуфайке, галошах, а на голове бандана.

Что затея пошла не по плану, Чиж заподозрил, когда Анька и бабка начали с него одежду стягивать и в парную запихивать.

— Хоть трусы то оставьте, — возмущался малой.

— Да чего мы там не видели, — выдали девчонки стандартную фразу, кидая недвусмысленные взгляды в паховую область балбеса. Анька то знала, что за зелёные рога из трусов выглядывают, а бабку это зацепило.

С датыми бабами, в каком бы возрасте они не были, спорить, а тем более отбиваться, бесполезно. В четыре руки оголили они звездюка, на полати уложили, и бабка на камеру Чижа веником херачить принялась. Благо, что банька топленная была.

Вопли стояли на всю округу. Мне этого Ивана даже жалко стало.

— Натурализму мало, — злилась бабуля, от души херача Чижа остатками веника по белому заду. — Санёк, поддай-ка парку, а то Иван бледный, как поганка, — радовалась она, переключаясь на спину.

А я то что? Он сам захотел. Искусство, оно такое. Жертв требует!

Зато следующая сцена на ура зашла. Красный, как рак, Чиж с наслаждением хрустел огурцами и лихо опрокидывал в себя стаканы с самогонкой.

— Стоп, снято, — осадила малого Анька-режиссёр. — Отдыхайте пока, а потом по садам полезем! Сашенька, будьте добры, перевоплотитесь в юношу. На время. И харизмы пару стаканов примите. Только Иванушке не наливай, а то его и так уже штормит не хило.

Завершение съемок первых сцен мы обмывали втроем. Чиж на воздухе отходил.

— Нифига подобного. Без меня по садам они полезут. Начали вместе и продолжать будем вместе, — возмутилась бабуля, когда мы засобирались. — Я сейчас образ сменю и буду массовку изображать. Никто и не заметит подвоха. Кстати, а к кому полезем?

Я только рукой махнул, устав доказывать бабуле, что годы у неё уже не те.

— Я предлагаю к Анфиске. У неё знаешь, какие яблочки наливные! А собака какая злющая... — обрисовывала бабка перспективу. — Самое то, что нам нужно. Меня-то кобель не должен тронуть, но я на всякий случай котлеток возьму. Задобрим, если что.

План мне совершенно не понравился. Но спорить с родственницей, решившей вспомнить молодость, было бесполезно.

Растолкали мы с Анькой нашего царевича, под яблонькой прикорнувшего, и огородами двинули в назначенную точку.

Яркая луна нам путь освещала, а режиссёрша наша этим и пользовалась. То в бурьян нас загонит и заставит выглядывать, пока бабка мобильником подсвечивает морду новоиспечённого Ивана, то по-пластунски ползти приходится, то по краю забора красться.

Да всё не просто так, а по мультяшному, с выдумкой.

Загоняла нас она в хост и в гриву. Но зато такие кадры наснимала.

Это Анька так уверяла.

Мучения кончились, когда луна за тучкой скрылась. Но перекурить и от души обматерить нашу мучительницу мы не успели. Бабка инициативу перехватила.

— На дело щас пойдем, а они тут вертеп устроили. Орете на всё село. Мёртвые на кладбище и то попросьпались от ваших воплей, — ворчала она. — Так, молодежь, сейчас луна выглянет, так вы забор аккуратно перепрыгивайте. Только красиво так, по-киношному. И ждите нас там. Девушки через калиточку пройдут.

Задание мы выполнили “от и до”. Забор штурманули в лучших традициях ниндзя. Правда, пролёт повалили. Но Анька, давась смехом, заверила, что было красиво, и она успела снять то, как Чиж, балансируя на верхушке забора, рухнул вместе с ограждением в сад.

А дальше всё было как в песне.

Собака, падла, не дремала. Но и мы не лыком шиты. Охеревшего от нашей наглости пёселя заметили, и у нас сработал рефлекс.

Драпали мы знатно. Олимпийским чемпионам такие скорости и не снились.

А вот девичьему составу нашей киногруппы и тут фортануло. У собаки тоже рефлекс сработал и кобелюка, увидев наши удаляющиеся спины, на бабку и Аньку внимания совершенно не обратил. Так и драпали мы подальше от этого сада под команды режиссёра, требующего выйти из тени, чтобы сцену снять.

— На второй круг давай! Измором берите его! Измором! — мотивировала нас бабуля.

Ушли мы огородами. А если точнее, то лихо перемахнули высоченный забор бабкиного огорода и в сарае сныкались.

— Иди те ка вы на хер со своими сказками и видосами! — вопил я, врываясь в баню, когда пёсель ретировался. — Про кобелей уговора не было!

— Да ладно тебе, — хрюкнула Анька. — Кадр достойный Оскара получился. А как вы яблоки тырите, мы в нашем саду доснимем. Яблоня, она и в Африке яблоня. Тем более что темно и не видно толком ни хрена.

— Так и я про тоже. Нет, их по чужим садам понесло! — поддакнула бабка. — Нервные вы, какие то. Так и инфаркт получить можно! Может самогоночки? — проявила заботу старушка.

Стресс ушёл после третьего стакана. А после четвертого я начал требовать продолжения съемок.

— Пошли царя снимать, — подначивал я инициатора. — В этот раз я в стороне посмотрю.

— Да легко, — завёлся Чиж. — Погнали!

До Саньча мы двинули всё тем же составом. Правда, Аньку замаскировать предварительно пришлось. В бабкин халат, бандану на пол лица и мою старую бейсболку. Самый что ни на есть режиссёрский прикид получился.

В качестве аргумента взяли банку с остатками нашего самогона. Там на доньшке ещё литров семь то плескалось.

Парламентёрами выдвинули бабку, в силу возраста и непоколебимого авторитета, и Чижа. Этого тупо из-за богатых родственников. То бишь Саньча.

Как эта парочка канючила и в красках обрисовывала все прелести нашего фильма, демонстрируя кадры нашего с Чижом бегства, надо было отдельно снимать.

— Суки! — выдавил Саньч, утирая слёзы. — Уболтали, на. Только загримируйте, чтобы ни одна собака меня не узнала.

В роль Саньч вживался долго. Пять тостов минуло, пока он не дошёл до кондиции и не взял бразды правления в свои руки.

И процесс пошёл. Да ещё как пошёл. С одного дубля писали, а я в углу от смеха корчился.

— Только сразу не ебите! Погодите до темна, — шатаясь, грозил в камеру новоявленный царь с бородой из мочалки импровизированным скипетром, в качестве которого было решено юзать привод со ступицей от какой-то отечественной легковушки.

И тут случился бум.

— Ай, мля, — взвыл Саньч.

Скипетр развалился, и ступица аккуратно на мизинец правой ноги нашего царя рухнула.

— Чё? Больно? — проявила участие бабуля?

— Сгинь, — сквозь зубы процедил фермер. — Казню. Тьфу ты, мля. Уволю. Ааа!

— Ну не кипятись. Верю, что болит. Ты самогоночки то прими, полегчает. А ещё можно компресс сделать. Хорошо помогает. А ещё можно на тряпочку пописать и к больному месту приложить. Самый действенный вариант! Подсобить? — суетилась бабуля вокруг Саньча.

— Да идите вы, — отмахнулся фермер.

Ну мы и пошли.

Точнее эти пошли, а я остался. Друг всё таки пострадал. Из-за искусства. А это вам не это.

Лечились коньяком и самогоном.

Проснулся я от воплей дружана, что грозил нашей киногруппе какими-то противоестественными карами и прочими санкциями.

Оказалось, что анестезия отпустила, и по утру фермер обнаружил, что у него не только морда распухла, но и мизинец на ноге раз в десять больше положенного стал.

Обматерив нас до пятого колена, прыгнул Саньч в свою карету и ломанул в больничку. Ну а я домой почапал. Похмеляться и отсыпаться.

Не срослось.

Вдохновлённая троица уже киносъемки продолжала. Пришлось в бане перекрыватьсь. А эти ещё два дня по селу с камерой носились. Вроде как даже с фермером помирились и всю сказку отсняли.

И даже на монтаж отправили.

— Получилось или нет — не знаю. Да и не главное это. Было же весело и впечатления на всю жизнь получили, — отмахнулась от меня режиссёрша. — Потом, как смонтируют, посмотришь.

Глава 32. Последняя ночь уходящего лета

Водку я налил в стакан и спросил

И стакан гранёный мне отвечал:

Сколько жил и сколько в жизни ты своей потерял?

Этого никогда я не знал...

“Сектор газа”

Вертелось у меня в голове с самого раннего утра. То ли погода так на меня повлияла, то ли встал не с той ноги. Шут его знает, в чём причина, но минор пёр, как по заказу.

Сегодня утром, в последний день уходящего лета, Анька, протусившая с нами, около двух недель, сделала нам ручкой.

— Долгожданный отпуск, как и хиповая юность, всё. Прощай веселье и разврат, привет серые будни правильного банковского служащего, — шмыгнув носом, выдала она нам на прощанье. — Спасибо, мальчики. Это было самое лучшее лето в моей жизни.

Честное слово, так и сказала.

Смахнула слезу, послала воздушный поцелуй и села в такси. Мы с Чижом ещё минут пять наблюдали, как пыльный шейф растворяется в воздухе.

— Надо было хоть номерок взять, — вздохнул малой.

— Затупили, — согласился я.

Того, что нам не хватает этой шубутной и неунывающей девахи, мы поняли меньше чем через час. Через два начали скучать, а через пять, по деревенской традиции, уже сидели в бане и всю заливали горе остатками самогона.

— Мда, — вздохнул я, рассматривая оставшиеся литры, плескавшиеся на доньшке десятилитровой банки.

Бахус сегодня мои подношения не принимал и алкоголь меня не брал. Совершенно. Точнее, хмель то чувствовался, а вот спасительного отрешения не было. Даже наоборот, чем больше мы пили, тем сильнее у меня кошки на душе скреблись.

Аналогичная ботва была и у Чижа. Мы даже про чёрного ворона, что кружится над нами, спели.

Один чёрт не помогло. Ещё хуже только стало.

Чайф тоже не спасал. А потом мы перешли на “Гражданскую оборону”. Точнее, я перешёл, а малой мне в припевах подвывал. Не знаком он оказался с творчеством Егорки Летова, но смысл схватывал на лету. А я всё пил, пел и курил...

— Братка, хорош хандрить. Давай прошвырнёмся что ли куда, — не выдержал Чиж, когда на землю опустились сумерки, а в банке осталось совсем чуть-чуть.

— Например? — совершенно бесцветным голосом уточнил я.

— Например, — повторил малой и задумался. — А погнали в Любавино. К Ксюхе. Официальная версия, шампунь отдать, а потом на интим её попробуем уболтать. По очереди. Или даже вместе, — начал заводиться Чиж. — Нам встряска нужна и новые приключения. Поставим жирную точку в летних каникулах! А то такое ощущение, что на этой Аньке свет клином сошёлся. Погнали, разгонять тоску. Давай, давай, — подмигивал мне малой, радостно жестикулируя руками.

— А действительно, — ухватился я за эту мысль, как утопающий за соломинку, а потом

вновь в тоску погрузился. — А Петровича куда денем?

— А хер на него! Сиди тут, я сейчас, до бати добегу, бутылочку вискаря у него подрежу и обратно, — заверил меня малой. — Готовь “старушку”, а то застоялась она.

— А вискарь то зачем? — не въехал я.

— Сэма мало. Да и с элитным пойлом Ксюху уболтать всяко легче будет, — удивился малой моей недалёковидности и ломанул в сторону дома.

— И как я сам не допёр? — удивился я и поплёлся в сторону дома. — Старею, что ли.

А дома меня ждал небольшой пир горой. В лучших традициях всех бабушек.

Кишку набил я от души. Чиж застал меня на лавочке у палисадника.

На мои слабые потуги слиться с намеченного мероприятия он внимания не обратил. Сам выгнал джаву из стойла, сгонял в баню за остатками самогонки и прихватил закуски в дорогу.

Загнал меня пинками в коляску, сам за руль уселся, и мы понеслись навстречу ветру.

Сегодня мы ехали без песен. Грусть меня слегка отпустила, но в душе по-прежнему царили пустота и безысходность.

Малой всю дорогу бросал на меня недоуменные взгляды, но с расспросами не лез.

— План такой, — остановившись у въезда в Любавино, прервал мои раздумья Чиж. — Приезжаем, типа, в гости. Шампуньку отдать и спасибо выразить. Если муж дома, действуем по обстоятельствам. По типу, вот вам наше “Спасибо” и с наглыми мордами за стол усаживаемся. Через пару стаканов я во двор сваливаю, а ты Петьку развлекаешь, — ставил задачу малой.

Я только скептически хмыкал.

— Согласен, план — говно. Но он простой, а значит шансы, что что-то пойдет не так, стремятся к нулю, — заводился Чиж.

— План рабочий. Самое главное — дерзкий. Муженёк и не подумает, что пока он тостует, его супружницу какой-то школьник пользует, — подбодрил я друга.

На том и порешили. Правда, Чиж взбрыкнул, что, дескать, он совсем уже не школьник. И вообще, ему через неделю восемнадцать вдарит.

К Ксюхиному дому мы подлетели с пафосом. Чуть забор не протаранили. А как иначе то было, если на лавочке сидела титястая мечта балбеса в откровенном таком сарафанчике. Правда и Ксюхин муж рядышком тусил. Но нас это не смутило.

— Нормуль, муженёк с бодуна великого. Походу в очередную завязку собрался, — шепнул мне на ухо Чиж. — Ну, так мы это сейчас исправим.

— Добрый вечер граждане Любавинцы, — поприветствовал малой хозяев лавочки.

— И тебе не хворать, — буркнул Петька, кося на нас недобрым взглядом.

Ксюха нас просто проигнорировала.

— Котика мы вылечили и теперь он в полном здравии. В благоустроенном доме харчуеться, — продолжал наводить мосты малой. — Собственно, мы вам чудо-лекарство привезли и наше огромное спасибо, — нагнал пафоса Чиж и кивнул в мою сторону.

Мол, чего тупишь, доставай бутыль.

Ну я и достал. Реакция была незамедлительной.

— Искушаешь? — зашипел Петька. — Кто надоумил? Говори! — прорычал он.

— Чё? — не въехал я.

— Я в полной завязке! С обеда не пью! — скрипел зубами Ксюхин муженёк.

Милфа же наоборот слегка ретировалась и из-за спины своей половинки грозила нам

кулаком.

— Ну, так это мы сейчас исправим, — не обращая внимания на жестикуляцию Ксюхи, подмигнул Чиж. — У нас тут не самогон, а лечебная настойка. Как раз для таких случаев. Я вон его, — кивнул он на меня, — всего двумя стаканами из такого пике вытянул. С вечера подлечил мало-мало, а на утро, он как огурчик был. Хотя до этого три недели керогазил, — снова насел на уши малой.

У Петьки от таких перспектив башню сорвало окончательно.

— Не верю! — взвыл он. — Дай попробую.

Со скоростью пули он подлетел ко мне, выхватил банку, сорвал крышку и припал к горлышку.

Видать не хило у него трубы горели.

— Суки, — бросила нам Ксюха, сплюнула в нашу сторону и пошла в дом.

— Скатертью дорога, — крикнул ей вслед Петька, на секунду оторвавшись от банки, чтобы перевести дух. — Сколько, говоришь, выпить то нужно, чтобы отпустило?

— Всё, но не в одну каску, — нашёлся я, наблюдая за Чижом, выразительно жестикулировавшего мне руками.

После этих слов малой показал мне большой палец и мелкими перебежками ломанул в сторону дома, где скрылась его грудастая зазноба.

А дальше, всё было как в мультике про Вини-Пуха.

Хозяйка нам была не рада, но мы внимания на неё не обращали и посидели совсем немножко. А потом ещё немножко. После я увидел, как сначала Чиж, озираясь по сторонам, выскочил из дома и скрылся в темноте, а потом и Ксюха, поправляя сарафан мелькнула в дверном проёме.

Я как мог развлекал и отвлекал Петьку. Хотя, как я понял, пока в банке плескалась горючка, ему на всё было наплевать. Он даже презентованный Чижом вискарь в банку перелил. Мол, так вкуснее.

Желудок у мужика оказался вместительным, аппетит зверским, а ноги крепкими. Вырубаться он не хотел от слова совсем, а у меня уже чуть ли не в глазах двоилось всё.

Банка оказалась не бездонной.

— Хороший ты мужик, Филин, — приобнял он меня. — И самогонка у тебя хорошая. Только мало её, — вздохнул он, разглядывая пустую банку. — Может того?

Петька ударил пальцем по кадыку.

— Только у меня с баблом напряжёнка. Давай ты спонсируешь, а я сгоняю — предложил рогатик. — Я такую точку знаю. Бабка первак неразбодяженный продает. Крышу сносит на раз-два, — подначивал он меня.

Я ухмыльнулся и полез в карман, где вроде как пара соток завалилась.

— Я мигом. Жди тут, — обрадовался алконафт и растворился в темноте.

Как он вернулся, я не заметил. Всё было как в тумане. Мы сидели за кухонным столом, беспрерывно дымили и, разливая первак, чокались и признавались друг другу в вечной дружбе.

А потом меня окончательно накрыло.

— Петруха, я тебя уважаю. Мужик ты нормальный. С понятиями. А потому не могу я больше молчать, — пытаюсь сфокусировать на собутыльнике взгляд, выдал я.

Кавист завис.

— Жена твоя блядует понемногу. Вот щас, пока мы тут с тобой, значит, по душам

беседуем, она с молоденьким жеребцом развлекается. Со мной, который, приехал. Патлатый такой, — разоткровенничался я.

Какого ляда мне так крышу снесло, я не понимал. Да и говорил то не я, а завладевший моим разумом первак.

— Врёшь, сука, — скрипнул зубами собутыльник.

— Ни разу. Он и меня звал с ней покувыркаться, когда ты вырубись, — признался я и посмотрел Петру в глаза.

Но ничего кроме злобы я там не увидел. Петька не захотел играть в гляделки и выразить мне благодарность за открытые глаза. Он просто схватил со стола кухонный нож и резко встал, опрокинув и стол, и дымящуюся пепельницу, переполненную окурками.

Я тоже встал.

— Ксюшенька, солнышко, ты просто бомба. Секс-бомба, — шептал в ухо милфе умиротворённый Чиж. — А давай ещё разок. А?

— Отстань, школота. Итак уже три раза насладился.

— Ну, Ксюш, ну ещё разок. Ну, пожалуйста, — канючил Чиж.

Но та лишь отмахнулась. Что её насторожило, Ксюха так и не поняла. Как будто кольнуло что-то. А потом женщина и вовсе взгляд на себе ощутила. Злой такой.

Она осмотрелась, но ничего подозрительного не заметила. Сарай, в котором они с Чижом предавались плотским утехам стоял в отдалении от дома. Бесшумно подойти к нему не получится, как ни крути. Тем более бухой супруг был явно не способен на бесшумное передвижение. Однако ж беспокойно ей стало.

— Ну, Ксюш, ну дай ещё разочек, — ныл малой.

— Ладно! Но в последний раз. Совсем-совсем в последний раз и больше не подходи ко мне даже! — сдалась милфа и приняла коленно-локтевую позу. — Давай быстрее.

Услышав про последний раз, малой отрывался по полной программе. Имел Ксюху максимально грубо, периодически шлепая ладонью по её пышной заднице. Но милфа на такие проявления страсти не реагировала. Она настороженно сопела и постоянно подгоняла мальчика.

— Давай уже. Да, еби ты быстрее, — просила она, периодически озираясь на любовника.

И Чиж старался. Юнец уже практически достиг пика наслаждения, когда Ксюха застыла. Просто подняла голову, ойкнула и застыла. Чиж тоже остановился.

Оценил аппетитную задницу милфы, а потом его глаза сами по себе поднялись. Взгляд уперся в дощатую стену, где в просветах меж досок были видны странные отблески.

— Тише, — зашипела на него Ксюха. — Трещит что-то. И гарью тянет. Как будто костер горит. Ой, Петя, — завопила она, когда мозг проанализировал полученную информацию.

— Петечка, — вопила Ксюха не своим голосом, выбегая из сарая.

Чиж, быстренько натянув штаны, выбежал следом и не поверил своим глазам.

В окнах Ксюхиного дома плясали языки пламени.

— Бать, тут в Любавино дом горит. Там Филин был, — дрожащим голосом оповестил Чиж мобильник, когда после трёх гудков, показавшихся пацану вечностью, в трубке раздался голос Санюча.

— Блять, — взревела трубка. — Пожарным звони! Я в городе. Еду! Жди, — отрезал

фермер и сбросил вызов.

Юнец дрожащими руками копался в мобильнике и не мог сообразить, куда звонить, что говорить.

Голова была пустой. Совершенно.

— Ты чего тут забыл? — вернул его в реальность рёв какого-то мужика. — А ну вали отсюда на улицу. Одну еле-еле оттащили от пожарища, тут ты ещё нарисовался, — орал мужик, пинками подгоняя юнца в калитке.

Мужик мало того, что соседом оказался, так ещё и пожарным добровольцем числился. Всё по науке сделал.

Пожарные прилетели на удивление быстро. Но Чижу казалось, что они еле двигаются и дико тупят. Он несколько раз подбегал к ним и требовал проверить дом.

— Там люди. Там друг мой! Его нужно спасти, — орал он. — Он там, я чувствую. Его ещё можно спасти!

— Петя, Петечка, — вторила Чижу Ксюха, валяясь в придорожной пыли и разглядывая свой дом, объятый пламенем, безумным взглядом.

Подойти к ней малой не рискнул.

— Звено готовится, сейчас проверим, если будет возможно, обязательно спасем, — бросил им пробегавший мимо пожарный, кивнув в сторону стоявшей неподалеку машины.

Малой увидел, как трое огнеборцев, закинули за спину какие-то баллоны, нацепили маски и каски, опустили забрала, схватили пожарные рукава и гуськом побежали во двор.

— Бах! — на время вернуло Чижу в реальность, начавший лопаться от перегрева шифер. — Бах! — и из-под кровли тоже вырывается пламя.

— Жертвенный огонь, — некстати всплыло в голове.

Чиж стоял и наблюдал как огонь уничтожает дом и его надежду. Чижу казалось, что всё происходит как в кино. Как будто он не тут, а сидит где-то в современном кинозале в шлеме виртуальной реальности. Казалось, что фильм скоро кончится, он снимет шлем, повернет голову, а рядом будет сидеть улыбающийся Филин.

— Ну как тебе киноха? — спросит друг.

— Круто, — ответит Чиж.

И пойдут они в ближайший ларёк, возьмут пивка и сядут на лавочку. А потом девчонок подцепят, и жизнь снова заиграет яркими красками.

Чижу хотелось верить в это. С каждой минутой всё больше и больше. Даже когда крыша рухнула. И когда пламя сбили, а тем более, когда огонь отступил. А потом и вовсе потух.

Всё это время он стоял без движения. Как столб. Стоял и смотрел немигающим взглядом в пустые окна, отталкивающие своей чернотой и запахом гари. Для него время остановилось.

— Кто там, говорите, был? — потряс Чижу за плечо мужчина с папкой и в форме МЧСника.

— Муж её, — кивнул малой в сторону, где, как он помнил, сидела Ксюха. — И Филин. Друг мой.

— Чей муж? — переспросил мужик, оглядываясь по сторонам.

— Её, — ответил Чиж, тоже шаря глазами по округе. Но Ксюхи нигде видно не было.

— Её на “скорой” увезли. Видать, умом девка тронулась, — подсказала вездесущая соседка, стоявшая неподалеку.

— Понятно, — вздохнул мужик. — Значится, предположительно два тела. Следака

придется вызывать, — бормотал он себе под нос, отходя в сторонку.

И Чиж опять на время выпал из реальности.

— Всё перерыли, — доложил мужику с папкой один из пожарных. — Обнаружено одно тело. Предположительно, мужчина. Дальше Ильича работа.

Чиж стоял и не верил своим ушам. В его глазах появилась надежда. Он достал из кармана телефон и с удивлением обнаружил кучу пропущенных звонков от абонента “Батя”.

— Бать, нашли тело. Одно. Чьё — непонятно, — через силу выдавил из себя малой в мобилу.

— У меня машина встала, а ты трубку не берёшь, — промямлил в ответ Саньч. — Перед лобовым как будто птица какая пролетела, а потом яркая вспышка и мотор заглох.

Над полями вставало солнце, а Чиж летел на верной старушке своего друга домой. Когда до родной деревни осталось совсем немного, он остановился и опять погрузился в раздумья.

Стоило ему закрыть глаза, как в голове всплыл образ друга. Четкий такой. Как будто он рядом стоит. Филин сидел на крыльце бабкиной бани и улыбался.

— Живи и твори, — подмигнул он Чижу. — Живи и твори.

— Живи и твори, — повторил за другом юноша. — Жить и творить, — прокричал он и открыл глаза.

Образ был настолько ярким, что Чиж поверил, что друг просто ушёл домой.

— Петька перепился, уснул с непотушенной сигаретой и подпалил дом. А Филин в это время домой пошёл. Меня не нашёл и с пьяных глаз пешком пошёл! Он сейчас, по любому, сидит на крыльце бани, курит и любуется восходом, — талдычил как мантру малой, накручивая ручку газа.

Ему хотелось в это верить.

Но на крыльце никого не было, в бане тоже была пустота. Чиж неуверенно поскрёбся в окно дома, где жила бабка Филина. Но и там друга не оказалось...

Глава 33. Послесловие

Когда-нибудь проснувшись
Утром с похмела.
Ты поймешь, внезапно,
Что пришла пора,
Позабыть про пьянки,
Про ночной угар,
Головные боли и в душе пожар.
Мефодий Отсюдов.

С последней ночи ушедшего лета, ставшей поворотной в жизни Чижа, прошла ровно неделя. В день своего совершеннолетия юноша сидел на крыльце бани, в которой прошло так много незабываемых вечеров, дней и ночей, и нежно обнимая свою акустическую гитару, рассматривал обычную школьную тетрадку, найденную в предбаннике.

— Путешествие в молодость. Дневник этого лета. Автор — Филин, — прочел он вслух надпись на титульной странице и бережно раскрыл потрёпанную тетрадь. — Это лето обязательно должно стать самым ярким. Сейчас или никогда, — прочел он на обороте титульного листа.

А дальше шли рассуждения, описывались причины, подтолкнувшие Филина вернуться в родную деревню, первая встреча с Чижом, та самая дискотека и умозаклучения, отчего всё так, и никак иначе.

Юноша вздохнул и провёл рукой по тетради, ставшей для него бесценной.

— А ведь так и стало, — улыбнулся малой, вновь пробежав взглядом по записям титульного листа.

Юноша вздохнул, отложил дневник и взял в руки районную газету.

— В четверг в канаве, неподалеку от деревни Бухарино, местный житель во время полевых работ обнаружил тело мужчины, предположительно, одна тысяча девятьсот девяносто первого года рождения, — прочитал он заметку на второй странице. — Личность погибшего установили по верхней одежде. В паре метров от трупа лежал документ, удостоверяющий личность. По предварительной версии, уроженец Бухарино, решивший погостить в родной деревне, погиб в конце мая или в первые дни июня. Вероятнее всего, смерть наступила в результате удара в височную область тупым и твердым предметом, проломившим височную кость. Незадолго до смерти мужчина получил сильный удар в районе ягодиц. Скорее всего, его сбил автомобиль. Падая, пострадавший ударился головой о камень и получил смертельную травму. Следователи проводят проверку, по результатам которой будет принято соответствующее процессуальное решение.

Чиж оторвал взгляд от заметки и посмотрел на вечернее небо. Вопросов у него было больше чем ответов. Логичнее было бы, если бы его друг просто испарился, погиб в доме. А тут. Всё лето он был рядом, а потом в паре километров от села находят разложившееся тело, одетое в шмотки Филина, а рядом валялся рюкзак с документами.

Или Филин выполнил свой летний квест и отправился дальше по дороге жизни. Решил полностью избавиться от старого и по пути выкинул документы и любимую косуху в кусты?

Чиж сам не заметил, как по щекам покатились слёзы. Глубокий вздох сожаления и

паренек распрямился. Упершись спиной в стену банного сруба, он вновь взял в руки гитару и провел пальцами по струнам и над Бухарино поплыл блюзовый мотив.

“Когда-нибудь проснувшись утром с похмела,

Ты поймешь внезапно, что пришла пора,

Позабывать про пьянки, про ночной угар,

Головные боли и в душе пожар.

Что пора тихонько здоровье лечить.

И на свою старость денежку копить.

О детишках доме думать нужно что

И о том, что старость уже не далеко”.

С каждым тактом его голос становился громче и увереннее.

“А большинство знакомых на кладбище уже.

Под плитой могильной спят в кромешной тьме.

А когда на праздник песни ты поешь,

Говорят все люди: «Ну, дедок даешь».

— Опять ты тут? Бухаешь? А одному пить, между прочим, вредно, — прервал песню Саныч.

Чиж поднял глаза. Его батя стоял и, слегка пошатываясь, с укором смотрел на сына.

— Ты вот мне скажи, нахрена вы туда попёрлись? А? Нет, ты вот мне скажи, какого хрена я в город попёрся? Вот нашиша, спрашивается! — вздохнул Саныч, присаживаясь рядом с сыном.

Малой к таким закидонам уже привык. Фермер уже неделю на стакане сидит. И что бы ни творилось, а к вечеру он обязательно надирался и начинал рассуждать о превратностях судьбы. Что было бы, если бы да кабы.

— Значит, так было нужно, — отмахнулся от пьяного отца Чиж и снова с головой погрузился в музыку.

— Вот тебе и всё уважение. К батю, да? И чему тебя в школе только учат. Пороть тебя надо было. Человеком тогда стал бы, — надулся Саныч. — Тебе же сегодня восемнадцать исполнилось. А ты... Сидишь тут...

Но сын его не слушал. Наигрывая незамысловатую мелодию из Хоевского «Тумана», Чиж внезапно понял, песни «Сектора» навсегда запали в его душу. Они стали частью его. Как в своё время стали частью Саныча, частью Филина.

Малой внезапно понял всю их глубину и смысл, что Юра вкладывал в свои стихи. Понял и посыл, который он пытался донести до слушателя.

— Бать, я тут что подумал, — внимательно вслушиваясь в затухающие ноты, поделился с отцом Чиж. — Где бы ни был Филин, он с честью прошёл свой опасный путь через туман. И как бы это пафосно ни звучит, но и мне нужный путь указал. Через всю эту грязь, в которую мы окунулись минувшим летом, удовлетворяя свои низменные инстинкты и хотелки, он или его душа, помогли расставить приоритеты. Показали, что хорошо, а что плохо. Пройдя через это, я себя смог найти! Я нашёл свой путь! — заверил отца малой.

Монолог сына Саныч слушал не перебивая. А в конце даже улыбнулся.

— А может ты и прав. В своё время и я с Филином через это прошёл. А потом многого понял, — вздохнул фермер, потрепав шевелюру сына. — А теперь, где я, а где друг?

Чиж улыбнулся отцу и вновь погрузился в мир музыки. Незамысловатая мелодия затронула и разбередила фермерскую душу.

— Давай, сына, жги, — махнул рукой фермер. — Давай, сына, как полагается, музыканта и друга в туман проводим. Я сейчас позвоню, агроном нам ещё вискаря притащит. Давай посидим, выпьем. По пацански. Вспомним всё хорошее, что было. А на плохое плюнем и разотрем. Тебе же восемнадцать сегодня! Давай сына, на выпей вот, а потом жги, — разошёлся Саныч, размахивая в такт музыке бутылкой дорогущего вискаря.

И Чиж давал. Практически до самого рассвета играл он песни, ставшие для него знаковыми. И перед каждой он неизменно поднимал к сентябрьскому небу граненый стакан и орал пьяным голосом: «За тебя, друг! Ты...».

Он не видел никого и ни на что не обращал внимания. Весь мир для него был здесь и сейчас. На крыльце этой бани, где был он и батя, который рассказывал о своей молодости.

А на утро у него было жестокое похмелье, сдобренное горьким послевкусием невызревших яблок и угрызениями совести.

От автора.

Да, это лето у Чижа выдалось крайне насыщенным. Кто-то скажет, оно было...

Но мне кажется, для паренька оно стало ярким примером, как нужно, а как нет. Этаким адаптацией «Что такое хорошо, а что такое плохо».

Сдаётся мне, пройдет два десятка лет и теплым майским вечером, когда лёгкий дождик омоет молодую травку, Чиж будет сидеть у открытого окна, вдыхать насыщенный воздух и вспоминать это лето. Может, даже, стаканчик пропустит, взгрустнёт, а потом достанет дневник Филина, скинет с плеч бытовуху и все рабочие проблемы да отправится в своё «Путешествие в молодость», напевая:

«Все пошло на сдвиг, наша жизнь как миг,

Коротка, как юбка у путан.

Нам всё нипочем, через левое плечо

Плюнем и пойдём через туман».

А потом... А потом у него обязательно будет всё хорошо.

Больше книг на сайте - Knigoed.net